

КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Академик В. В. БАРТОЛЬД

О Ч Е Р К
ИСТОРИИ СЕМИРЕЧЬЯ

КИРГИЗГОСИЗДАТ
Фрунзе — 1943

КИРГИЗСКИЙ ФИЛИАЛ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Академик В. В. БАРТОЛЬД

О Ч Ё Р К ИСТОРИИ СЕМИРЕЧЬЯ



КИРГИЗГОСИЗДАТ
Фрунзе — 1943

*Печатается по постановлению Президиума Кирг. ФАН
Заместитель Председателя Президиума Д. ШУКУРОВ*

Ответственный редактор А. Н. БЕРНШТАМ

Сдано в набор 13/VII 1943 г. Подписано к печати 8/VIII 1943 г. В печатном листе 59904 знака. Всего 3,25 печ. л. 4,87 учетно-издательских листов. Д—4059. Заказ 2176. Тираж. 3150

г. Фрунзе. Типолитография № 1.

АКАД. В. В. БАРТОЛЬД, КАК ИСТОРИК КИРГИЗСТАНА

В огромном литературном наследстве академика В. В. Бартольда изучение Семиречья, в том числе территории Киргизской ССР, занимает видное место. Строго говоря, большие исследования В. В. были начаты именно здесь, в Семиречьи, куда В. В. совершил свою первую научную поездку 1893—94 гг.

Открытие на р. Орхон в 1889 г. древнетюркских надписей и удачная их расшифровка В. Томсеном и В. Радловым после экспедиции 1890—1891 гг. выдвинуло, по инициативе В. Радлова, перед русским Археологическим Обществом идею отправки в Семиречье отряда для поисков аналогичных надписей. Веселовский Н. И., один из руководителей Русского Археологического Общества, предложил помимо С. М. Дудина (кандидатура В. Радлова) послать в Семиречье и человека знакомого с восточными языками, с тем, чтобы было более полно произведено обследование края, а так же считал необходимым, чтобы направлявшаяся экспедиция вела и археологические раскопки¹. В качестве такого участника экспедиции был приглашен В. В. Бартольд, тогда доцент Петербургского Университета.

Охотно взяв на себя это поручение, В. В. однако сетовал на необходимость вести археологические раскопки, к чему, по его мнению, он не имел никаких данных. Об этом он писал в письмах к друзьям, об этом он писал и в своей автобиографии: „Каждая новая попытка в этом направлении лишней раз показывала мне, что я лишен необходимых качеств для так называемых работ „в поле“ над вещественными памятниками истории„². И когда В. В. после двухлетней работы в Семиречьи вернулся в Петербург, не раскопав ни одного кургана, он почувствовал неудовлетворенность его работами со стороны В. Радлова и Н. Веселовского, оста-

¹ Подробные материалы об организации этой поездки хранятся в Архиве Русского Археологического общества, находящегося при Институте Истории материальной культуры в Ленинграде.

² „Автобиография В. Бартольда“, ж. Огонек, 1927 г. № 49.

вившую в нем столь глубокий след, что много лет спустя в той же автобиографии он писал: „Под влиянием Радлова я был командирован Академией Наук и Университетом в Среднюю Азию для разведочных археологических работ. Эта экспедиция не принадлежала к числу удачных“. Такова слишком скромная оценка В. В. своих собственных работ, положивших начало строго научному изучению Семиречья, построенному на совокупном исследовании данных письменных источников и археологии.

Поездку в Семиречье В. В. провел по маршруту в 1893 году: Чимкент—Аулие-Ата; из г. Аулие-Ата проехал вверх и вниз по р. Талас к югу до села Дмитриевское, к северу до урочища Оххум. В 1894 году он продолжил исследование. От Аулие-Ата В. В. проехал на восток по Чуйской долине по маршруту: Пишпек, Токмак. Затем В. В. на территории Киргизстана посетил Иссык-Куль, Нарын и на территории Казахстана долину р. Или. В это же время В. В. был в некоторых районах Южной Киргизии, куда он вторично приезжает в 1902 г.

Уже первая поездка 1893—94 г. послужила поводом к написанию В. В. целого ряда работ, которые главным образом касаются истории Киргизстана. Помимо краткого отчета, помещенного в Записках Восточного отделения Русского Археологического Общества (т. VIII, стр. 339—344), и статьи в „Туркестанских ведомостях“ за 1894 (№ 5—7) на тему „К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане“¹ В. В. напечатал в 1897 г. в Записках Академии Наук по Историко-филологическому отделению (VIII серия, т. I, № 4) полный отчет под заглавием: „Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью в 1893—94 гг.“ В этом отчете, наряду с изложением результатов полевых наблюдений, В. В. дает, по существу, исторический очерк края, построенный на огромном фактическом материале, извлеченном из письменных источников уже тогда хорошо известных В. В.

В дополнение к отчету В. В. дает издание персидского текста и русский перевод отрывка о турецких народах из сочинения Гардизи (XI в. н. э.) „Украшение известий“. Последний текст был обнаружен В. В. во время его заграничной поездки 1895 г. в Оксфордской Бодлеанской библиотеке.

Эти работы В. В. по Семиречью были тесно связаны с его одной из первых статей 1893 г. на тему „О христианстве в Туркестане в домонгольский период (Зап. Вост. Отд.

¹ Статья представляет собой доклад, сделанный на заседании Туркестанского отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии от 11 декабря 1893 г.

т. VIII, № 1—2)¹, являющейся расширением и развитием еще студенческой работы 1889 г. „О христианстве в Средней Азии“, удостоенной факультетом серебряной медали. Упомянутая студенческая работа В. В. являясь откликами на открытие в Семиречьи в 1886 г. Пантусовым и Поярковым несторианских кладбищ XII—XIV вв. под Пишпеком и Токомаком.

Естественно, что нахождение этих памятников в Семиречьи заставило В. В. как историка обратить внимание на исторические свидетельства об этом крае. Все это и определило первые интересы В. В. к территории Киргизстана.

Итогом всех этих работ полевых исследований, розысков в восточных рукописях и специальной литературе и явилась статья (вышедшая и отдельной брошюрой) в Памятной книжке Семиреченской области (Верный, 1898 г.) под заглавием „Очерк истории Семиречья“. Как видно из вышеуказанного, В. В. написал свой „Очерк“ после весьма солидных подготовительных работ.

Сам В. В. считал (и вполне справедливо), что его „Очерк“ в ряде случаев дал исчерпывающую картину истории Семиречья, а порой и всей Средней Азии. Не случайно в такой фундаментальной работе, как своем „Туркестане“, он совершенно сжато дает обзор ряда проблем, например, о каракитаях, отсылая к своему „Очерку“. И в своих последующих работах В. В. неоднократно опирается на свой „Очерк истории Семиречья“. Объясняется это, в частности, следующими обстоятельствами:

1. В очерке исчерпывающе была дана сводка письменных известий о Семиречьи, содержащихся в восточных рукописях.

2. За время жизни В. В. не поступало в научный обиход каких-либо существенных новых материалов.

Те новые материалы, которые главным образом доставили археологические исследования, поступили в научный обиход, как это видно из нашего краткого обзора (археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941 г., стр. 11 и сл.), после смерти В. В.

Новые сведения о Киргизстане В. В. дал в другом направлении: во-первых, в части Южной Киргизии, во-вторых некоторые дополнения по Истории Северной Киргизии.

¹ См. перевод этой статьи под заглавием: *Zur Geschichte des Christentums in Mittel-Asien bis zur mongolischen Eroberung* Tübingen, Lpz; рец. E. Chavannes в *Revue de l'histoire de religions* т. XIV, стр. 123 И. Умняков В. В. Бартольд—Бюлл. Сагу, № 14, стр. 176) отмечает еще заметки В. В. на эту тему в *Туркестанских Ведомостях* за 1894 г. № 21 и 1896 г. № 36.

В первом случае мы имеем в виду его прекрасные страницы из главы „Географический очерк Мавераннахра“ в „Туркестане“, посвященные Фергане, во втором, его дополнении к истории Чуйской долины в статье „К вопросу об языках согдийском и тохарском“ (сб. ИРАН, т. I, 1926 г.), вызванная изданием рукописи Махмуда Кашгарского „Диван Лугати—ат Тюрк“ и знаменитыми открытиями в Восточном Туркестане в начале XX века.

Территория Киргизстана не выходит из поля внимания В. В. во всей его научной деятельности. Во всех более или менее общих работах о Туркестане можно найти сведения о Киргизстане и зачастую, если не публикацию новых материалов, то во всяком случае еще более углубленную интерпретацию фактов, сопоставление событий, происходящих в Киргизстане с историческим процессом в Средней Азии в целом. Особенно ценными в этом отношении, помимо уже вышеотмеченных работ, являются его статьи, касающиеся истории Киргизстана, напечатанные в Энциклопедии Ислама, например, „Иссык-Куль“, „Киргизы“, „Кара-Китай“ и т. п., а также издание В. В. персидской рукописи X века Худут ал-Алам (Академия Наук, 1928 г.). И все же на фоне этих ценнейших дополнений, сделанных прежде всего самим В. В. „Очерк истории Семиречья“, как подробное изложение, в частности истории Киргизстана (равно как значительной части Истории Казахстана), остается и поныне непревзойденным по тщательности выборки из письменных источников фактов главным образом политической истории. Естественно, что при изучении истории Киргизстана невозможно обойтись без работы В. В. „Очерк истории Семиречья“.

Мы указали выше, что новые материалы о Киргизстане появились после смерти В. В. Эти новые материалы, главным образом археологического порядка, существенно дополняют и уточняют работу В. В. прежде всего в части исторической периодизации. Частично мы этих вопросов касались в своем предисловии ко второму изданию работы В. В. „Киргизы“, „Исторический очерк“ (Фрунзе, 1942 г.). Что дали археологические исследования в части дополнений и развития взглядов В. В., касающиеся Семиречья, отметил уже А. Ю. Якубовский в своей статье „ГАИМК—ИИМК и археологическое изучение Средней Азии за 20 лет (Краткие сообщения Ин-та Истории материальной культуры Академии Наук СССР, № 6, 1940 г.)“.

Работы Воеводского, Грязнова, Тереножкина 1929—1931 гг. дали существенные дополнения по истории Киргизстана в эпоху усуней и отчасти в средневековый период, при-

чем в характеристике средневекового периода большое значение имеют работы М. Е. Массона, как в Северной, так и в Южной Киргизии¹.

Нашими многолетними работами, проведенными Институтом Истории материальной культуры, совместно с Комитетом Наук при СНК Киргизской ССР показана связь культуры усуней с предшествующей сакской VII—VIII вв. до н. э. и последней в свою очередь с эпохой бронзы I—II тысячелетия до н. э.² установлен период вторжения гуннов в I в. до н. э. в Киргизстан³; выявлена роль и значение согдийской колонизации V—VII вв.⁴ и ее взаимоотношение с тюркским каганатом; уточнен вопрос о карлукском периоде VIII—X вв. и караханидах XI—XII вв.⁵, в частности историческая география и культура этого периода.

Впервые открыта каракитайская культура по раскопкам древнего города Баласагуна XI—XII вв.⁶ Выявлены и новые материалы по монголо-тимуридскому периоду⁷. Большие археологические материалы дали возможность ныне говорить об индивидуальном лице Семиречья, в том числе и древнего Киргизстана, показать его роль и значение в истории Средней Азии, начертить путь развития культурного прошлого древнего Киргизстана⁸.

Особенное значение имеют в этом отношении богатейшие коллекции, собранные экспедицией археологического надзора на строительстве Большого Чуйского канала в том же 1941 г.⁹

¹ Обзор этих работ см. Бернштам А. Н. „Археологический очерк Северной Киргизии“, стр. 15 и сл.; Памятники старины Таласской долины, стр. 7 и сл. Ср. статьи М. Массона в Кратких сообщениях ИИМК, № 4.

² Археологический Очерк, стр. 18 и сл.

³ Из истории гуннов I в. до н. э. Хуханье и Чжи Чжи шаньюй, Советское Востоковедение, т. I; Кенкольский Могильник, Л. Эрмитаж, Ср. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке „Краткие сообщения“, в. V.

⁴ Согдийская колонизация Семиречья, Краткие Сообщения ИИМК, вып. VI, Ср. Археологический Очерк, стр. 55, Памятники Старины.. стр. 18 и сл.

⁵ Тюркешские монеты, Труды Отдела Востока Эрмитажа, т. II.

⁶ Археологический очерк, стр. 66 и сл.; Баня Древнего Тараза, Труды Отдела Востока, т. II.

⁷ Археологический очерк стр. 96 и сл. там же, стр. 106 и сл.

⁸ Наши отчеты о работах помимо вышеуказанных статей и книг см. также в „Кратких Сообщениях ИИМК“, 4; Вестник Древней Истории № 4. 1939; № 2, 1940; Наука и Жизнь, 3, 1940 г.

⁹ См. наши статьи в газете „Советская Киргизия“ от 21/ V, 4/ VI и 22/ VI 1941 г. Научно-популярное обобщение всех этих работ 1938—41 г. в наших очерках „Историческое прошлое киргизского народа „Фрунзе, 1942 г. и „Культура древнего Киргизстана“ (Фрунзе 1942 г.), а также книжку „Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943 г.

Основные материалы, собранные во время этих экспедиций получили свое освещение в советской печати и за границей¹, коллекционные фонды послужили базой для создания историко-археологического отдела Кыргызского Государственного Музея Краеведения в г. Фрунзе².

И несмотря на эти большие новые данные, ценность работы В. В. „Очерк истории Семиречья“ не теряет своей ценности, ибо эти материалы, существенно расширяя наши познания в области социально-экономической истории, истории техники, культуры, искусства в значительной степени опираются на факты политической истории, впервые показанные В. В. в его „Очерке“³. Можно даже сказать, что тем самым еще больше подчеркивается ценность этой работы особенно для изучения политической истории края.

В первом издании в виду того, что В. В. не имел возможности вести корректуры, было допущено большое количество опечаток, особенно в собственных именах. Правда, в „Памятной книжке“ за 1900 г. был опубликован список опечаток, но он не мог исправить недостатка всего тиража. Уже давно „Очерк истории Семиречья“ стал библиографической редкостью и даже в центральных книгохранилищах Москвы и Ленинграда он, порой, представлен в единственном экземпляре. А между тем, в целях преподавания истории Среднеазиатских республик в школах, техникумах и вузах и, прежде всего, истории Кыргызстана, он абсолютно необходим, как ценнейшее пособие, написанное крупнейшим в мире востоковедом.

Исходя из этого Кыргызский Институт Истории, Языка и Литературы Комитета Наук Кыргызского Филиала Академии Наук СССР подготовил настоящее второе издание. Оно представляет собой перепечатку с первого издания 1898 г. с устранением, естественно, всех допущенных тогда опечаток.

Фрунзе, 1942 г.

А. Н. Бернштам.

¹ Ср. например, Краткие сообщения ИИМК, № I; Вестник Древней Истории №2, 1940 г.; Antiquary, декабрь, 1940 г., где опубликован перевод наших отчетов, помещенных в IV вып. Кратких сообщений ИИМК, Ars Isl mica, V (статья Н. Field and E. Prostov, Archaeological investigations in Central Asia 1917-37 г.г. стр. 266 и сл.)

² См. Акимова М. С. Путеводитель по историко-археологическому отделу, Фрунзе, 1942 г.

³ Целый ряд новых данных содержится в нумизматических работах М. Массона, о них см. в нашем Археологическом очерке, стр. 15—16, а также Vasiner R. Zur Münzkunde der Qarahaniden, MSOS zu Berlin, XXXIII, в II, Westasialische Studien.

ОЧЕРК ИСТОРИИ СЕМИРЕЧЬЯ

С величайшим удовольствием я принял предложение Комитета написать для издаваемой им „Памятной книжки“ краткий очерк истории страны и хронологический указатель важнейших событий. Самый факт проявления интереса к местной истории в Семиречье в высшей степени отраден для исследователя истории Средней Азии, который понимает, что полное и всестороннее изучение этой истории возможно только при деятельном участии местных сил. Дошедшие до нас письменные источники часто отрывочны и неполны и нуждаются в дополнении археологическим материалом. Собираение этого материала для лиц, приезжающих в страну на короткий срок и потому не имеющих возможности приобрести доверие туземцев, представляет почти непреодолимые трудности; только люди, постоянно живущие на месте, могут производить такие изыскания в более обширных размерах и обогащать науку действительно ценными открытиями. Такие открытия делались и в Семиреченской области (укажем на открытие несторианских кладбищ около Пишпека и Токмака), но до сих пор имели более или менее случайный характер. Значительная часть археологического материала пропадает без всякой пользы для науки; так, мне известно, что в русле старых арыков около Бураны жители Токмака находили множество монет, но существует ли где-нибудь собрание этих монет, я не мог узнать. Как всякое другое дело, дело исследования памятников местной старины может вестись успешно только при правильной организации. Позволяем себе поэтому выразить надежду, что и в Семиречье со временем для этой цели будет образовано общество, с определенными задачами и правами, наподобие существующего теперь в Туркестанском крае, уже обогатившего науку такими ценными открытиями, как найденные в долине Таласа древнетюркские и уйгурские надписи¹.

¹ Обращаем особенное внимание наших читателей именно на эту находку, так как изложенные ниже исторические факты дают полное основание надеяться, что такие же надписи будут найдены в Семиречье.

Собиранием археологического материала, конечно, не исчерпывается та польза, которую в деле исследования истории страны могут принести местные силы. Личное знакомство со страной необходимо для отождествления древних географических названий с современным, также для полного выяснения зависимости истории страны от географических условий. Нет надобности распространяться о значении для историка этнографических данных, при собирании которых местные деятели также находятся в более выгодных условиях.

Мы надеемся, что предлагаемый труд принесет некоторую пользу лицам, желающим работать на указанных поприщах. По доступным нам печатным и рукописным источникам мы постарались собрать в одно целое известный до сих пор исторический материал о Семиречье, причем обращали особенное внимание на известия о бытовых условиях в которых находилась страна в различные периоды ее исторической жизни. Мы не имели в виду написать историю страны в настоящем смысле слова, удовлетворяющую современным научным требованиям; для такого труда еще не наступило время; много вопросов, без разрешения которых не возможно понимание хода исторической жизни страны, мы могли только наметить, не решаясь дать на них какой-нибудь ответ. Предлагаемый очерк должен служить только материалом для будущего историка и исходной точкой для дальнейших исследований. В какой степени он удовлетворяет этой цели, судить не нам.

I. УСУНИ¹

Древние исторические известия о Семиречье мы находим в китайских источниках; у более ранних греческих и римских писателей мы находим только несколько имен народов, живших за Сыр-Дарьей, без определения жилищ каждого из них. Китайцам Семиречье сделалось известным только в конце II века до н. э., когда китайское правительство, ища союзников против могущественных хуннов, отправило посольство в западные страны. К числу побежденных хуннами народов принадлежали усуни, первоначально кочевавшие в области между хребтом Нань-Шань и рекой Булунцзир; здесь их царь погиб в сражении с хуннами; его новорожденного сына хуннский царь взял к себе

¹По китайским известиям, собранным в книге Иакинфа Бичурина: „Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена“, 3 части, СПб. 1851 г.

на воспитание и впоследствии, когда он отличился в походах, возвратил ему народ его отца. Усуни приняли участие в исследовании своих прежних соседей, тоже разбитых хуннами, *юечжийцев*, народа, по всей вероятности, тибетского происхождения. Во время своего движения на запад юечжийцы вытеснили из Семиречья народ *Сэ*, имя которого обыкновенно отождествляют с названием народа *саков*, часто упоминаемого в греческих и персидских известиях о Средней Азии, хотя в пользу такого сближения нельзя привести никаких доказательств, кроме сходства звуков. В свою очередь юечжийцы были вытеснены усунями, которые в эпоху первых китайских посольств господствовали в Семиречье, хотя в стране осталась жить также часть обоих упомянутых народов¹. Здесь усуньский царь *Леэцзяо-ми*, носивший титул *гунь-мо*, скоро достиг такой степени могущества, что совершенно перестал подчиняться хуннам. На востоке его владения непосредственно соприкасались с владениями хуннов (точного определения границ владений того и другого народа китайцы не дают); на юг от страны усуней находились искони оседлые владения Восточного Туркестана, на юго-запад—Фергана, на запад—владения кочевого народа *Кан-гюй* (может быть тюркский народ *Канглы*). Так как усуня жили к северо-востоку, кангюйцы—к северо-западу от Ферганы², то граница между их владениями приблизительно совпадала с границей между Семиречьем и Сыр-Дарьинской областью. Что касается происхождения усуней, то от их языка до нас дошли только собственные имена и титулы, притом только в китайской транскрипции, до сих пор не исследованные ни одним лингвистом (мы можем обратить внимание только на часто повторяющееся окончание *ми*); о их наружности мы имеем только следующее свидетельство позднейшего (VII в. н. э.) китайского писателя *Шы-гу*³: „Усуньцы обликом весьма отличны от других иностранцев западного края. Ныне тюрки⁴

¹ Народ *Сэ* образовал три владения на границе между Семиречьем и Восточным Туркестаном; китайцы называют эти владения *Гибинь*, *Хюсюнь* и *Гуаньду*.

Владения Гибинь, *Хюсюнь* и *Гуаньду* находились не между Семиречьем и Восточным Туркестаном, а в горах *Гиндукуш* и в долине *Кабула*; греческие писатели называют эти владения *индоскифскими*, так что тожество народа *Сэ* со скифами или саками можно признать несомненным.

² *Иакинф*, Собрание сведений, III, 5—6.

³ *Иакинф* III, 65.

⁴ Этим словом о. *Иакинф* постоянно переводит китайский термин *ху* (варвар).

с голубыми глазами и рыжими бородами, похожие на обезьян, суть потомки их¹. Конечно, этого слишком мало для решения вопроса, были ли усуни арийцами, как полагали прежние ориенталисты, начиная с Абель-Ремюза и Клапрота, или тюрками, как полагают академик В. В Радлов² и автор новейшего исследования о тюрках, Н. А. Аристов³.

Кочевья усуней занимали главным образом равнинную часть Семиречья, так как китайцы называют их землю ровной и травянистой; говорится также о дождливом и холодном климате страны. Горы были покрыты хвойным лесом. Численность народа определяется в 120.000 семейств или 630.000 душ; усуни могли выставить 188.800 человек войска. Столица или вернее главная ставка усуней, *Чи-гу*, повидимому находилась на юго-восточном берегу Иссык-Куля, так как китайцы помещают ее в 610 ли на северо-запад от Аксу, в 2000 ли на северо-восток от столицы Ферганы и в 5000 ли от границы кангюйских владений⁴. Город Чи-гу упоминается также в китайском маршруте VII в. н. э., притом всего на расстоянии 50 ли от перевала Бедель, но этот маршрут вообще очень сомнителен и нуждается в новом исследовании со стороны какого-нибудь синоведа⁵. На чем основывается убеждение г-на Аристова, что Чи-гу находился именно на берегу Кызыл-су, мы не знаем. С другой стороны нельзя не согласиться с мнением г-на Аристова⁶, что отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усунь, совершенно бесполезно. Нет также основания приписывать усуням, как это делается иногда еще теперь⁷, все памятники древности, сохранившиеся на берегах Иссык-Куля или на дне его. Мы увидим, что на Иссык-Куле были города и крепости в такое время, когда самое имя усуней давно исчезло.

¹ Несколько иначе во французском переводе: Ils avaient les yeux bleus (ou verdâtres), la barbe rousse, et ressemblaient adès singes, dont ils tiraient leur origine. (Vivien de Saint-Martin, Les Huns Blancs ou Ephthalits, Paris 1849, p. 32).

² К вопросу об уйгурах, СПб. 1893, стр. 126.

³ Заметки об этническом составе тюркских племен, СПб. 1897 г., стр. 17).

⁴ Последняя цифра вероятно преувеличена, так как в другом месте (Иакинф III, 6) столица кангюйцев также помещается в 2000 ли к северо-западу от столицы Ферганы. Ли—около $\frac{1}{2}$ версты. Расстояние в 610 ли от Аксу не подтверждает мнения о Иакинфе (III, 100), который помещает Чи-гу к северо-востоку от озера.

⁵ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VIII, 31.

⁶ Заметки, стр. 26.

⁷ Протокол заседания общего собрания членов Туркестанского кружка любителей археологии, состоявшегося 29 августа 1897 года, стр. 12.

Около 105 г. до н. э. к усуням прибыл китайский посол Чжан-цян и предложил им вернуться на восток, чтобы в союзе с китайцами возобновить борьбу против хуннов. План Чжан-цяня не нашел себе сочувствия среди усуней, и прием, оказанный послу в ставке гунь-мо, не был благоприятен; но когда усуньский посол, отправленный в Китай для сопровождения Чжан-цяня, рассказал своему повелителю о блеске и могуществе Китайской империи, авторитет Китая несколько возвысился. К тому же китайские послы после Чжан-цяня отправлялись на запад через Восточный Туркестан и Фергану, вследствие чего усуня лишались отправлявшихся с такими посольствами щедрых даров. Вследствие этого гунь-мо отправил в Китай новое посольство с просьбой выдать за него китайскую царевну и с ним 1000 лошадей в качестве сговорных даров. Просьба его была исполнена, но царевна была сделана только младшей супругой гунь-мо, тогда как дочь хуннского шаньюя, тоже в это время выданная за престарелого царя усуней, была объявлена старшей супругой. Привыкшая к иному образу жизни, царевна тосковала в степи и изливала свое горе в стихах, жалуясь, что ее выдали за усуньского царя, который живет в круглой хижине, обтянутой войлоками, питается мясом, пьет молоко ¹. Во время похода китайцев на Фергану (102 г.) усуня по желанию китайского правительства отправили вспомогательный отряд в 2000 человек, который однако занял выжидательное положение и не принимал участия в военных действиях ².

Перед смертью гунь-мо потребовал, чтобы царевна по степному обычаю вышла за его внука и преемника *Гюнь-цуйми*, носившего титул *Сэньцзу*; царевна не хотела, но китайское правительство убедило ее подчиниться обычаям народа ³. После Сэньцзу остался только малолетний сын (от хуннской царевны) *Ними*; престол временно, до совершеннолетия Ними, занял двоюродный брат Сэньцзу, *Унгуymi*, который женился на китайской царевне, вдове своего предшественника (это была уже вторая царевна, выданная за Сэньцзу; вдова *Лецзяоми* умерла раньше). Унгуymi по видимому был талантливым правителем и сумел поднять как внутреннее благосостояние, так и внешнее могущество своего народа. В 71 г. до Р. Хр. Унгуymi по соглашению с китайцами предпринял победоносный поход против хун-

¹ Иакинф III, 67.

² Иакинф III, 30.

³ Иакинф III, 68.

нов, увел в плен до 40000 людей и захватил до 70000 голов скота. Он вмешивался также в дела Восточного Туркестана; его второй сын был сделан владельцем Яркенда, его старшая дочь была выдана за владельца Кучи. Унгуymi умер в конце 60-х годов до н. э.; ему наследовал Ни-ми, с титулом *Куан-вана*.

Куан-ван женился на вдове своего предшественника и, несмотря на ее возраст (более 50-ти лет), имел от нее сына, но не жил в согласии с женой и не пользовался также народной любовью. Когда в Чи-гу прибыло китайское посольство, царица уговорила послов созвать пир, на котором Куан-ван должен был быть убит. План не удался; Куан-ван был только ранен и ускакал. Сын царя, Сисэньсэу, во главе войска осадил Чи-гу, очевидно находившийся в руках царицы и китайцев. Китайское правительство поспешило загладить вину своих послов; они были привезены в Китай и казнены; к царю были посланы подарки и врач для исцеления его раны; царица на допросе отрицала свою вину. Неудовольствием народа против Куан-вана воспользовался *Уцзюту*, сын Унгуymi от хуннской царевны; он удалился в „северные горы“ (Алатау), объявил, что ждет помощи от хуннов, собрал вокруг себя народ, неожиданно напал на Куан-вана, убил его и занял престол. Китайцы не могли допустить торжество хуннской партии и готовились к походу на Семиречье; но благодаря одной китаянке, вышедшей замуж за усуньского вельможу, было достигнуто примирение. Уцзюту принял титул младшего гунь-мо; старшим был объявлен *Юаньгуйми*, сын Унгуymi. Старшему гуньмо досталось 60000 семейств, младшему—40000. В качестве союзника китайцев Уцзюту даже воевал с хуннами, но неудачно; более успешны были его действия против китайцев¹.

При таком двоевластии неизбежно должны были произойти беспорядки и междоусобия. На некоторое время порядок был восстановлен энергией старшего гунь-мо *Цылими*, внука Юань-гуйми; его правление возвратило стране „тишину и мир“ времен Унгуymi. Между прочим он обнародовал, чтобы никто не смел пасти свой скот на его пастбищах²; повидимому это указывает на существование в стране усуней запретных пастбищ или, как они

¹ Иакинф I, 76—77.

² Иакинф III, 75.

впоследствии назывались у тюрков и монголов, *куруков*¹. Цылими погиб от руки убийц, подосланных младшим гунь-мо, после чего китайцы возвели на престол его внука *Ичими*, сына китайской царевны. Вообще китайцы в борьбе старших гунь-мо с младшими принимали сторону первых. Когда младший гунь-мо *Аньлими* с согласия китайского правительства был низложен и убит хуннами и на его место посажен китайский ставленник (11 г. до н. э.), дядя его *Бихуаньчи* с 80000 человек удалился на север, к китайцам, и оттуда производил нападения на обоих гунь-мо, вследствие чего последние теснее сблизились с Китаем. В 1 г. до н. э. Ичими приезжал в столицу Китая, где ему был устроен торжественный прием; в одно время с ним в столице был шаньюй хуннов; Бихуаньчи наконец был убит китайским наместником „посредством нечаянного нападения“ (вероятно также посредством подосланных убийц).

Около 8-го г. н. э. Восточный Туркестан снова перешел во власть хуннов; сношения китайцев с „западным краем“ прекратились и возобновились только с 73 г.; в 97 г. отряд китайцев, отправленный полководцем *Бань-чао*, доходил до Каспийского моря. Эти события повидимому совсем не отразились на Семиречье, об истории которого мы для этой эпохи не имеем никаких известий. Говорится только, что усунь во II в. „совершенно отторглись“² от Китая. Также мы ничего не знаем о движении через Семиречье хуннов, во время выселения их из Монголии на запад, которое приняло широкие размеры в конце того же II в. н. э. С половины II в. в истории Китая наступил смутный период, и сношения с западным краем не возобновлялись до V в.

Место хуннов в Монголии заняли *сяньбийцы*, народ, по всей вероятности, тунгусского происхождения. Сяньбийский владетель *Таньшихай* (181 г.) покорил все земли на запад до владений усуней³. Принадлежавший уже к другой сяньбийской династии владетель *Юйлюй* в начале IV в. покорил между прочим „древние усуньские земли“⁴. С конца IV до половины VI вв. первенство в Средней Азии принадлежало *жужаням*, которых обыкновенно также считают тунгусским народом. Набеги жужаней заставили усуней окончательно переселиться из равнинной части Се-

¹ Мухаммед Наршахи, История Бухары, перевод Н. Лыкошина, Ташкент 1897, стр. 40.

² Иакинф III, 108.

³ Иакинф I, 169.

⁴ Иакинф I, 193.

миречья в горы Тянь-Шаня¹. В 425 г. некоторые западные владетели, между прочим усуньский, отправили послов в Северный Китай, где в то время господствовала сяньбийская династия *Юань-Вэй* или *Бэй-Вэй*; таким образом возобновились сношения Китая с западными народами. В 436 г. к усуням было отправлено китайское посольство; впоследствии усуня ежегодно отправляли в Китай посольство с дарами. После этого мы в истории уже не встречаем имя усуней, как самостоятельного народа; как известно, это имя сохранилось только в названии Большой киргиз-казахской орды (*уйсуны*).

II. ТЮРКИ ²

В VI в. в Средней Азии возникла новая кочевая империя. Новые завоеватели, тюрки, вышедшие из Алтая, в короткое время подчинили себе все народы от Великого океана до Черного моря. Основатель империи, *Или-хан Тумынь*, умер в 553 г.; после смерти хана *Тобо* (581 г.) империя распалась на два государства, восточное и западное; центром последнего, как и большинства последующих кочевых государств в западной части Средней Азии, была прежняя земля усуней, т. е. Семиречье. В истории Семиречья период владычества тюрков имеет чрезвычайно важное значение. Центр кочевой империи всегда представлял большую притягательную силу для купцов из разных стран, находивших здесь выгодный сбыт своим товарам, особенно тканям, главному предмету ввоза к кочевникам как со стороны Китая, так и со стороны Западной Азии. Вместе с происходившими в VII в. в Фергане смутами, продолжавшимися несколько десятилетий, это обстоятельство содействовало передвижению на север главного торгового пути из Западной Азии в Китай. Минуя Фергану и Кашгар, путешественники отправлялись из Самарканда на северо-восток, через Ташкент и Аулиэ-ата в Семиречье, к

¹ Иакинф II, 162.

² Сведения об этих тюрках мы, кроме собранных о. Иакинфом китайских исторических известий (см. гл. I), находим еще в рассказе о путешествии *Сюань-Цана*. (*Mémoires sur les contrées occidentales*, trad. par M. Stanislas Jullien, 2 tt. Paris 1857—8), в биографии этого паломника (*Histoire de la vie Hiouen—Thsang*, trad. par Stanislas Jullien Paris 1853) и в рассказах византийских послов (*Corpus scriptorum Hist. Byz.*, t. I). На последних мы здесь не останавливаемся, так как послы, хотя и проезжали через Семиречье, не сообщают о нем никаких сведений. О быте тюрков византийцы сообщают некоторые любопытные данные; на русском языке их рассказы подробно изложены в книге Д. И. Иловайского „Розыскания о начале Руси“, Москва 1876.

берегам Чу, оттуда по южному берегу Иссык-Куля и через перевал Бедель в Аксу. Этот путь впервые, насколько нам известно, упоминается у буддийского паломника VII в. Сюань-цана и в китайской „Истории династии Тан“; последнее сочинение написано в XI в., но сообщенные в нем данные относительно западного края все относятся к VII или VIII в. в. Мы не находим в китайских маршрутах подробного описания пути через Семиречье; все-таки эти данные дают нам возможность утверждать, что по крайней мере в Чуйской долине уже в VII в. несомненно существовала земледельческая культура и что эта культура была принесена сюда выходцами из Мавераннахра (т. е. культурной области между Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей), подобно тому, как в новейшее время такие же колонии были основаны жителями Кокандского ханства. При Сюань-цане вся страна между Аму-Дарьей и Чу в культурном отношении представляла одно целое; одежда жителей, письма и язык везде были одинаковы. Алфавит, вероятно сирийского происхождения, состоял из 32 знаков; писали сверху вниз; были уже исторические сочинения. Наиболее распространенной религией вероятно было манихейство¹. О наружности жителей говорится, что они соединяли волосы и оставляли макушку открытой; некоторые совершенно брили голову и закрывали лоб куском шелка. Половина жителей занималась земледелием, другая половина—торговлей; центром торговли был „город на реке Суй-е“ (Чу), который, как мы увидим дальше, в более поздних мусульманских источниках носит название *Суяб* и помещается непосредственно к югу от перевала Кастек. В Суябе уже в VII в. жили купцы из различных стран. К западу от него было несколько десятков городов, из которых каждый имел отдельного правителя, независимого от других, но все правители подчинялись тюркам.

В окрестностях Суяба обыкновенно находилась орда *кагана*² западных тюрков; здесь же произошла встреча Сюань-цана с одним из этих каганов³. Каган носил зеленый шелковый плащ; волосы его были распущены, лоб, как и у местного оседлого населения, закрыт куском шелка, длиной в 10 футов, который несколько раз был обернут

¹ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VIII, 3—5.

² Тюркский титул, из которого посредством сокращения образовалось слово *хан*. Правильность формы *каган*, встречающейся в русских летописях, подтверждается орхонскими надписями; мусульманские авторы обыкновенно пишут *хакан*.

³ Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, p. p. 55—58.

вокруг головы. В отличие от кагана у всей его свиты волосы были заплетены. Каган жил в большом шатре, в котором было множество золотых вещей. В шатре на кошмах в два ряда сидели вельможи, все в шелковых одеждах; за ними стояли телохранители кагана. „Хотя это был варварский государь, живущий в войлочном шатре, все-таки на него нельзя было смотреть без удивления и почтения“. Когда отшельник находился еще в 20 шагах от шатра, каган вышел ему навстречу, поклонился ему, сделал ему несколько вопросов через переводчика и велел принести для него железное кресло. Тюрки не употребляли деревянных сидалищ, что Сюань-цан объясняет почитанием огня, будто бы заключающегося в дереве. В шатре находились также послы из Китая и из Гао-Чана (т. е. Уйгурии, области, где теперь города Урумчи, Турфан и Хами). Начался пир при звуках музыки; несмотря на дикость звуков, они „успокаивали слух и восхищали душу и сердце“. Гости ели мясо и пили вино; отшельнику была предложена растительная пища и молоко. После пира отшельник по приглашению кагана произнес проповедь в духе буддийского учения; по окончании ее каган поднял руки, совершил земной поклон и объявил, что с верой принимает наставления. Когда учитель через несколько дней собрался уезжать, ему дали в провожатые молодого человека, несколько лет жившего в городе Чан-ань (Си-ань-фу) и потому отлично говорившего по-китайски.

При кагане *Шаболо-Хилиши* (634—638 г.) западно-тюркский народ был разделен на десять поколений; пять к западу и пять к востоку от реки Чу; первые назывались *Нушиби*, вторые—*Дулу*. Скоро после этого империя западных тюрков распалась на два государства, разделенные между собой рекой Или. Постоянно происходили междоусобия среди членов царствующего дома, в которые вмешивались китайцы. Некоторым каганам удавалось на короткое время восстановить единодержавие; таков был в 651 г. каган *Ашин-Хэлу*. В 657 г. китайцы, за четверть века перед тем подчинившие себе восточно-тюркское государство, привели к такому же подчинению западных тюрков, князья которых теперь получили китайские титулы и считались китайскими наместниками¹. Иногда тюркские князья восставали против китайцев и заключали против них союз с тибетцами, овладевшими в это время частью Восточного Туркестана. В 704 г. каган *Ашина-Хуайдао* сно-

¹ Иакинф I, 360—361.

ва подчинил себе все десять поколений; но со смертью его сына и преемника *Ашина-Синь*, убитого в городе *Кулане*¹, пресекся западно-тюркский царствующий дом (около 740 г.).

Еще прежде усилилось одно из поколений Дулу, именно *тюргеши*, кочевавшие между Чу и Или; главная орда их князя находилась в Суябе, младшая орда—на берегу Или. Самым могущественным из тюргешских князей был *Сулу* (738 г.); фактически его могущество даже затмевало блеск западно-тюркского престола, который в то время занимал *Ашина-Хуайдао*, выдавший за Сулу свою дочь; кроме того Сулу породнился с восточно-тюркскими каганами и с владетелями Тибета. В 738 г. он был убит одним из тюргешских князей, носившим титул *Мохэ-даганя*. На престол был возведен сын Сулу; Мохэ-дагань однако в союзе с владетелями ферганским и ташкентским разбили его при Суябе и взяли в плен. В 740 г. Мохэ-дагань сделался правителем тюргешей и велел убить последнего западно-тюркского кагана; но и его собственное правление не было продолжительно. Наступило смутное время; в 748 г. китайский наместник Восточного Туркестана *Ван-чжэн-сянь* взял и разрушил до основания Суяб. В следующее десятилетие тюргеши лишились всякого могущества. Западная часть Семиречья теперь находилась в зависимости от города Таласа, а Талас—от ташкентского владетеля. Насколько вся местность должна была страдать от постоянных междоусобий, видно из слов китайского летописца, что „землепашцы здесь ходят в латах и захватывают друг друга в неволю“².

Распадение западно-тюркской империи много содействовало успехам арабов в Мавераннахре; оттого на этот факт должны были обратить внимание и арабские летописцы, которые приурочивают его к 119 г. хиджры (737 г. по Р. Хр.). По словам арабов³ последний тюркский каган жил в городе Невакете (в Чуйской долине, к востоку от Токмака); здесь у него были запретный луг и запретная гора, к которым никто не смел приблизиться; стада, пасшиеся на лугу, и дичь горы должны были служить провиантом при военных походах. Каган причинил много вреда арабам и за это получил от них прозвание Абу-Музахим (собств. „толкающий, бодающийся“, т. е. бык или слон). В одной битве в Тоха-

¹ Ныне станция Тарты (Луговое) в Сыр-Дарьинской области. Ср. статью В. А. Каллаура в приложении к протоколу заседания Турк. кружка люб. археол. от 5 мая 1897 г., стр. 7.

² Иакинф III, 244—245.

³ Tabari Annales II, 1593—1613, 1689—1691.

ристане (область на юг от Аму-Дарьи, к востоку от Балха) тюрки однако были разбиты арабами; по возвращении на родину каган был убит из личной мести тюркешским князем *Курсулем*. После этого тюрки рассеялись в разные стороны. Сам Курсуль, достигший преклонного возраста, в 739 г. был взят в плен арабами на берегу Сыр-Дарьи; в качестве выкупа за себя он предлагал 1000 лошадей и 1000 верблюдов, но арабский наместник *Наср* все-таки велел его убить. Труп был сожжен, чтобы тюрки не могли унести кости на родину; по словам арабского историка, это огорчило их еще более, чем самая смерть Курсуля. От сближения арабских известий с китайскими мы, ввиду отрывочности и сомнительной достоверности тех и других, предпочитаем воздержаться.

III. КАРЛУКИ ¹

Китайские, арабские и персидские источники дают нам возможность составить себе довольно точное представление о группировке тюркских племен после падения западно-тюркской империи. Племена, основавшие империю, кроме названия *тюрк* носили еще как на востоке, так и на западе общее имя *огузов* или *токуз-огузов* (собств. „девяти огузов“), несмотря на китайское известие о делении западных тюрков на десять поколений. Тюрков *Шато* (собств. „степных“), основавших государство в самой отдаленной части Восточного Туркестана, китайцы выводят из западно-тюркского государства ²; у арабов именно эти тюрки известны под названием тугузгузов, т. е. токуз-огузов. Другая ветвь огузов удалилась на запад и основала государство, центром которого были низовья Сыр-Дарьи. Память о пребывании в Семиречье сохранилась в сказании огузов, по

¹ Китайские источники дают нам некоторые сведения только о событиях VIII в. Известия о положении Семиречья в IX и X в. в. мы находим главным образом в сочинениях арабских географов, изданных голландским ориенталистом de Goeje (Bibliotheca Geographorum Arabicorum, Sit.; t. VI с французским переводом). Некоторые географические сочинения, содержащие наиболее подробные сведения о Средней Азии, как труд *Джейхани* и большой труд *Ибн-Хордадбеха* утрачены; но ими пользовались персидские авторы, как неизвестный автор сочинения X в., найденного в Бухаре А. Г. Туманским (см. Зап. Вост. Отд. VIII стр. 121 и след.) и источник XI в. *Гардизи*, отрывок из сочинения которого издан мною в приложении к моему „Отчету о поездке в Среднюю Азию“ (СПб. 1897).

² Иакинф I, 452.

которому местопребыванием мифического Тюрка, сына Яфета, были берега Иссык-Куля¹.

В Семиречье остались только тюргеши, разделившиеся на два поколения, на *тахсийцев* и *азийцев* (чтение этих названий сомнительно, возможно, что азийцы тождественны с упоминаемым в орхонских надписях народом Аз). Главенство в Семиречье во второй половине VIII в. перешло к народу карлуков, главная масса которых теперь выселилась из Алтая (передовая ветвь карлуков еще в начале столетия достигла берегов Аму-Дарьи). В 766 г. карлуки заняли Суяб и перенесли сюда свою столицу; их государь носил титул *джабгу* несомненно тождественный с часто встречающимся в орхонских надписях титулом *ябгу*².

Таким образом Семиречье и после падения тюркской империи осталось в руках тюркских народов и не было завоевано ни арабами, ни китайцами. Вмешательство китайцев в дела Западного Туркестана прекратилось после поражения, нанесенного им в 751 г. арабским полководцем *Зиядом б. Салихом*. Арабы ограничились тем, что в конце VIII в. вытеснили карлуков из Ферганы; на северо-востоке мусульманские завоеватели, насколько известно, никогда не заходили дальше Таласа.

Гораздо больше влияния на судьбу тюрков, чем успехи мусульманского оружия, оказало мирное распространение мусульманской культуры посредством торговых сношений. Население Мавераннахра всегда отличалось торговой предприимчивостью и еще до появления ислама основало торговые колонии в разных местностях Средней Азии; согдийские колонии были даже в самой отдаленной части Восточного Туркестана, в области токуз-огузов³. Что согдийцы играли некоторую роль в Семиречье, видно из того, что по словам персидского географа X в. селение *Беклиг* или (по другому чтению) *Беклилиг* находившееся к северу от перевала Кастек, на *согдийском языке* носило название Семекна⁴. За купцами, как всегда, следовали миссионеры

¹ Abou-Ghazi Behadour Khan, Histoire des Mogols et des Tatares, trad. par le baron Desmaisons, St.-P. 1874 p. 9.—Абуль-Гази-Бохалур-Хан. Родословные туркмен, перев. А. Туманского. Асхабад 18-7, стр. 9. Древнейшая редакция этой легенды находится в персидском сочинении XII в. Муджмил-ат-таварих, единственная рукопись которого хранится в Парижской национальной библиотеке (Ancien Fonds Persan № 62, f. 64).

² Китайцы обозначают оба титула одним и тем же словом (о правильном чтении этого слова см. Thomsen, Inscriptions de l'Orkhon, Helsingfors 1896, p. 59).

³ Рукоп. Туманского л. 17.

⁴ Рукоп. Туманского л. 18.

различных религий, распространенных в Мавераннахре, среди которых были и христиане несторианского толка. Во многих городах Туркестана, по свидетельству мусульманских писателей, были христианские церкви; об одном из кочевых народов Семиречья, именно о живших около Иссык-Куля *джикилях*, говорится, что среди них были христиане ¹.

Мусульманские авторы подробно описывают торговый путь из Западной Азии в Китай через Семиречье и упоминают на этом пути несколько городов, но чтение большей части этих названий сомнительно ². Около Пишпека, вероятно на месте селения Аламедин, находился город *Джуль* (может быть тюркское слово *чуль* — степь); здесь с дорогой из Тараза (Талас, Аулиэ-ата) соединялась дорога из Ахсикета (т. е. из Наманганского уезда, через перевал Каракол ³. Крупным торговым городом в Чуйской долине был *Невакет* или *Невикет*, где дорога разделялась на две ветви; одна шла через ущелье Джиль-арык к берегам Иссык-Куля, другая — на север в Суяб. Расстояние между Джулем и Невакетом было 15 фарсахов, т. е. около 90 верст; поэтому Невакет можно поместить в том месте, где от дороги, проходящей по левому берегу Чу, отделяется дорога на Карабулак. Вся эта местность принадлежала карлукам; берега Иссык-Куля большею частью составляли владения отделившегося от карлуков народа джикилей. Между Невакетом и ущельем было еще большое торговое селение *Керминкет* (по другому чтению *Кумберкет*), принадлежавшее карлуцкому поколению *Лабан*; владетель носил титул *Кутегин-Лабана* ⁴. Ущелье уже в то время носило название *Джилль*; историк Гардизи замечает, что это слово значило „тесный“. В 12 фарсахх к югу от ущелья находился город *Яр*, который мог выставить 3000 воинов; здесь была столица джикильского владетеля, носившего титул *тексина*; по указанным расстояниям город должен был находиться уже на берегу Иссык-Куля, именно на южном берегу, так как озеро оставалось влево от дороги. В 5-ти фарсахх от Яра был город *Тон*, очевидно в долине речки этого имени, где и теперь видны значитель-

¹ Григорьев. Об арабском путешественнике Абу-Долефе. Спб. 1872. стр. 27—28. О жилищах джикилей см. ниже.

² Об этом пути см. мой отчет, стр. 30—32, 114; также Зап. Вост. Отд. VIII, 15—17.

³ Рукоп. Туманского л. 18.

⁴ Муджмилль л. 273. Слово *Лабан* несомненно не тюркского происхождения, хотя автор рукописи Туманского называет это поколение карлуцким.

ные развалины. В трех днях пути от Тона находился *Барсхан*; между этими двумя городами встречались только шатры джикилей. Название города вероятно сохранилось в названии речки Барскаун. По словам географа Кудамы город состоял из целой группы поселений, — четырех больших и пяти малых. Владелец носил титул *манака*, по другому известию¹ титул *тебин-барсхана*; город мог выставить 6000 воинов. Барсханский манак, по словам персидского географа X в., происходил из карлуков, но впоследствии жители перешли на сторону токуз-огузов. Как центр торговых сношений между восточным и западным Туркестаном, город имел важное значение; в генеалогических сказаниях тюрков один из сыновей Тюрка носит имя Барсхан².

В Барсхан вел также прямой путь из Ферганы, именно из Узгента через перевал Ясы (Джасы), долину Арпа и долины рек Кара-Коина, Атбаша и Нарына³. Около впадения Кара-Коина в Атбаш, на холме, стоял город *Атбаш* (ныне развалины Кошой-Курган), на одинаковом расстоянии (6 дней пути) от Ферганы, от Барсхана и от границы тибетских владений (в Восточном Туркестане); дорога в тибетские владения вероятно шла через перевал Туругарт. Между Атбашем и Барсханом не было ни одного селения. Южная часть Семиречья была занята народом *Ягма* (передовой ветвью токуз-огузов), которому принадлежал также Кашгар; границей между владениями карлуков и Ягма считался Нарын⁴.

Наконец с Барсханом соединялся еще кружный путь из Невакета через Суяб. Суяб находился к северу от Чу, в земле тюргешей у подошвы гор на расстоянии 3 фарсахов от Невакета, повидимому на месте нынешнего селения Карабулак. Владелец был братом одного из тюркских ханов, но носил арийский титул *ялан-шаха*, т. е. „царя героев“; город мог выставить до 20000 воинов. По дороге в Суяб, на расстоянии 1 фарсаха от Невакета, был еще город *Пенджи-ет*, выставявший 8000 воинов; около Суяба было еще три селения, из которых каждое имело особого владетеля. Горы, через которые проходил перевал (Кастек), считались у тюрков священными; по их верованию здесь было местопребывание Божества. К северу от перевала был город Беклиг или Беклилиг, владелец которого по одному известию носил титул *Бадан-Сангу*, по

¹ Муджмилъ, *ibid.*

² Муджмилъ, л. 61.

³ Об этом пути смотри мой Отчет стр. 41 и след.

⁴ Рукопись Туманского л. 9, 17.

другому тюркский титул *Янал-тегина*; у него было 3000 воинов; кроме того город выставлял 7000 воинов¹. Путь из Суяба в Барсхан караваны проходили в 15 дней, тюркская почта—в 3 дня. Вероятно имеется в виду путь через Кастек, Верный, вдоль северного склона Заилийского Алатау и через перевал Кызыл-кия (на возвышенности Сан-Таш) в Каракол; для расстояния от Токмака до Каракола по северному берегу Иссык-Куля указанное арабами число дней слишком велико. Однако и на северном берегу Иссык-Куля во владениях джикилей, на границе с владением карлуков, находился большой торговый город *Сиккуль*, вероятно тождественный с городом Иссык-Куль, который, как мы увидим дальше, существовал еще при Тимуре².

Из всех тюркских народов наибольшему влиянию мусульманской культуры, конечно, должны были подвергнуться карлуки. Известие, будто карлукский джабгу еще при калифе Махди (775-785 г.) принял ислам³, сомнительно; но во всяком случае в X в. в нескольких городах к востоку от Таласа уже были соборные мечети⁴. Влияние культуры отразилось также на образе жизни карлуков, среди которых кроме кочевников и охотников были также земледельцы⁵. Но карлуки часто подвергались нападениям других тюркских народов, особенно тогуз-огузов, которые в X в. считались самыми могущественными из всех тюрков; по религии большинство тогуз-огузов вместе с ханом были манихеями, но среди них были также христиане, буддисты и мусульмане⁶. Мы видели, что в руках тогуз-огузов в X в. находился принадлежавший прежде карлукам город Барсхан; кроме того о городе *Пенчуле* (чтение сомнительно) или нынешнем Аксу говорится, что город находился во владениях карлуков, но владетель его был в зависимости от тогуз-огузов; потом им завладели киргизы⁷. Киргизы жили в то время на верховьях Енисея, куда к ним, по китайским известиям, еще в VIII в. каждые три года отправлялись из Кучи арабские караваны с шелком. Торговые сношения сблизили киргизов с арабами, карлуками и тибетцами⁸; возможно, что теперь киргизы выступили в ка-

¹ Рук. Туманского л. 18.—Отчет ст. 125—126. Муджмилъ л. 273.

² Отчет стр. 59-60.

³ Ibn-Wadhîh qui dicitur al-Jaqubi Historiae, ed. Houtsma, Lugduni Batavorum 1883, II, 479.

⁴ Bibliotheca Geogr. Arab. III, 275.

⁵ Рук. Туманского л. 17.

⁶ G. Hügel, Mani, Leipzig 1862, pp. 105—108. Отчет стр. 115.

⁷ Рук. Туманского л. 18.

⁸ Иакинф I, 449.

честве союзников карлуков против токуз-огузов и заняли часть Семиречья, своей теперешней родины. Во всяком случае главная масса киргизов переселилась в Семиречье значительно позже. Если бы киргизы жили в Семиречье уже в эпоху Караханидов, то они несомненно приняли бы ислам в X или XI вв.; между тем мы увидим дальше, что они еще в XVI в. считались язычниками.

Наконец и центр карлукских владений, Чуйская долина, перешла в руки их врагов. Около 940 г. какие-то „языческие тюрки“ овладели городом Баласагуном¹, игравшим большую роль в XI и XII в. в.; из географов X в. о нем говорит только Макдиси², называющий его „большим, многолюдным и богатым городом“. В другом месте³ я постарался доказать, что Баласагун находился в Чуйской долине; точных данных о его местоположении мы не имеем. Народ, овладевший в это время Чуйской долиной, по всей вероятности, тождествен с тем, из которого вышла династия Караханидов, еще в том же X в. объединившая под своей властью всю западную половину Средней Азии. К истории этой династии мы теперь и перейдем.

IV. КАРАХАНИДЫ⁴

Историки не говорят нам, к какому именно тюркскому народу принадлежали караханиды; но есть основание полагать, что этим народом были Ягма, государь которых носил титул Богра хана⁵, очень обыкновенный у караханидов. В таком случае вторжение новых завоевателей в Чуйскую долину на этот раз произошло с юга. В Чуйской долине караханиды скоро приняли ислам. Об этом событии до нас

¹ Отчет стр. 35.

² Bibl. Geogr. Arab. III, 275.

³ Отчет стр. 33 и лед. Таково же мнение Н. А. Аристовой (Заметки, стр. 39).

⁴ Термин придуман Григорьевым (Караханиды в Мавераннахре, СПб. 1874) и кажется нам наиболее подходящим. Как Григорьев, так и остальные учёные, писавшие о караханидах, основывались главным образом на сочинении Ибн-ал-Асира известия которого однако далеко не всегда подтверждаются рассказами более ранних и лучше осведомленных авторов, именно *Утби* (арабский текст издан на востоке, я пользовался превосходной рукописью Аз. Музея № 510), *Гардизи* (единственная рукопись хранится в Оксфорде) и *Бейхакки* (*The Tarikh-i Baihaki ed. Morley*); все трое писали в XI в. Драгоценные сведения дает также *Джемаль-ал-Карши*, который в 1282 г. перевел с арабского на персидский словарь *ал-Джаухари* и в первые года XIV в. написал к нему „прибавления“ (мультикат), известные пока только в одной рукописи, полученной академиком К. Г. Залеманом от В. П. Наливкина, Ср. Зап. Вост. Отд. VIII, Муджимиль л. 273.

дошли только легендарные известия. По одной легенде, рассказанной у Ибн-ал-Асира¹, ислам впервые принял *Шабук* (или *Сатук*) *Кара-Хакан*, который увидел во сне, что к нему спустился с неба человек и сказал ему на тюркском языке: „Прими ислам для своего спасения в этом и в будущем мире“. По другой легенде, древнейшая версия которой находится в сочинении Джемал-ал-Карши², из ханов этой династии первый принял ислам Сатук-Бограхан Абдулкерим умерший в 344 г. хиджры (955—6 по Р. Хр.). В обеих легендах несомненно имеется в виду одно и то же лицо, так как оба автора называют этого хана прадедом илека (тюркский титул Насра), завоевателя Мавераннахра. Еще внук Абдулкерима, Харун, у одного современного ему автора носит титул Богда-Кара-хана³.

Упомянутый Харун, столицей которого был Баласагун, умер в 992 г.⁴, на обратном пути из Мавераннахра, откуда болезнь заставила его отступить. Дело завоевания Мавераннахра окончил в 999 г. илек Наср. Дальнейшие успехи караханидов были приостановлены газневидским султаном Махмудом (997—1030 гг.), подчинившим своей власти Афганистан, восточную половину Персии и часть Индии. 4-го января 1008 г. тюрки „с широкими лицами, маленькими, глазами, плоскими носами, малым количеством волос (на бороде), с железными мечами, в черной одежде, как их описывает Утби⁵, потерпели полное поражение около Балха и с тех пор уже не возобновляли походов за Аму-Дарью“⁶.

Империя караханидов уже в начале XI в. была разделена на уделы, степень зависимости которых от главы империи определялась исключительно личными качествами последнего. Скоро начались также неизбежные при удельной системе междоусобия, особенно среди двух главных ветвей караханидов, т. е. потомков двух внуков Сатук-Богда-хана, Али (отца Насра) и Харуна. Наши сведения о ходе этой борьбы и о том, в чьих руках в разное время находилось Семиречье, очень скудны и иногда противоречивы. По словам Утби илек враждовал со своим братом Туган-ханом кашгарским, которого он подозревал в сношениях с Махмудом; илек умер в 403 (1012—3) г., и престол

¹ Ed. Tornberg X1, 54.

² Л. 35—37.

³ Journ. Asjat. V serie t. III, p. 310.

⁴ Так у Гардизи (л. 134) и Бейхэки (р. 234); неверно у Ибн-ал-Асира (IX, 67—68).

⁵ Л. 99.

⁶ Рассказ Ибн-ал-Асира о походе 410 (1019—20) гг. не подтверждается другими источниками.

его перешел к Туган-хану¹. Сомнительно, чтобы Туган-хан владел Мавераннахром; но он несомненно правил в Семиречье, вероятно также в Восточном Туркестане, откуда его постепенно вытеснил Кадыр-хан Юсуф, сын Богда-хана Харуна. Утби и Ибн-ал-Асир называют Кадыр-хана владельцем хотанским; из монетных данных² мы знаем, что он уже в 404 (1013—4) г. правил в Яркенде, в 405 (1014—5) г. также в Кашгаре.

В 408 (1017—8) г. Семиречье подверглось нашествию кочевых народов с отдаленного востока, в числе которых были и *китай*, владевшие в то время Северным Китаем и восточной частью Средней Азии и, как известно, давшие свое имя срединному государству. Неверные³ были уже на расстоянии 8-ми дней пути от Баласагуна, когда получили известие, что Туган-хан идет на них с большим войском. Они отступили; хан преследовал их три месяца, наконец настиг их и нанес им полное поражение.

По словам Утби Туган-хан умер скоро после этой битвы, ему наследовал его брат Арслан-хан. Из рассказа Бейхаки, который будет приведен ниже, мы однако узнаем, что Туган-хан правил в Семиречье до 1025 г. Арслан-хан Мухаммед б. Али, судя по монетным данным, владел главным образом северо-восточной частью Сыр-Дарьинской области, хотя монеты с его именем чеканились и в Бухаре.

В 1025 г. Кадыр-хан Юсуф и султан Махмуд одновременно предприняли поход на Мавераннахр, где в то время господствовал Алитегин, брат Нарса, Туган-хана и Арслан-хана. Недалеко от Самарканда произошло свидание между главой карханидов и султаном, подробно описанное у Гардизи⁴. Обмен вежливостей между обоими манархами был произведен по точному церемониалу, с тщательным соблюдением полной равноправности. Замечательно, что тюркский хан сказался лучшим мусульманином, чем Махмуд, и не пил предложенного ему вина. Был заключен договор, по которому дочь Махмуда должна была быть вы-

¹ История караханидов по Ибн-ал-Асиру, который в свою очередь больше всего пользовался сочинением Утби, в последний раз изложена в книге В. В. Радлова, К вопросу об уйгурах, стр. 122—125. Махмуд, носивший прозвание Иемин-ад-дауля, здесь по ошибке назван Саманидом.

² Пользуюсь еще не вышедшим в свет каталогом мусульманских монет Императорского Эрмитажа, составленным А. К. Марковым, который любезно сообщил мне его.

³ Численность их в мусульманских источниках указывается различно, и цифры очевидно совершенно гадательны.

⁴ Л. 153. О свидании и его результатах говорит также Бейхаки (стр. 82, 255, 655).

дана за Йиган-тегина¹, второго сына Кадыр-хана, а дочь Кадыр-хана—за Мухаммеда, сына Махмуда; Махмуд обязался помочь Йиган-тегину отнять у Али-тегина Мавераннахр. Под предлогом похода в Индию Махмуд потом уклонился от этого обязательства, вследствие чего и предложенные браки не состоялись. Мавераннахром продолжал владеть Али-тегин, но его брат Туган-хан был вытеснен войсками Кадыр-хана из Баласагуна.

Владения Кадыр-хана Юсуфа в год его смерти, последовавшей в 1031 или 1032 г.², обнимали кроме Восточного Туркестана, Семиречье и восточную часть Сыр-Дарьинской области, именно уезды Аулиеатинский и Чимкентский; столицей его был Кашгар. Восточный Туркестан и Семиречье достались его старшему сыну Богра-тегину Сулейману, принявшему титул Арслан-хана; в Таласе (ныне Аулие-ата) и Исфиджабе (ныне Сайрам, около Чимкента) стал править с титулом Богра-хана, второй сын, Йиган-тегин Мухаммед³. Оба брата сносились с газневидским султаном Масудом, сыном Махмуда; был возобновлен план отнять Мавераннахр у Али-тегина и отдать его Богра-хану⁴; но и на этот раз план не осуществился. Упоминается еще⁵ какой-то Лешкер-хан, владетель секманский (?); едва ли слово Секман тождественно со словом Семекна, согдийским названием города Беклига (см. выше стр. 21).

Отношения между Арслан-ханом и его братом скоро приняли враждебный характер. Ибн-ал-Асир в одном месте говорит, что Арслан-хан в 435 (1043—4) г. разделил владения свои между своими родственниками, причем оставил себе только Кашгар, Баласагун и верховную власть над остальными землями⁶. В такой форме это известие, конечно, неверно; удельная система существовала в то время уже около полвека; но очень вероятно, что в эту эпоху, благодаря слабости Арслан-хана, авторитет главы империи пал

¹ Вероятно мы имеем здесь тюркское слово йиган-слон, по аналогии с титулами Богра (двугорбый верблюд) и Арслан (лев).

² По Ибн-ал-Асиру (IX—211) в 423 (1032) г. по жемалю Карши (л. 37), в начале мухаррема 424 (с 7 дек. 1032) г. Бейхаки в одном месте (стр. 89) говорит, что Кадыр-хан умер через два года после вступления на престол Масуда, в другом (стр. 656)—через год.

³ Бейхаки, 525—526, 655—656. Имена у Ибн-ал-Асира, где Мухаммед неправильно назван Махмудом (правильное чтение на монетах и у Ауфи, см. ниже).

⁴ Бейхаки, 418.

⁵ Бейхаки, 660.

⁶ Ср. Зап. Вост. Огд. VIII, 23, где вместо XI, 356 следует читать IX, 356.

окончательно. Богра-хан около 1056 г. взял в плен Арслан-хана и захватил его владения, но уже через 15 месяцев был отравлен своей женой. Ибн-ал-Асир относит смерть Богра-хана к 439 (1047—8) г., что однако опровергается показанием современника этих событий, Бейхаки¹, по которому хан умер только в 449 (1057—8) г. Убиение его было вызвано тем, что он хотел назначить наследником своего старшего сына Чагры-тегина Хусейна, тогда как царица желала возвести на престол своего малолетнего сына Ибрагима. Последний сделался ханом, но скоро погиб в войне с барсханским владетелем Янал-тегином. После этого в Кашгаре и Баласагуне в течение 16-ти лет (451—467=1059—1074-5 гг.) правил другой сын Кадыр-хана Тогрул Карахан Юсуф, совместно со своим братом, Богра-ханом Харуном. Они вели войну с Шемсулмульком Насром, владетелем Мавераннахра (внуком первого илека Насра); война кончилась миром, по которому границей между Мавераннахром и владениями туркестанских караханидов был признан Ходжент, т. е. вероятно река Сыр-Дарья. После Тогрул-хана два месяца правил его сын Тогрул-тегин; после него Богра-хан Харун еще 29 лет (467—496=1074-5—1102-3 гг.) владел Кашгаром, Баласагуном и Хотаном². Для этого Богра-хана в 462 (1069) г., т. е. когда он был только соправителем своего брата, в Кашгаре была написана дидактическая поэма *Кудатку—билик*, первое литературное произведение на тюркском языке; автор поэмы был уроженцем Баласагуна³.

В 1089 г. сельджукский султан Меликшах захватил Самарканд и дошел до Узгента; кашгарский хан (вероятно Харун) также должен был признать себя его вассалом. После ухода Меликшаха в Самарканде произошло восстание тюркских наемников из джикилей; джикили призвали Якуб-тегина, владетеля Атбаша и брата кашгарского хана. Якуб овладел Самаркандом, но при приближении Меликшаха бе-

¹ Стр. 230.

² Ибн-ал-Асир IX, 211—213.

³ До последнего времени была известна только одна рукопись этого произведения, хранящаяся в Вене; по этой рукописи было сделано издание Вамбери, с очень ненадежным немецким переводом (*Uigurische Sprachmonumente und das Kudatku-Bilik*, Leipzig (1870) и издание В. В. Радова, в факсимиле (СПб. 1890) и в транскрипции (1891). В нынешнем году найдена еще вторая рукопись в Каире.

жал в Атбаш. Здесь на него напало войско его брата. Атбаш был разграблен кашгарцами, и сам Якуб взят в плен. Меликшах снова дошел до Узгента и потребовал от хана выдачи Якуба. Хан медлил исполнить это требование, противоречившее его понятиям о чести; наконец он отправил к Меликшаху своего сына, велел ему взять с собой Якуба, оставить его в одной крепости и ослепить; только если султан этим не удовольствуется, царевич должен был отвезти Якуба в Узгент. В это время, Кашгар был осажден другим владетелем, Тогрулом, сыном Янала, местопребывание которого находилось в 80-ти фарсах (около 500 верст) от Кашгара; может быть Тогрул был владетелем Барсхана и сыном упомянутого выше Янал-тегина. Хан был взят в плен; когда весть об этом дошла до его сына и спутников последнего, Якуб уговорил их отпустить его. Меликшах заключил договор с Якубом и ушел из Узгента, предоставив Якубу продолжать войну с Тогрулом¹. Об исходе этой борьбы мы не имеем никаких известий; вероятно Харун освобожден из плена, так как он, как мы видели, правил Кашгаром до начала XII в.

В 1102 г., т. е. тотчас после смерти Богра-хана Харуна, на Мавераннахр сделал нашествие владетель Баласагуна и Таласа Кадыр-хан² Джibraил, сын Карахана Омара и внук Богра-хана Мухаммеда³. Войско Кадыр-хана состояло не только из мусульман, но и из неверных; он овладел всей страной до Ачу-Дарьи, но на берегу этой реки был разбит Сельджукским султаном Синджаром, взят в плен и убит⁴. После этого мы не имеем никаких известий о Семиречье до нашествия кара-китаев.

Что касается внутренней истории страны в эпоху караханидов, то о ней мы не имеем почти никаких известий. Как первая мусульманская династия в стране тюрков, караханиды несомненно должны были способствовать распространению ислама, и в этом отношении период их господства имеет большое значение в истории Средней Азии.

¹ Ибн-ал-Асир X, 112—116.

² Ибн-ал-Асир в одном месте (IX, 213) называет его Туган-ханом.

³ Так у Ауфи, писателя XIII в. (о рукописях его сочинения см. Зап. Вост. Стд. IX, 262); другой автор называет его внуком Тогрул-хана (Наршахи в переводе Н. Лыкошина, стр. 22).

⁴ Ибн-ал-Асир X, 239.

Ибн-ал-Асир¹ рассказывает, что в 349 (960) г. принял ислам какой-то тюркский народ, в числе 200.000 кибиток; это известие несомненно относится к жителям Семиречья или Восточного Туркестана, вероятно к первым, так как число кочевников в Восточном Туркестане никогда не было велико. Осенью 1043 г. мусульманами сделались также тюрки, кочевавшие в нынешних киргизских степях; по словам Ибн ал-Асира эти тюрки, в числе 10.000 кибиток летом жили по соседству с землей болгар, зимой—около Баласагуна². К сожалению историки не сообщают нам ничего о борьбе ислама с другими культурными элементами. Восточный Туркестан всегда находился под влиянием китайской культуры; некоторые караханидские владетели, даже в Мавераннахре, еще в первой половине XI в. принимали титул Табгач-ханов или Тамгач-ханов, который еще в орхонских надписях VIII в. прилагается к китайским императорам; с 459 (1067) г. мы на монетах караханидов встречаем титул „*мелик-ал-машрик-уас-син*“ (царь востока и Китая)³. Подобный факт может быть объяснен только обаянием китайской культуры и китайского двора; не говоря уже о собственном Китае, даже пограничная с Китаем часть Восточного Туркестана, с городами Урумчи, Турфан и Хами, едва ли когда нибудь входила в состав империи караханидов, так как в этой области ислам не приобрел господства до XV в. Наконец надписи на монетах караханидов свидетельствуют о том, что в их государствах кроме обще-мусульманского (арабского) алфавита употреблялся также уйгурский, т. е. алфавит сирийского происхождения, принесенный в Среднюю Азию, как обыкновенно полагают, несторианами. Некоторые культурные термины, встречающиеся в поэме „Кудатку-билик“, сходны с употреблявшимися у монголов и несомненно заимствованы как караханидами, так и монголами у уйгуров. Ветвь этого тюркского народа, поселившаяся в пограничной с Китаем части Восточного Туркестана, уже в V в. до Р. Хр. достигла значительной степени культуры. Как мы увидим дальше, христианские и буддийские уйгуры в эпоху монгольского владычества были самыми опасными соперниками мусульман; в Средней Азии такое соперничество вероятно происходило и раньше, но фактических данных о нем мы не имеем.

¹ VII, 39

² Радлов, к вопросу об уйгурах, стр. 125.

³ Зап. Вост. Отд. VIII, 22.

V. КАРА-КИТАИ¹

В начале X в. по Р. Хр. китаи, которых обыкновенно считают народом тунгузского происхождения с примесью некоторых монгольских элементов, основали обширную империю, простиравшуюся от Великого океана до Байкала и Тянь-Шаня. Местопребыванием династии был Северный Китай, у китайских историков эта династия носит название *Ляо*. Вследствие продолжительности своего владычества в Китае дом Ляо подвергся большому влиянию китайской культуры, чем предшествовавшие ему инородческие династии: В 1125 г. другой тунгузский народ, чжурчжени, в союзе с южно-китайской династией Сун положили конец владычеству китаев; остатки их, под начальством одного из членов царствующего рода, Елюй-даши, двинулись на запад, где основали новое государство.

Движение китаев произошло по двум путям; часть их направилась через Восточный Туркестан, но потерпела поражения от Арслан-хана Ахмеда кашгарского, сына Табгач-хана Хасана и внука Арслан-хана Сулеймана². Ибн-ал-Асир относит эту битву, в которой пал сам предводитель китаев, к 522 (1128) г.; на самом деле она вероятно произошла несколькими годами позже, так как в письме султана Синджара к багдадскому правительству, написанном в июле 1133 г., о ней говорится, как о недавнем событии³. Китайские источники знают только это движение китаев и связывают с ним образование империи „западных Ляо“. Поэтому становится сомнительным, действительно ли основатель кара-китайского государства тождествен с Елюй-даши китайских источников.

Все мусульманские источники согласны между собой в том, что первым из мусульманских владетелей, подчи-

¹ О восточной империи китаев подробнее всего говорится в сочинении проф. В. П. Васильева, „История и древности восточной части Средней Азии“, СПб. 1857. Попытки составить свод известий о кара-китайской империи мы находим в трудах Опперта (*Der Presbyter Johannes, zweite Auflage, Berlin 1870*) и Царнке (*Fünf Abhandlungen über den Presbyter Johannes, Leipzig 1874--5*). Компилятор XV в. Мирхонд, рассказ которого приведен у Опперта, заимствовал свои сведения у историка XIII в. *Джувейни*, который говорит о кара-китаях подробнее, чем остальные мусульманские писатели; но мы находим в его рассказе множество противоречий, так что пользоваться им приходится с величайшей осторожностью. Я пользовался двумя рукописями Импер. Публ. Библ. (рукоп. IV, 2, 34 и рукоп. Хан. 71). Французский перевод главы *Джувейни* о кара-китаях помещен в первом томе труда д'Оссона „*Histoire des Mongols*“ (изд. 1834 и 1852 г.г., стр. 441 и след.).

² Так у *Джемаля Карши* (см. гл. IV).

³ Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. X, 221

нялся китаем хан баласагунский. По Ибн-ал-Асиру¹ часть китаев, в числе 16000 кибиток, поселилась в Семиречье еще при Арслан-хане (вероятно Сулеймане). Они сначала были поселены на границе между Китаем и владениями караханидов и обязались защищать горные проходы; за это им были отведены участки земли и назначено определенное жалованье. Однажды они остановили богатый караван и потребовали от купцов, чтобы они указали им хорошие пастбища; купцы направили их в сторону Баласагуна, т. е. в Семиречье. Неизвестно, из какого источника один из компиляторов XVI в.² заимствовал известие, что это переселение произошло в 433 (1041—2) г. и ислама; они решительно отказались, но во всем остальном оказывали хану полное повиновение, так что он решил оставить их в покое. Ибн-ал-Асир говорит только, что Арслан-хан часто нападал на них и навел на них большой страх. При нашествии китаев на Семиречье поселенцы присоединились к своим соплеменникам и вместе с ними завоевали Туркестан.

По Джувейни китаи или, как их называют мусульманские писатели, *кара-китаи* („черные китаи“) через землю киргизов дошли до Эмиля и здесь построили город; от последнего уже в XIII в. оставались только следы. Таким образом они первоначально поселились в области нынешнего Чугучака. Число их дошло здесь до 40000 кибиток. Баласагунский владетель, происходивший из династии караханидов (имя его не называется), призвал их против притеснявших его тюркских племен, именно канглов и карлуков; кара-китаи заняли Баласагун и, устранив слабого владетеля, основали собственное государство, простиравшееся от Енисея до Таласа. После этого они покорили канглов, подчинили себе Восточный Туркестан, в 1137 г.³ разбили при Ходжете Махмуд-хана, владетеля Мавераннахра, в 1141 г. в Катванской степи (к северу от Самарканда,

¹ XI, 55—56.

² Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, texte publié par Ch. Schefer, Paris 1892, p. 234. Переселенцы названы здесь выходцами из Тибета. Компиляция XVI в., о которой здесь идет речь и которую не мог определить Шефер, есть Тарихи-Хайдери, сочинение Эмин-Ахмеда Рази, жившего в Персии в конце XVI в. Это сочинение до сих пор было известно только в одной рукописи, находящейся в Берлине (по каталогу Перча № 418); ср. о нем Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, II, 271. Изданный Шефером текст буквально совпадает с соответствующими главами берлинской рукописи.

³ О военных действиях в Мавераннахре и о личности первого гур-хана подробнее всего говорит Ибн-ал-Асир (XI, 55—57).

между Каменным мостом и Яны-курганом) нанесли полное поражение войску сельджукского султана Синджара. Особый отряд был отправлен для подчинения Хорезма.

Таким образом Семиречье вместе с Туркестанским краем вошло в состав империи кара-китаев. Глава империи носил титул *гурхана*, который по толкованию мусульманских писателей значил „хан ханов“; некоторые европейские ученые со времени Григорьева¹ сближают его с монгольским словом *гурган* (зять); такой титул, впоследствии, как известно, принятый Тимуром и его преемниками, кара-китайские государи могли носить в качестве родственников восточной династии Ляо. Трудно сказать, насколько это мнение основательно и объясняется ли разница между формами *гурхан* и *гурган* диалектическими особенностями языка кара-китаев. Первый гурхан, по словам Ибн-ал-Асира отличался красивой наружностью, носил одежду из китайского шелка и по обычаю царей этого народа закрывало лицо покрывалом; по религии он был манихеем. Среди своих подданных он пользовался большим авторитетом и поддерживал в своем войске строгую дисциплину. Грабительство было строго запрещено; после занятия какого-нибудь города кара-китай ограничивались тем, что брали с каждого дома по одному динару², т. е. принесли с собой из Китая издавна господствовавшую там систему повального обложения. За прелюбодеяние (т. е. за нарушение семейного права местного населения) воины однако не наказывались. Своим помощникам гурхан не раздавал уделов и никому не отдавал под начальство (кроме, разумеется, кратковременных походов) более сотни всадников. Местные владетели, выразившие покорность гурхану, в знак подчиненности должны были носить на поясе серебряную дощечку. Число таких вассальных владетелей было довольно значительно. Под непосредственным управлением гурханов находились, насколько известно, только южная часть Семиречья, Кульджинский край и северо-восточная часть Сыр-Дарьинской области; главная ставка гурхана находилась к западу от Или, на берегу Чу, вероятно недалеко от Баласагуна, и носила название *Хосун-орду*³ (букв. „сила

¹ Землеведение К. Риттера, Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1 (перевод и примечания), Спб. 1869, стр. 398.

² Ценность этой золотой монеты приблизительно равнялась 13 франкам (около 4 р. 50 к.); ср. Kremer, Culturgeschichte des Orients, Wien. 1877, B. 1 p. 15.

³ Отчет, стр. 36.

ная орда“) или *Хото*¹ (букв. „дом“). Часть Семиречья к северу от Или принадлежала карлукским ханам, столицей которых был город *Каялык*, находившийся несколько западнее Копала в равнине². Мавераннахром и Восточным Туркестаном продолжали править караханиды. Мы находим в государстве гурханов, по крайней мере впоследствии, те же три степени зависимости вассальных владетелей от главы империи, как в истории монгольского владычества в России³: карлукский хан, подобно владетелю Самарканда, должен был терпеть у себя присутствие постоянного представителя гурхана; к другим, как к хорезмшеху, только посылались в определенные сроки сборщики дани; наконец некоторые, как глава бухарского духовенства, на некоторое время сосредоточивший в своих руках и светскую власть, получили право сами собирать дань для каракигаев⁴.

Первый гурхан, по словам Ибн-ал-Асира, умер в начале 1143 г.; на престол была возведена его дочь, но она скоро умерла; управление перешло к ее матери, вдове гурхана, и к его сыну Мухаммеду. По китайским известиям правление гурхана, Е-люй-и-ле, сына основателя империи и регентство его матери были раньше, чем правление его сестры; это подтверждается рассказом Джувейни, по которому во главе кара-китайского государства в 70-х годах XII в. стояла дочь гурхана. Е-люй-и-ле произвел перепись населения в своих владениях; число населения было определено в 84500 семейств⁵; очевидно это относится только к числу кочевого населения в непосредственных владениях гурхана. Его сестру китайцы называют Бу-со-хуань; один мусульманский писатель начала XIII в.⁶ дает ей титул „хана ханов“ по Джувейни фактическим правителем при ней был ее муж. По китайским известиям царица убила своего мужа и стала открыто жить с любовником; произошло восстание, вызванное отцом убитого; когда толпа мятежников окружила дворец, царица вышла к ним и на их глазах убила своего любовника; это спасло ей жизнь. Джувейни

¹ Джахан-наме (об этом сочинении XIII в. см. Зап. Вост. Отд. IX, 302—303) Пар. рук. л. 205—206.

² О его местоположении см. Schmidt, Ueber Rubruks Reise, Berlin 1885, p. 44.

³ Соловьев, История России, изд. Товар. „Обществ. Польза“, книга I, стр. 1157 и след.

⁴ Ибн-ал-Асир XII, 170.

⁵ Orreget, p. 145.

⁶ Nouveaux Mélanges Orientaux, Paris 1886, pp. 21, 37 (перевод Шефера в этом месте, как и во многих, других ошибочен).

рассказывает о вдове гурхана, что она вместе со своим любовником была убита мятежниками; вдова гурхана вероятно названа здесь по ошибке вместо его дочери, о которой Джувейни в своем обзоре истории кара-китаев упоминает, хотя в другом месте, как мы видели, сам гурхан говорит о ее правлении. После смерти Бу-со-хуань на престол был возведен второй сын гурхана Е-люй-и-ле, Чжэ-лу-гу, который по словам Джувейни убил своего старшего брата. В некоторых мусульманских источниках последнего гурхана назван Мани, в других—Куманом¹.

Частые регентства женщин и в особенности личная жизнь семиреченской Марии Стюарт должны были ослабить авторитет престола; рассказы мусульманских писателей заставляют думать, что могущество некоторых каракитайских вельмож мало уступало могуществу самого гурхана. При таких условиях не мог быть поддержан на долгое время тот порядок в управлении, который мы описали выше и который империя кара-китаев, еще на своей прежней родине усвоившая себе все плоды китайской цивилизации, резко отличалась от прочих государств кочевников. Как замечает Джувейни, кара-китайские сборщики податей, в противоположность *прежнему времени*, сильно притесняли народ; высокомерие послов гурхана оскорбляло вассальных владетелей; наконец владычество неверных оскорбляло религиозное чувство мусульман, составлявших едва ли не большинство населения их империи. Трудно сказать, какой религии придерживались сами гурханы и был ли первый гурхан действительно манихеем, как уверяет Ибн-ал-Асир, или христианином, как полагают Опперт и Царнке, отождествляющие его со „священником Иоанном“ средневековых европейских легенд. В пользу последнего предположения нельзя привести никаких достоверных данных; даже свидетельства компиляторов XV в., по которому дочь последнего гурхана была христианкой, не подтверждается более ранними источниками. Ислам не подвергался притеснениям; мусульманские писатели хвалят справедливость первых гурханов и их уважение к исламу; последний только утратил положение господствующей религии и должен был довольствоваться равноправностью с прочими культами, которые с своей стороны воспользовались этой свободой для увеличения числа своих последователей. Несторианский патриарх Илья II (1176—90 г. г.) основал митрополию в Кашгаре; кашгарский митрополит носил титул „митрополита Кашгара и Невакета“.

¹ Зап. Вост. Отд. VIII, 27.

т. е. в состав кашгарской митрополии вошла также южная часть Семиречья. К эпохе господства кара-китаев относятся древнейшие несторианские могилы токмакского и пишпекского кладбищ¹. Успехи христианства могли быть одной из причин, способствовавших религиозному возбуждению мусульман и, вместе с упомянутыми политическими условиями, вызвавших одно из самых обширных мусульманских движений в истории Средней Азии.

Гурхан повидимому с самого начала понимал всю опасность этого движения и те размеры, которые оно должно было принять. Движение началось восстанием хотанского владетеля; гурхан тотчас возымел подозрение против своего ближайшего мусульманского вассала, Арслан-хана карлукского, и потребовал от него присылки вспомогательного отряда. Этим он хотел заставить его или открыто принять участие в восстании, или принять участие в войне с мусульманами; в последнем случае он надеялся под каким-нибудь предлогом избавиться от опасного вассала. Хан исполнил требование своего государя. Он имел друга среди кара-китайских вельмож, по имени Шамур-Табангу; последний предупредил его о намерениях гурхана и прибавил, что, если эти намерения осуществляются, то гурхан истребит весь его род; поэтому, если он дорожит будущностью своего потомства, то пусть он предупредит гурхана и сам примет яд; тогда будет возможно передать престол его сыну. Арслан-хан, не видя другого исхода, последовал этому совету; Шамур-Табангу действительно возвел на ханский престол его сына, который и стал править в Каялыке вместе с представителем гурхана².

В борьбе со своими мятежными мусульманскими вассалами каракитайское правительство в начале имело полный успех; положение изменилось только тогда, когда восточную границу империи перешли шайки кочевников, вытесненных Чингис-ханом из Монголии; во главе их стоял Кучлук, сын последнего хана найманов, самого могущественного из западно-монгольских племен. По одним известиям Кучлук после своего прибытия в Семиречье (около 1209 г.) добровольно явился к гурхану, по другим³ был взят в плен кара-китайскими войсками, но сумел приобрести расположенные гурхана, получил от него позволение собрать рассеянные отряды своего племени и воспользовался этим для вос-

¹ Зап. Вост. Отд. VIII, 26, 29.

² Сколько нам известно, этот характерный рассказ Джувеини (рук. IV, 2, 34, л. 25) до сих пор не был приведен ни одним европейским ученым.

³ Оба предания приведены у Джувеини.

стания против своего благодетеля. Совершенно невероятен рассказ Джувейни о договоре, будто бы заключенном между Кучлуком и самым могущественным из восставших мусульманских владетелей, хорезмшахом Мухаммедом; по этому договору Восточный Туркестан, Кульджинский край и Семиречье должны были перейти к тому из них, кто первый разобьет гурхана. Историк Несеви¹, близко знакомый с делами хорезмийского двора и лично знавший одного из послов Мухаммеда к Кучлуку, говорит только, что Кучлук заключил союз с Мамду-ханом карлукским, сыном Арслан-хана², т. е. пользовался поддержкой мятежных мусульман в Семиречье. Кучлук разграбил казну гурхана хранившуюся в Узгенте; в то же время (1210 г.) хорезмшах в союзе с самаркандским ханом Османом напал на каракитайское войско в равнине Иламыш, около Таласа; битва была нерешительна, так как в обоих войсках было разбито правое крыло; но предводитель кара-китаев Танку-Тараз был взят в плен мусульманами, и его войско должно было отступить. Под влиянием этого успеха мусульман, преувеличенного молвой, жители Баласагуна, несомневаясь в скором прибытии хорезмшаха, заперли ворота перед кара-китаями. Тщетно Махмуд-Бай, богатый мусульманин, находившийся на службе у гурхана, убеждал их покориться. После шестнадцатидневной осады город был взят и подвергся трехдневному грабежу, причем погибло до 47.000 мусульман. Таким образом надежды семиреченских мусульман на помощь со стороны хорезмшаха не оправдались; Мухаммед ограничился утверждением своей власти в Мавераннахре. Кучлук также был разбит кара-китаем около Баласагуна; казна гурхана очутилась в руках кара-китайского войска. Когда гурхан потребовал возвращения этих денег, то это вызвало военное восстание среди самих кара-китаев, которым воспользовался Кучлук, чтобы стать во главе мятежного войска; покинутый всеми, гурхан должен был сдать своему врагу. Кучлук оказал ему внеочередной почет и оставил ему престол, который он продолжал занимать еще два года, до своей смерти; но фактически власть, конечно, всецело перешла в руки Кучлука.

Все это произошло, по всей вероятности, в 1212 г. Еще раньше, в 1211 г., в северной части Семиречья появил-

¹ Сочинение Несеви издал в тексте (Publications de l'École des langues orientales vivantes, III-e série, vol. IX, Paris—1891) и во французском переводе (Ibid. vol. X, Paris, 1895) французский ориенталист Houdas.

² Nesavi, traduction, p. p. 12-13.

монгольский отряд, под начальством Хубилай нойона, одного из полководцев Чингис-хана; Арслан-хан карлукский (вероятно сын упомянутого выше Арслан-хана и брат Мамду-хана) велел убить кара-китайского наместника в Каялыке и признал себя подданным Чангиз-хана¹. В Кульджинском крае во время мусульманского движения образовалось новое владение; мусульманин Бузар², первоначально бывший атаманом шайки разбойников и конокрадов, наконец усилился настолько, что мог овладеть главным городом местности, Алмалыком, где принял титул Тогрул-хана. Он также признал себя вассалом Чингиз-хана.

Успехи монголов на западе были замедлены начавшейся в 1211 г. войной с Китаем, отвлекшей их силы в другую сторону, так что Кучлук мог утвердить свою власть на развалинах империи гурханов. Прежде всего он должен был вступить в борьбу с мусульманским движением, которым, как мы видели, он прежде пользовался для своих целей. С религиозной точки зрения мусульмане также мало могли примириться с господством Кучлука, как и с господством гурхана. Подобно большинству найманов, Кучлук первоначально был христианином (несторианином); но потом он женился на знатной кара-китайке, бывшей невесте гурхана³, которая совратила его в идолопоклонство (вероятно в буддизм). Кроме того главный вождь мусульманского движения, хорезмшах Мухаммед, несправедливо обвинял Кучлука в том, что он воспользовался плодами победы хорезмийских войск над кара-китаями и отнял у мусульман верную добычу. Посольства хорезмшаха к Кучлуку сопровождались угрозами, которые однако не имели никаких последствий⁴; хорезмшах не только должен был оставить в руках Кучлука восточную часть империи гурханов, но даже отказался от своих владений на берегу Сыр-Дарьи (кроме некоторых крепостей) и сам опустошил их, чтобы они не достались Кучлуку.

Столь же мало Мухаммед мог помешать Кучлуку утвер-

¹ Рашид-Эддин в перев. проф. Березина, введение (Спб. 1853), стр. 132.— История Чингиз-хана, часть вторая (Труды Вост. Отд. Арх. Общ. ч. XV), стр. 14.

² Так пишет это имя Джемаль-Карши, близко стоявший к потомкам, Бузара. Джувейни называет этого хана Озаром (ср. Зап. Вост. Отд. VIII 28—29; высказанные там сомнения в том, что Озар был мусульманином, неосновательны).

³ Так у Джувейни (рук. IV, 2, 34, л. 133). Джемаль Карши также называет Кучлука христианином.

⁴ Об этих посольствах говорят Несеви (Traduction p. p. 13—15) и Ибн-ал-Асир (XII, 179).

дить свою власть в Восточном Туркестане. Не предпринимая завоевательного похода в эту область, Кучлук три или четыре года кряду производил на нее опустошительные набеги в период жатвы; разоренные жители наконец выразили ему покорность. Ввиду упорного сопротивления мусульман победитель принял самые решительные меры против ислама и потребовал от мусульман, чтобы они приняли или христианство, или буддизм, или по крайней мере внешним образом отказались от своей религии и носили китайскую одежду. Для достижения этой цели он прибег к той же мере, как Людовик XIV против гугенотов, т. е. к военному постою; воины Кучлука были размещены по домам мусульман и получили самые широкие права над непокорными. Публичное мусульманское богослужение и преподавание были совершенно прекращены.

В северо-восточной части своих владений Кучлуку удалось взять в плен Бузара во время охоты; убив своего врага, войско Кучлука осадило Алмалык, но должно было отступить ввиду приближения монголов, движение которых на запад возобновилось в 1217 г. В 1218 г. против Кучлука был послан отряд в 20000 человек под начальством Джэбэ-нойона. Войско Кучлука сняло осаду Алмалыка и отступило; Джэбэ посадил в Алмалык Сукнак-тегина, сына Бузара. Вступив в пределы владений Кучлука, монгольский полководец объявил, что каждый получит право свободно исповедывать религию отцов; этого было достаточно для того, чтобы вызвать восстание мусульман против гонителя их веры. В одном из горных проходов Семиреченской области Кучлук сделал попытку отразить монголов, но был разбит и бежал в Кашгарию¹. Баласагун повидимому был занят монголами без сопротивления, так как получил от них название Гобалыка, т. е. хорошего города; такие прозвания монголы вообще давали городам, сдававшимся им добровольно². В Кашгарии мусульмане перебили воинов Кучлука, размещенных по их домам, и встретили монголов как избавителей; вследствие редкой дисциплины, господствовавшей в монгольском войске, мирные жители не потерпели никакого вреда. Кучлук бежал в Сарыкол, где был настигнут и убит монголами³.

¹ Об этой битве см. Орперт р. 160 (на основании известия Плана Карпини).

² Ср. Зап. Вост. Отд. VIII, 29—30.

³ В своем рассказе об этих событиях Джувеини ссылается на слова жителей Кашгара. О бегстве Кучлука в Сарыкол говорит также Джемаль Карши.

VI. МОНГОЛЫ

(До распада Джагатайского государства¹)

Мы видели, что Семиречье вместе с Восточным Туркестаном подчинилось монголам добровольно и потому, в противоположность Китаю, Мавераннахру и Западной Азии несколько не пострадало от монгольского нашествия. Путешественники¹, посетившие Семиречье в последующие годы после прибытия монголов, описывают его, как страну с цветущей культурой. К числу таких путешественников принадлежит китайский министр Е-люй-чу-цай, сопровождавший Чингиз-хана в 1219 г. в его походе на запад; он упоминает об Алмалыке, которому были подчинены 8 или 9 других городов; везде было множество плодов; жители, подобно китайцам, возделывали все пять родов хлебных растений. К западу от Или, на пути к Таласу, была столица западных Ляо, Хосун-Орду, которой были подчинены несколько десятков городов.

В 1220 г. к Чингиз-хану на запад был отправлен Ву-гусунь, в качестве посла от чжурчженского императора. По его словам из кара-китаев в его время оставались немногие, и те приняли обычаи и одежду Хой-ху. Этим термином китайские писатели иногда обозначали мусульман, иногда тюрков, в особенности уйгуров; здесь термин вероятно употреблен в первом значении; усиление ислама

¹ Главные источники для истории монголов перечислены в предисловии к моему „Отчету“. Лучшим пособием пока остается названная выше (см. гл. V) книга д'Оссона. Д'Оссон излагает преимущественно историю Китая и Персии и мало говорит о средне-азиатских монголах; но о них также мало говорится в последующих сочинениях. Главу Джувеини о Джагатае и его преемниках сообщил в тексте и во французском переводе Дефремери (*Journal Asiatique*, IV-e serie, t. XX). Что касается средне-азиатской исторической литературы этого периода, то из нее, кроме упомянутого (гл. IV) сочинения Джемали Карши, до нас дошли только некоторые извлечения, сохранившиеся у писателей XV в., именно во введении к истории Тимура Шереф-ад-дина Иезди (не вошедшем ни во французский перевод Пети де ля Круа, ни в Калькутское издание 1887—88 г. г.), в генеалогической истории монголов, составленной неизвестным автором в 1426 г. (пользуюсь парижской рукописью Ancien Fonds Persan, 67), в сочинении Мусеви, написанном в Персии около 1414 г. (рукописи хранятся в Лондоне и Оксфорде; я пользовался третьей рукописью, находившеюся некоторое время в Аз. музее) и в „Истории четырех улусов“ Улугбека; последнее сочинение дошло до нас только в позднейшем сокращении, переведенном на английский язык Майльсом (*Miles, The Shajrat al-Atrak, London 1838*).

² О них см. Bretschneider, *Mediaeval researches from eastern asiatic sources*, London 1888 vo I. I, p. p. 9—108 и Труды членов Росс. духовной миссии в Пекине, т. IV.

было естественным следствием указанных выше обстоятельств, которыми сопровождалось монгольское завоевание. Семиреченские мусульмане отличались гораздо большей воинственностью, чем остальные, вероятно христианские представители местной культуры; жадности и жестокости мусульманских Хой-ху Ву-гу-сунь противопоставляют нравы тех Хой-ху, которые жили на Или; последние отличались слабым и мягким характером, избегали убийства и строго соблюдали посты.

В 1221 г. Чингиз-ханом был вызван в Западную Азию китайский отшельник Чан-чунь, принадлежавший к даосской секте. Он проехал через Уйгурию в Кульджинский край. В Алмалыке вместе с местным владельцем правил представитель монгольской власти (даругачи); земледельцы орошали поля водопроводами; кувшины для воды носили на голове. Реку Или Чан-чунь переехал 17-го октября на судне, на расстоянии четырех дней пути от Алмалыка (вероятно недалеко от устья Чарына); на юг от реки, к северу от гор (Богуты), был небольшой город. Проехав через перевал Кастек, путешественник в конце месяца прибыл в небольшой мусульманский город; здесь выпало снега на фут, но после восхода солнца он растаял. 1-го ноября переехали реку Чу по досчатому мосту и достигли подошвы Александровского хребта. В стране между Чу и Таласом, где прежде было местопребывание западных Ляо, жители кроме земледелия занимались также шелководством и виноделием; плоды были те же как в Китае; вода была проведена на поля посредством каналов. На обратном пути, в 1223 г., Чань-чунь переехал реку Или всего на расстоянии 100 ли с небольшим (около 50 верст) от Алмалыка; когда он прибыл в Алмалык, его пригласили в орду Джагатая, находившуюся к югу от реки, но, спеша домой, отшельник не последовал этому приглашению.

Рассказ Чан-чуня показывает, что еще при жизни Чингиз-хана его сыновьям были отведены особые уделы. По понятиям кочевников империя являлась собственностью всего ханского рода, и каждый член последнего имел право на пользование частью этой собственности. Поэтому Чингиз-хан еще при жизни выделил своих трех старших сыновей, назначив каждому из них удел (*инджу*), т. е. определенное количество кочевых орд (*улус*), обязанных поставлять военные отряды, и достаточное для их содержания пространство земли (*юрт*). Границы юртов были определены только в самых общих чертах. Первым был выделен старший сын, Джучи, который около 1207 г. получил от

своего отца так называемые „лесные народы“ от низовьев Селенги до Иртыша¹; на берегу Иртыша, по свидетельству Рашид-ад-дина, находилась его главная орда. Предназначая старшему сыну, вероятно по требованию обычая, самую отдаленную часть своих владений, Чингиз-хан заранее присоединил к его уделу все земли, которые будут завоеваны на западе; в год смерти Чингиз-хана в состав юрта Джучи входили северная часть Семиречья, все нынешние киргизские степи, Хорезм и даже Мазендеран. Юрт Джагатая простирался от Уйгурии до Самарканда и Бухары и от Южного Алтая до Аму-Дарьи. Главная орда Угэдэя находилась в Тарбагатах, на берегах Эмиля и Кобука; границы его юрта не указываются². Младший сын Тулуй, не получил удела, так как по степному обычаю должен был наследовать войско и коренной юрт отца. Каждый из трех старших сыновей получил до 4000 монгольского регулярного войска; разумеется, в их распоряжении кроме того находились значительные отряды из покоренных народов.

И так мы видим, что, несмотря на обширность империи, орды трех старших сыновей Чингиз-хана первоначально находились очень близко одна от другой. Уже это одно показывает, что уделы в то время не были, как впоследствии, полунезависимыми государствами. Земли, отведенные членам ханского рода, должны были служить для них только источником дохода и оставались подчиненными власти главы империи. При покорении культурных областей доходы с них не отдавались в собственность (инджу) одному царевичу, но распределялись между всеми³; таким же источником дохода считались ремесленники в покоренных городах; их отдавали в распоряжение царевичам, которые по своему усмотрению поселяли их в том или другом городе и поручали им известные работы⁴. Вмешиваться в дело сбора податей царевичам было запрещено; для этого, как вообще для управления оседлым населением, назначались особые наместники от главы империи. Такой порядок однако не мог быть поддержан на долгое время. Авторитет наместников великого хана в странах, отдаленных от центра империи, не мог выдержать борьбы с авто-

¹ Труды Пекин. миссии IV, 132.

² О разделении империи на уделы подробнее всего говорит Джувеини.

³ Наиболее характерный пример у Иакинфа, История первых четырех ханов из дома Чингисова, Спб. 1829, стр. 260.

⁴ Ср. рассказ Рубруквиса о немецких оружейных мастерах, принадлежавших джагатайскому царевичу Бури и поселенных им в Таласе; впоследствии, после казни Бури, великий хан Мункэ переселил их в город Пулад, в долине Боротала (Schmidt, Ueber Rubruks Reise, p. p. 34, 40)-

ритетом местных царевичей, в распоряжении которых находилась военная сила; постепенно в руки последних перешла вся власть, и империя распалась на несколько самостоятельных государств.

В царствование преемника Чингиз-хана, Угэдэя (1229—1241 г. г.) единство империи еще не было поколеблено. Принцип совместного господства рода в это царствование был проведен с наибольшей последовательностью; для выработки мероприятий, касавшихся всей империи, глава каждого улуса назначал своего уполномоченного; при военных походах от каждого улуса назначали по одному царевичу; после покорения новых областей при наместнике, назначенном от великого хана, находились уполномоченные царевичей. Мы не имеем возможности подробно останавливаться здесь на постановлениях, изданных по соглашению членов ханского рода¹ и касавшихся главным образом установления нормы податей, учреждения почтового сообщения для перевозки послов и гонцов и орошения безводных степей (посредством колодцев) для увеличения числа пастбищ.

В самой слабой зависимости от главы империи находились, конечно, владения Джучи; еще сам Джучи обнаруживал стремление к независимости, и только его смерть помешала возникновению войны между ним и его отцом. В состав владений Джучи и его преемников входила также, как мы видели, часть Семиречья. Ставка старшего сына Джучи, Орды, еще в 1246 г., когда страну посетил Плано Карпини, находилась около озера Алакуль; несколько западнее, в бывшей земле кара-китаев, может быть также в Семиречье, находилась ставка другого сына Джучи, Шейбана².

Второй сын Чингиз-хана, Джагатай, как старший в роде и как назначенный еще Чингиз-ханом блюститель ясы (монгольского обычного права) пользовался большим авторитетом во всей империи. Летней резиденцией Джагатая было место Куяш (буков. „солнце“) в долине реки Или, по соседству с Алмалыком, вблизи высоких гор Кок; зиму он проводил в месте Мераурик (или Мераузик)—Ила, вероятно также находившемся на берегу Или. Около Куяша Джагатай устроил селение Кутлуг („счастливое“)³. Из рас-

¹ Ср. D'Ohsson II, 63 и Труды Пек. миссии IV, 158—159.

² Собрание путешествий к татарам, Спб. 1825, стр. 26—29. Издатель (Д. Языков) ошибочно принимал упомянутое у Плано Карпини озеро за Байкал.

³ Ср. Отчет, стр. 66.

сказа Чан-чуня мы знаем, что орда Джагатая была на южной стороне Или; вероятно там же находилась орда его преемников, которую Джувеини называет Улуг-Иф (или Ик). Джемаль Карши называет область, составляющую главную часть владений Джагатая, Иль-Аларгу (встречается и прилагательное Иль-Аларгеви); главным городом ее был Алмалык.

На почве ясы происходили частые столкновения между Джагатаем и мусульманским населением Средней Азии. Подобно всем шаманистам, монголы отличались безусловно веротерпимостью и относились с одинаковым уважением к духовенству всех религий, которое было освобождено ими (за исключением раввинов) от всяких податей и повинностей. Если религиозный мир, на основании полной равноправности всех исповедовавшихся в империи учений, не мог быть сохранен, то это произошло исключительно вследствие соперничества враждовавших между собой представителей разных религий, стремившихся привлечь на свою сторону монгольских ханов и очернить перед ними своих соперников. Из представителей культурных народов за немногими исключениями, только мусульмане (главным образом таджики) и уйгуры играли роль в управлении вне пределов своей родины и имели влияние на ханов. Уйгуны, исповедовавшие частью христианство, частью буддизм, были самыми ожесточенными врагами мусульман¹. Религиозная вражда и политическое соперничество между представителям различных религий и культур должны были принять особенно ожесточенный характер в Средней Азии, где силы обеих партий были приблизительно равны. Ислам в то время не был религией большинства в области на восток от Кульджинского края²; кроме того и в мусульманских областях было значительное число иноверцев, между прочим и в Семиречье. Пишпекское и токмакское кладбища указывают на существование несторианских поселений в Чуйской долине; в северной части Семиречья, в 3-х французских милях (lieue), т. е. около 13¹/₂ верст к северу от Каялыка, Рубруквис в 1253 г. посетил селение, жители которого все были несторианами и имели здесь свою церковь³. Наконец на берегу Иссык-Куля, в селении того же имени, еще в XIV в. был армянский монастырь, где по преданию хранились мощи св. апостола Матфея⁴.

¹ Ср. Радлов. К вопросу об уйгурах, стр. 61.

² Ср. Труды Пек. миссии IV, 303.

³ Ueber Rubruks Reise, p. 45

⁴ Отчет, стр. 60.

Джагатай оказывал покровительство христианам; Марко Поло ¹ даже приводит легенду, по которой он сам принял христианство. С другой стороны мусульмане возбуждали его неудовольствие тем, что некоторые правила шариата оказались несовместимыми с предписаниями ясы. Так у монголов было запрещено входить в текущую воду, что затрудняло мусульманские омовения; таким же образом было запрещено перерезывать горло убиваемым животным. Вследствие этого мусульманские писатели приписывают Джагатаю непримиримую вражду к исламу и мусульманам. В одном стихотворении на смерть Джагатая ² говорится: „Тот, из страха перед кем никто не смел входить в воду, потонул в обширном океане (смерти)“. Один современник ³ уверяет, что никто при Джагатае не смел произносить имя какого-нибудь мусульманина без ругательств; по словам другого, позднейшего писателя ⁴ Джагатай давал балыш золота (т. е. 500 динаров, около 2000 р.) каждому, кто извещал его о казни какого-нибудь мусульманина. По приказанию Джагатая в 626 (1229) г. был убит известный мусульманский ученый Абу-Якуб-Юсуф Секаки, гробница которого еще в XVI в. находилась на берегу Текеса ⁵.

Мы знаем однако, что среди наиболее приближенных к Джагатаю лиц были и мусульмане. Самым влиятельным из них был Кутб-ад-дин Хабаш-Амид, вероятно принадлежавший к числу богатых мусульманских купцов, вообще имевших большое значение в монгольской империи; историк Вассаф прославляет его богатство. Даже представители владетельных династий вступали в родство с ним ⁶; сами монголы выдали за него дочь хорезмшаха Мухаммеда, тогда как другая дочь досталась Джагатаю ⁷. Представители мусульманского духовенства не были довольны правлением Хабаш-Амида; знаменитый суфий (мистик) Сейф-ад-дин Бахарзи в стихотворном послании к всемогущему министру ⁸

¹ Jule, The Book of Ser Marco Polo, Lond. 1875, I, 191—Марко Поло, Спб. 1873, стр. 48.

² Приведено у Джувейни.

³ Джузджани (Raverty, Тавакат-и-Насири, р. 1146).

⁴ Исфазари, автор написанной в конце XV в. истории Герата (пользуюсь рукописью Азиатского музея 574 agh).

⁵ Ср. Отчет стр. 71—72 Дата смерти ученого приведена у Джемаля Карши.

⁶ Вассаф (Куб-аддин керманский выдал за Хабаш-Амида свою сестру).

⁷ Джувейни.

⁸ Оно приведено в сборнике стихотворений (Бутхана), экземпляр которого хранится в Оксфордской библиотеке (Cod. Elliot 3?). Текст его, как и другие неизданные тексты, на которые я здесь ссылаюсь, будет приведен в моем исследовании „Туркестан в эпоху монгольского нашествия“.

очень резко выражает свое неудовольствие по поводу того предпочтения, которое оказывалось неопытным юношам перед старцами, известными своей ученостью и святостью жизни, и вообще по поводу вмешательства светской власти в дела духовенства: „Когда дворец становится минбаром (кафедрой имама), то лучше, чтобы минбара не было совсем“.

В конце правления Джагатая при его дворе возвысился один китаец, который первоначально служил у китайского лекаря Джагатая, потом поступил на службу в качестве пастуха к монгольскому вельможе Хошук-нойону. Здесь он имел случай обнаружить основательное знание походов Чингиз-хана, о которых у него была составлена подробная запись; Джагатай, очень ценивший подобные знания, приблизил его к себе. Видя его значение при дворе Джагатая, Угэдэй дал ему имя Везира. Везир был человеком небольшого роста и невзрачной наружности, но отличался умом, смелостью и красноречием; в совете он говорил смелее всех; однажды он прикрикнул на жену Джагатая: „Ты—женщина; об этом деле тебе нечего говорить“. В другой раз он самовольно казнил невестку Джагатая; на вопрос последнего он ответил: „Как можно, чтобы твоя невестка совершала непохвальные поступки и позорила честь (ханских) жен?“ Джагатай согласился с ним. Взгляд современников на правление Везира виден из следующих слов, будто бы сказанных им Джагатаю: „Ради тебя я не сохранил дружбы ни с одним творением; после тебя никто меня не пожалеет“¹.

Джагатай только на несколько месяцев пережил Угэдэя, умершего в декабре 1241 г.² Чрезмерно преданный наслаждениям, но великодушный и гуманный Угэдэй умел смягчать как непреклонную строгость своего брата, так и интриги должностных лиц, из которых каждый стремился погубить своих соперников. Его преемники всецело подчинились влиянию этих интриг; начался ряд отвратительных процессов и казней, вследствие которых „ехать в орду“ часто значило ехать на мучительную смерть. Нельзя винить в этих ужасах только варварство монголов; история показывает³, что почти все эти процессы были вызваны интригами представителей культурных народов; часто монголы ограничивались тем, что выдавали осужденного обвинителю;

¹ Рашид—ад—дин.

² Джамаль Карши относит его смерть к 642 (1244—5) г.

³ Относительно русской истории к этому выводу пришел еще Соловьев (изд. товар. „Обществ. польза“, кн I, стр. 833).

в последнем случае участь несчастного отнюдь не была легче, чем участь замученных самими монголами.

Джагатай еще при жизни, с согласия Угэдэя, назначил своим преемником своего внука Хара-Хулагу; вдова Джагатая Есулун и Хабаш-Амид теперь объявили этого царевича главой джагатайского улуса. Таким образом Хабаш-Амид сохранил свое значение и в новое царствование, которое началось казнью врачей, неудачно лечивших Джагатая, именно упомянутого Везира и мусульманского врача Медждад-дина. Кроме того в орде Хара-Хулагу за непочтительные слова о царице Есулун был казнен уйгур Куркуз, буддист, долгое время управлявший монгольскими владениями в Персии.

Престол *каана* (великого хана) оставался незанятым до 1246 г., когда был созван *Курултай* (сейм), на котором был провозглашен кааном старший сын Угэдэя, Гуюк. В кратковременное царствование Гуюка (1246—1248 г.г.), получившего христианское воспитание и проникнутого такой же враждой к исламу, как Джагатай, христиане получили первенство во всей империи. В джагатайском улусе по приказанию Гуюка Хара-Хулагу был низложен, и на престол возведен личный друг нового каана Есу-Мункэ, сын Джагатая. Есу-Мункэ, по словам Рашид-ад-дина, был до такой степени предан вину, что не мог заниматься не только государственными делами, но и делами своей орды; всем заведывала его жена Тугаши. Вступление на престол нового хана повлекло за собой падение Хабаш-Амида.

Хабаш-Амид еще при жизни Джагатая приставил к каждому из сыновей хана одного из своих сыновей, очевидно для того, чтобы таким образом обеспечить власть за собой и своим родом. К Есу-Мункэ он приставил усыновленного им Беха-ад-дина Маргинани, сына наследственного шейх-уль-ислама ферганского; со стороны матери он происходил от караханидов. Есу-Мункэ ненавидел Хабаш-Амида, как сторонника Хара-Хулагу, и на его место назначил везирем Беха-ад-дина; тот принял назначение, но постарался смягчить ненависть хана к Хабаш-Амиду и спас ему жизнь. Джувейни, лично видевший Беха-ад-дина, говорит, что он соединял в себе знание духовных и светских наук, что дом его был средоточием всех еще оставшихся в живых выдающихся ученых и что при нем мусульманская наука вернула себе свое значение¹.

¹ Ср. упомянутую в начале главы статью Дефремери в *Journal Asiatique*, pp. 401—405.

От присяги Гуюку уклонился глава улуса Джучи, Батый; весной 1248 г. Гуюк отправился против него с большим войском; скрывая свою настоящую цель, каан объявил, что идет в свою родную орду, к берегам Эмиля, для восстановления своего расстроенного здоровья. Предупрежденный о намерениях каана, Батый с своей стороны отправился на восток с большим войском; но еще в месте Ала-камак, в 7-ми днях пути от Каялыка (т. е. в южной части Семиречья, около гор Алатау), он получил известие о смерти каана; остановившись в Ала-камаке, Батый, как старший в роде, созвал к себе остальных царевичей для решения вопроса о престолонаследии. Все обязались подчиниться решению Батыя; выбор последнего остановился на Мункэ, старшем сыне Тулуя. Это вызвало горячий протест со стороны внуков Угэдэя, считавших себя обойденными; на их стороне была большая часть джагатайских царевичей, между прочим и Есу-Мункэ. Только в 1251 г. в Каракоруме был созван курултай, на котором произошло торжественное восшествие на престол Мункэ. Потомки Угэдэя со своими сторонниками прибыли на курултай вооруженными, с намерением произвести восстание в свою пользу; заговор был открыт и виновные были задержаны без сопротивления; 77 вельмож были казнены; царевичи были отправлены в отдаленные области, где некоторые из них потом были тайно умерщвлены. Есу еще находился в своей орде; к нему явились послы каана с требованием, чтобы он, если не принимал участия в заговоре, немедленно явился в ставку каана и принес присягу. По рассказу Джемаля Карши Хара-Хулагу, с самого начала принявший сторону Мункэ, оказал влияние на своего брата Бури, стоявшего во главе войска в джагатайском улусе. После прибытия к Мункэ Есу, Тугаши и Бури немедленно были задержаны; Тугаши была выдана Хара-Хулагу, который произвел над ней суд в присутствии ее мужа и велел ее растоптать копытами лошадей. Есу и Бури были отправлены в орду Батыя, который казнил Бури, своего давнишнего врага, а Есу отпустил на родину, где он потом погиб жертвой мести Эргэнэ, вдовы Хара-Хулагу¹. Последнему Мункэ возвратил главенство над джагатайским улусом, но по дороге в свой юрт он умер. Падение Есу-Мункэ имело следствием возвращение к власти Хабаш-Амида, которому Хара-Хулагу велел выдать Беха-ад-дина со всем его семей-

¹ Не упомянутые у д'Оссона (II, 257—271) подробности об этих событиях заимствованы из сочинения Джувеини.

ством и имуществом; Хабаш-Амид подверг своего соперника варварской казни.

Чтобы окончательно уничтожить своих врагов, Мункэ отправил на запад многочисленное войско, которое должно было занять пространство между Каракорумом и Бишбалыком и соединиться с отрядами Джучидов, расположившимися в местности между Каялыком и Отраром, под начальством Хункирана (или Хункуруна), сына и преемника Орды. Все военачальники в джагатайском улусе, заподозренные в сочувствии заговорщикам, были казнены.

И так единство империи на этот раз было сохранено только посредством разгрома двух улусов, и вместо господства всего ханского рода, как было при Угэдэе, теперь наступило двоевластие. Значение Батыя, как старшего в роде и как главного виновника вступления на престол Мункэ, нисколько не уступало значению самого каана. Сам Мункэ говорил Рубруквису: „Как солнце всюду пускает свои лучи, так власть *моя и Батыева* простирается на все страны“¹. Желая выразить полное согласие между ними и Батыем, каан употребил следующее сравнение: „Два глаза в одной голове, но, хотя их два, вид их один и куда один направляет свой взор, туда и другой“². Граница между „сферами влияния“ (если можно так выразиться) каана и Батыя происходила несколько восточнее Таласа; Рубруквису даже казалось, что во владениях Батыя предшественникам великого хана оказывали меньше почета, чем наоборот³. Семиречье таким образом было подчинено каану. Непосредственное заведывание джагатайским улусом было поручено вдове Хара-Хулагу, Эргэнэ, при которой первыми лицами были Хабаш-Амид и его сын Насир-ад-дин. Эргэнэ по словам Васафа⁴ сама придерживалась буддизма, хотя оказывала исламу всякое покровительство; Джемаль Карши называет ее мусульманкой. В 1254 г. она принимала у себя в Алмалыке брата каана, Хулагу, отправленного с войском для покорения Западной Азии. Войско Хулагу медленно прошло через Семиречье и Сыр-Дарьинскую область и только осенью 1255 г. достигло Самарканда.

Рубруквис, проехавший через Семиречье в ноябре 1253 г., дает нам еще некоторые известия о положении страны в цар

¹ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Société de géographie, tIV (Paris 1859), p. 307.

² Ibid. p. 361.

³ Ueber Rubruks Reise, p. 41.

⁴ Hammer-Purgstall Geschichte Wassaf, B. I, Wien 1855, p. 30.

ствование Мункэ¹. Переправившись через реку Или, Рубруквис видел разрушенное укрепление с глиняными стенами; около развалин были пашни. Несколько дальше был значительный город, населенный мусульманами, говорившими по-персидски; Рубруквис дает городу латинское название Ejius. Вероятно он тождествен с Илибалыком, который часто упоминается в китайских источниках; армянский царь Гайтон, бывший здесь в начале 1255 г., называет город Илан-балыком². На следующий день Рубруквис переехал через небольшую горную цепь и прибыл в великолепную равнину, орошенную множеством рек, вытекавших из гор и впадавших в Балхаш. Здесь был большой город Кайлак (Каялык), в котором жило множество купцов. В той же равнине прежде было много городов, но в то время города большею частью были разрушены татарами, которых привлекли сюда превосходные пастбища.

И так рассказ Рубруквиса свидетельствует о некотором упадке земледельческой культуры и об обращении части прежних культурных земель в пастбища. Известие о занятии северной части Семиречья монгольскими кочевниками подтверждается словами Джувейни, что каан Мункэ отдал сыну Арслан-хана карлукского Узгент (а не Каялык).

Часть Семиречья между Или и Чу описывает китаец Чан-дэ, проехавший здесь в 1259 г. в качестве посла от каана к Хулагу. Он называет эту местность И-ду; она имела многочисленное население, но в то же время здесь было много древних валов и других развалин³, так что и здесь в XIII в. вероятно уже начался тот процесс, который привел к постепенному исчезновению в Семиречье оседлой культуры, возобновленной, как известно, только в XIX в. сартовскими и русскими переселенцами. Главной причиной такого явления, конечно, были превосходные семиреченские пастбища всегда привлекавшие кочевников.

Мункэ умер в 1259 г., во время похода на Китай. На этот раз спор за престол произошел между двумя его братьями, и в 1260 г. в монгольской империи в первый раз были одновременно провозглашены каанами два претендента: войско, стоявшее в Китае, присягнуло Хубилаю; в Каракоруме провозгласил себя кааном младший брат, Арик-бука. Правительница джагатайского улуса была на стороне Арик-буки; чтобы произвести в джагатайских владениях восстание в свою пользу, Хубилай отправил туда царевича Абишку,

¹ Ueber Rubruks Reise pp. 42—45.

² Отчет стр. 70.

³ Bretchneider, Mediaveal researches, I, 129.

сына Бури; по дороге цевевич был перехвачен приверженцами Арик-буки и убит. По примеру брата Арик-бука отправил от себя на запад внука Джагатая Алгуя, сына Байдара; между прочим Алгуй, по словам Рашид-да-дина, должен был позаботиться о снабжении Монголии хлебом из Туркестана, так как Хубилай прекратил подвоз хлеба из Китая, вследствие чего в столице начался голод.

Алгуй действовал в Туркестане очень энергично, но не в пользу Арик-буки. Он привлек на свою сторону членов джагатайского рода и их приверженцев; мы видим у него на службе Сулейман-бека, сына Хабаш-Амида; сам Хабаш-Амид, по словам Джемаля Карши, умер в самом начале правления Алгуя, в 1260 г. Эргэнэ удалилась к Арик-буке. Алгуй изгнал джучидских наместников из западной части джагатайских владений и подчинил своей власти даже такие земли, которые никогда не были под властью джагатайского дома, как Хорезм и северная часть Афганистана. Скоро он вступил в открытую войну с Арик-букой. Последний в это время был вытеснен из Монголии войсками Хубилая и отступил к берегам Енисея, но дальнейшие успехи Хубилая были замедлены беспорядками в Китае, и Арик-бука мог обратиться против Алгуя. В 1262 г. Алгуй около озера Сайрам разбил авангард Арик-буки, но весной 1263 г. был разбит в Илийской долине и должен был бежать в Восточный Туркестан. Войска Арик-буки расположились на зимних квартирах в Кульджинском крае; Семиречье вероятно также было занято ими, так как прибывшая с Арик-букой Эргэнэ могла провести лето 1263 г. в горах около Атбаша¹.

Войско Арик-буки захватило в плодородной долине Или столько хлеба, что лошадей в течение зимы кормили пшеницей. Такие грабежи вызвали в стране страшный голод и принесли вред самому войску; весной 1264 г. лошади, привыкшие к пшенице, стали заболеть и погибать от подножного корма. В таком положении Арик-бука был покинут большей частью своих военачальников, не любивших его за его жестокость; узнав, что Алгуй идет на него, Арик-бука послал к нему Эргэнэ, а сам отправился с выражением покорности к Хубилаю. Эргэнэ согласилась выйти за Алгуя.

Хубилай был признан кааном во всей империи, но только номинально. Хулагу в Персии, Алгуй в Средней Азии и Беркай (брат Батыя) во владениях Джучидов были фактически вполне самостоятельными государями; притом первые два находились в открытой войне с третьим. Беркай имел союзника в Средней Азии в лице внука Угэдэя, Хайду.

¹ Отчет стр. 45.

Судя по результатам его деятельности и по отзывам о нем мусульманских писателей, Хайду был одним из самых замечательных монгольских властителей; к сожалению мы о его жизни и правлении имеем мало фактических сведений. Судя по словам Джемала Карши, он родился около 1235 г.; его отец, Хаши, умер от пьянства в молодых годах, еще до появления на свет сына, который был воспитан в орде каана. Со стороны матери он происходил из бекринов или мекринов, горного племени неизвестного происхождения; Рашид-ад-дин¹ говорит о бекринах, что они „не монголы и не уйгуры“. По наружности Хайду во всяком случае был настоящим монголом; вместо бороды у него, по словам Рашид-ад-дина, было только девять отдельных волос.

В смутное время 1260—1264 г. г. Хайду находился в войске Арик-буки. Когда последний отправился к Хубилаю, Хайду не последовал его примеру, но остался в Средней Азии. Он полагал, что имеет больше прав на первенство в империи, чем Хубилай, ссылаясь на существовавшее у монголов предание, будто Чингиз-хан завещал своим потомкам не отдавать престола никому другому, пока останется в живых хотя бы один потомок Угэдэя. В распоряжении Хайду не было ни одного отряда из наследия его деда²; ему предстояло самому создать для себя военную силу; это удалось ему в такой степени, что храбрость и дисциплина его войска вошли в поговорку³. С дарованиями полководца Хайду, соединял дарования правителя и умение пользоваться обстоятельствами; интересам войска не приносились в жертву интересы населения, благосостояние которого в его царствование достигло высокой степени. Замечательно, что этот сын и внук алкоголиков отличался едва ли не от всех Чингизидов тем, что никогда не пил ни вина, ни кумыса.

Прежде всего Хайду привлек на свою сторону племя своей матери; бекрины всегда считались самыми полезными воинами при действиях в горной стране. Кроме того он пользовался войной между Алгуем и Беркаем, чтобы предложить свои услуги второму. Беркай посоветовался со своими астрологами, которые предсказали Хайду великую будущность. С помощью Джучидов Хайду составил себе небольшое владение и разбил один из отрядов Алгуя; против него тогда было выслано большое войско, в битве с кото-

¹ Перевод проф. Березина, введение, стр. 129.

² Рашид-ад-дин в перев. проф. Березина, История Чингиз-хана II, 146.

³ Hammer-Purgstall, Wassaf, p. 127.

рым он потерпел поражение¹; его спасла однако смерть Алгуя.

Алгуй умер в конце 1265 или в начале 1266 г.² В марте 1266 г., по рассказу Джемалю Карши, в Ахенгеране, т. е. в долине Ангрена был провозглашен джагатайским ханом Мубарек-шах, сын Хара-Хулау и Эргэнэ, первый из потомков Джагатая принявший ислам. Таким образом в Средней Азии впервые вступил на престол монгольский государь без назначения со стороны каана; Хубилай не мог примириться с этим и отправил в Туркестан другого джагатайского царевича, Борака, двоюродного брата Мубарек-шаха. Борак сначала скрыл ярлык, полученный им от Хубилая, явился в Среднюю Азию в качестве ищущего убежища и спросил позволения собрать своих людей; с согласия Мубарек-шаха Борак и его братья удалились в свой родовой юрт, в долину Сурхана. Постепенно Борак привлек на свою сторону монгольские отряды, у которых были частые столкновения с местными жителями, причем Мубарек-шах всегда принимал сторону населения. В сентябре 1266 г. Мубарек-шах был разбит и взят в плен около Ходжента, после чего Борак в Узгенте провозгласил себя ханом и овладел всеми сокровищами Алгуя и Эргэнэ³. Такой же успех ему удалось одержать в Восточном Туркестане в войне с кааном⁴, который, видя, что Борак не остается послушным орудием в его руках, выслал против него войско.

Этими смутами воспользовался Хайду, чтобы овладеть Семиречьем и восточной частью Сыр-Дарьинской области. Между ним и Бораком произошло столкновение, причем Хайду выступил защитником интересов населения, страдавшего от грабежей, производившихся воинами Борака с согласия последнего. В 1268 г. Хайду, по одному известию (приведенному у Рашид-ад-дина), с помощью главы Джучидов, Менгу-Тимура, разбил своего соперника на Сыр-Дарье, но не преследовал его, а предложил ему съехаться следующей весной на курултай и покончить дело миром. Весной 1269 г. был созван первый курултай в Средней Азии, на берегах Таласа. Здесь, под главенством Хайду, состоялось соглашение между среднеазиатскими монгольскими владельцами; Хайду и Борак называли друг друга аньдами—слово,

¹ Об этих событиях говорит только Мирхонд (пользуемся тегеранским литографированным изданием).

² Так по Джемалю Карши; хронология как у Рашид-ад-дина, так и у Вассафа сбивчива и неверна.

³ Hammer-Purgstall, Wassaf, p. 128.

⁴ О ней говорит Рашид-ад-дин.

обозначавшее самую тесную дружбу. Яйлак и кышлак (летние и зимние кочевья) Борака были точно определены; вообще царевицы обязались жить в горах и степях, не выпускать своих стад на пашни, не брать с жителей ничего, кроме законных податей и доходов с принадлежавших им ремесленников¹.

Таким образом в Средней Азии образовалось особое монгольское государство, причем были приняты меры для ограждения интересов населения. О местопребывании главы этого государства, Хайду, мы не имеем прямых известий; из того, что он был похоронен между Чу и Или, можно заключить, что его орда находилась в Семиречье. Мусульманские писатели хвалят справедливость Хайду и покровительство, оказанное им исламу; Вассаф² с удивлением отмечает факт, что Хайду, располагая отличным войском, не предпринимал никаких завоевательных походов и ограничивался обороной своих владений от притязаний трех других монгольских государств. Борьба с последними велась с большим успехом, особенно после того, как ему удалось устроить порядок в своих собственных владениях, много страдавших от смут среди джагатайских царевиц; Борак после курултая 1269 г. не изменил своего поведения; еще более население было разорено смутами, наступившими после его смерти (1271 г.), против которых первые джагатайские царевицы, поставленные Хайду во главе своего улуса, были бессильны. Спокойствие было восстановлено только тогда, когда выбор Хайду пал на даровитого Туву³ (или Дуву), сына Борака (1282 г.)⁴. Во все продолжение царствования Хайду Тува оставался его верным союзником и принимал участие в войнах Хайду с другими монгольскими государствами. Столкновения с войсками Хубилая преимущественно происходили в Монголии; более значения для Семиречья имели столкновения с улусом Джучи, преимущественно с его восточной ветвью, во главе которой стоял правнук Орды Баян. Ханы этой так называемой „Белой“ (по другим источникам „Синей“) орды фактически были совершенно независимы и не ездили на курултай к золотоордынским ханам, хотя номинально признавали себя их под-

¹ Ср. d'Ohsson, III, 430—431.

² Hammer-Purgstall, Wassaf, p. 128.

³ По правописанию Вассафа и монгольского письма, о котором см. d'Ohsson IV, 588.

⁴ Так по Джемалю Карши (681 г.); это подтверждается словами Рашид-ад-дина и Вассафа (ср. d'Ohsson III, 458), что Бухара, разоренная в 674 г., была восстановлена через семь лет.

данными. Против Баяна возмутился его троюродный брат Куйлюк и с помощью Хайду и Тувы изгнал Баяна. Баян обратился за помощью к главе Джучидов, Тохте (1290—1312 г. г.); Тохта не мог оказать ему деятельной поддержки, так как сам должен был воевать с мятежным военачальником Ногаем; но он дал Баяну ярлык на главенство в улусе Орды и отправил послов к Хайду и Туве с требованием выдачи Куйлюка. Требование не было исполнено; Баян еще в XIV в. вел войну с Куйлюком и союзными с ним войсками Хайду и Тувы; до первых годов XIV в. между ними произошло 18 битв¹. В самом конце XIII в. в Китай ко двору преемника Хубилая, каана Тимура, прибыли послы Баяна с предложением коалиции против Хайду и Тувы; предполагалось, что против них одновременно двинут войска Тохта и Баян с северо-запада, владетель Персии Газан-хан с юго-запада, бадахшанский владетель с юго-востока и китайский император с востока. Однако по совету своей матери Тимур дал послам уклончивый ответ².

По примеру Чингиз-хана Хайду образовал отдельные отряды под начальством своих сыновей; им он в последние годы своей жизни поручил защиту пограничных областей своего государства. На границе с Китаем начальствовал Урус, на границе с владениями Джучидов—Байкечер, в Афганистане, откуда отряды Хайду и Тувы постепенно вытеснили отряды Хулагидов—Сарбан. Какую роль при жизни отца играл его старший сын и преемник, Чапар, об этом мы не имеем известий. В долине реки Чу, где в то время было еще много селений³, жила дочь Хайду, Хутулун-чага; после его смерти она заведывала охраной его могилы. Храбрая и энергичная девица принимала личное участие в походах отца и не желала выходить замуж. Наконец в народе распространился слух, что Хайду любит ее не как дочь и потому ни за кого не хочет ее выдать; Хайду тогда потребовал от нее, чтобы она выбрала себе мужа. Несмотря на то, что она прежде дала персидскому хану Газану обещание выйти замуж только за него, царевна теперь дала свою руку главному стольнику ее отца, по происхождению китаецу⁴.

О смерти Хайду до нас дошли противоречивые известия. По словам Рашид-ад-дина в Персии весной 1303 г. была

¹ Об этих событиях говорится у Рашид-ад-дина при обзоре генеалогии Джучидов.

² Ср. d'Ohsson II, 515.

³ Отчет стр. 37.

⁴ Рашид-ад-дин.

получена весть, что незадолго перед тем войско Хайду и Тувы было разбито войском каана, что Хайду пал в битве, а Тува был тяжело ранен и с того времени остался неизлечимо больным. Из сочинения среднеазиатского современника событий, Джемаля Карши, мы знаем, что Хайду умер осенью 1301 г.; и так весть из восточной части Средней Азии дошла до Персии только через полтора года; уже этот один факт показывает степень достоверности сообщений Рашид-ад-дином подробностей. Иначе рассказывает о смерти Хайду Вассаф¹. По его словам Хайду в битве с войском каана остался победителем, но потом заболел и поручил своему сыну Урусу отвести войско в такое место, где бы оно могло найти достаточное количество воды и корма для лошадей. Во время этого похода Хайду умер. Самым авторитетным лицом теперь был Тува, главный сподвижник Хайду; по словам Вассафа сам Хайду завещал Урусу во всем повиноваться Туве. Собрав царевичей вокруг гроба Хайду, Тува уговорил их признать своим государем отсутствовавшего тогда Чапара, старшего сына Хайду; затем тело Хайду было отвезено в его родовой юрт и похоронено на высокой горе Шивлык, между Чу и Или². Чапар принял имя Хайду; торжество его вступления на престол произошло, по словам Джемаля Карши, в Эмиле весной 1303 г. Замедление вероятно было вызвано тем, что значительная партия, к которой принадлежала и Хутулун, хотела возвести на престол Уруса. В первые годы XIV в. в Персии ходили слухи, что раздоры среди сыновей Хайду уже приняли характер вооруженной борьбы.

О характере Чапара мы мало знаем (по наружности он, по словам Рашид-ад-дина, походил на русского или черкаса); повидимому он всецело находился под влиянием Тувы, кипучая деятельность которого мало подтверждает слова Рашид-ад-дина о его неизлечимой болезни. Джемаль Карши называет Туву главным столпом власти Чапара. Положение государства, ослабленного наступившими после смерти Хайду смутами, было очень трудным. Тохта возобновил требование выдачи Куйлюка; получив отказ, он отправил два тумана на помощь Баяну. В начале февраля 1303 г., по рассказу Рашид-ад-дина, в Багдад прибыли послы Баяна и известили о его намерении выступить в том же году в поход против Чапара и Тувы, чтобы соединиться с войском каана; задачу помешать такому соединению еще Хайду возложил на своих сыновей Байкечера и Шаха, на Туда-Тиму-

¹ Ср. d'Ohsson II, 516 и след.

² Отчет стр. 38.

ра, внука каана Мункэ, и на Мелик-Тимура, сына Арикбуки. По словам послов большая часть улуса Орды еще находилась во власти Баяна, а не Куйлюка; но постоянные войны ослабили войско Баяна, и только часть воинов имела лошадей. Вероятно эти войны вызвали перемещение центра улуса Орды из северной части Семиречья, где он, как мы видели, находился в половине XIII в., к низовьям Сыр-Дарьи.

В те же годы по инициативе Тувы возникла мысль восстановить единство монгольской империи в той форме, в которой оно тогда только и было возможно, т. е. в форме федерации. Главы отдельных государств должны были обязаться жить в мире друг с другом, под номинальным главенством каана; торговля на всем пространстве империи должна была быть совершенно свободной. План был прежде всего предложен каану, который вполне одобрил его; в августе 1304 г.¹ послы каана вместе с послами Чапара и Тувы прибыли в Персию; и здесь, как и при дворе Джучидов, осуществление идеи Тувы не встретило препятствий. Договор был заключен, но вследствие событий, наступивших в Средней Азии², остался мертвой буквой.

В 1305 г. в Мавераннахре произошло столкновение между войском Чапара и некоторыми джагатайскими царевичами; последние потерпели неудачу. Тува отправил послов к Чапару, извиняясь за „легкомысленных юношей“, бывших, по его словам, виновниками печального события, и предлагая решить все споры третейским судом. Предложение было принято; с обеих сторон были назначены посредники, которые должны были собраться в Ташкенте. Перемирие однако было нарушено мятежными царевичами (среди них были потомки не только Джагатая, но и Угэдэя) которые в местности Чок-балык произвели нападение на войско брата Чапара, Шаха. Видя многочисленность врагов, Шах хотел пробиться через их ряды и напасть на них с тыла; в это время на его войско неожиданно напали с другой стороны военачальники Тувы, проводившие зиму в южной части Семиречья, в долине Арпа; Шах бежал с остатками своего войска (7000 человек) и соединился с своим братом Байкечером. Победители разорили „золотую орду“ Шаха в долине Таласа и разграбили соседние города. Чапар в это время воевал около Иртыша и Алтая с военачальниками каана, которых Тува уговорил открыть враждебные действия.

¹ Дата приведена неизвестным продолжателем Рашид-ад-дина (о его сличении см. d'Ohsson t. I' expositio 7, p. XLII).

² Эти события подробно изложены у Вассафа (рук. Публ. библ. V, 3, 24, л. 3:5 и след.); у д'Оссона (II, 519) о них говорится очень кратко.

Вследствие измены своего войска и царевичей Чапар, около которого осталось только 300 всадников, был вынужден отправиться к Туве, который ласково принял его и отвел ему особый юрт; братья Чапара также выразили покорность победителю. Собственные владения (инджу) Чапара были переданы Байкечеру; Тюкме, правнук каана Гуюка, получил юрт своего прадеда; войска Хайду, кроме ушедших с Мелик-Тимуром к каану, были распределены между Тюкме, Байкечером и Шахом; последнему был оказан особенный почет¹.

Все эти события произошли, по замечанию Вассафа, в течение одного года. По словам Вассафа, Тува умер в 1307 г. от паралича; по словам продолжателя Рашид-ад-дина смерть его последовала от воспаления мозга и известие о ней достигло Персии еще в последние дни 1306 г. Царевичи возвели на престол его сына Куньджека, который был призван из Баркуля (собств. Барс-куль, т. е. „озеро барса“) и возведен на престол около Алмалыка, в месте Себкунь-Бала. Уже в 1308 г. он умер в Юлдузе. При нем также произошло восстание царевичей; в битве при Бури-баши (местность с этим названием упоминается в истории походов Тимура² и находилась в восточной части Сыр-Дарьинской области или в западной части Семиречья) мятежники сначала одержали верх, но потом вследствие измены своего войска были разбиты; их предводитель, царевич Курсебе (потомок Угэдэя), был убит во время бегства.

Престолом теперь овладел царевич Талику, внук Бури (убитого в 1251 г.). Он уже достиг преклонных лет³; будучи сыном керманской царевны, он исповедывал ислам; его мусульманское имя было Хызр⁴. Царевичи были недовольны им за слишком явное покровительство исламу и за меры, принятые им против сыновей Тувы и их эмиров; сыновей Тувы многие считали законными преемниками престола; на их стороне был другой внук Бури, Урюк, и брат Чапара Шах; по слухам их подстрекал сам Чапар. Когда Талику созвал царевичей на той (пир), т. е. на курултай⁵ Урюк, и

¹ Этих сведений нет у Вассафа; мы заимствуем их из сочинения продолжателя Рашид-ад-дина.

² Petis de la Croix, Histoire de Timour bec, II, 35.

³ Так говорит Вассаф; хронологически это едва ли возможно. Очень вероятно, что отец Талику, согласно древнейшим рукописям Рашид-ад-дина и вопреки свидетельству других источников, был сыном не Бури, а самого Джагатая.

⁴ Приведено в генеалогической истории.

⁵ О значении тоя в государстве Джагатаидов см. Voyages d'Ibn-Batoutah, texte et trad., par DeFrémery et Sanguinetti, Paris 1835, t. III, p. 40.

Шах отказались явиться и подняли восстание. В сражении Урюк и его сыновья были убиты; Шах был взят в плен. Столь же успешны были действия отрядов Талику против других мятежников. Не будучи в состоянии бороться с ханом в открытом поле, сторонники сыновей Тувы явились на той и составили заговор с целью убить хана; ночью Кебек, сын Тувы с 300 всадников неожиданно вторгся в ханский шатер и убил Талику. По Вассафу это произошло еще в 708 (1308—9) г.; автор генеалогической истории монголов относит возведение на престол Талику к 709 (1309—10), а его смерть—к 710 г. г.

Смуты в джагатайском улусе возбудили в Чапаре надежду восстановить свою власть. В союзе с Тюкме, Байкечером и сыновьями Уруса он пошел на Кебека, но был разбит к югу от реки Или. С согласия Тюкме Чапар перешел через Или и вступил в его владения; здесь между ними произошла ссора; Чапар разбил Тюкме, разграбил его юрт и ушел на восток, к каану; Тюкме во время бегства встретил отряд Кебека и в сражении с ним был убит. Государство страшно пострадало от этих междоусобий, которые нанесли сильный удар земледелию и торговле¹. Кебек созвал царевичей на курултай (по Вассафу еще в начале 709 г.); было решено возвести на престол старшего брата Кебека, Эсэн-буку, который в то время находился на востоке, во владениях каана. Большая часть владений Хайду теперь перешла к джагатайским царевичам; из сыновей Хайду только Шах получил особую тысячу и особый юрт.

Эсэн-буке удалось до некоторой степени восстановить в своих владениях внутреннее спокойствие; но неудачные внешние войны, которыми наполнено его царствование, не могли не отразиться на благосостоянии страны. Столкновение с пограничным караулом войск каана, стоявших зимой на берегах Кобука, летом—у реки Есун-мурэн (один из притоков Иртыша), вызвало войну², во время которой

¹ Так говорит Вассаф. Вероятно к этому времени относится большая часть развалин, о которых упоминается в Тарихи-Рашиди (ср. отчет стр. 17, 38). Писатель первой половины XIV в. Омари пишет со слов человека, лично посетившего страну: „В Туркестане теперь можно найти только развалины, более или менее хорошо сохранившиеся. Издали видишь хорошо построенное селение, окрестности которого покрыты цветущей зеленью. Приближаешься к нему в надежде встретить жителей, но находишь дома совершенно пустыни. Все жители страны—кочевники и нисколько не занимаются земледелием“. (Notices et extraits de la bibliothèque du roi XIII, part. I, p. p. 257—258).

² О ней говорит продолжатель Рашид-ад-дина (рукоп. Аз. Муз. а 565 л. 473 и след).

начальник этого караула опустошил пространство на 3 месяца пути. Другое войско каана—пространство в 40 дней. Войска каана разграбили даже ставки самого Эсэн-буки, зимнюю (около Иссык-Куля) и летнюю (около Таласа). Первые попытки Эсэн-буки заключить союз против каана с узбеком, стоявшим с 1312 г. во главе джучидского улуса, были неудачны; только в 1315 г. между ними произошло некоторое сближение на почве общей вражды к владельцу Персии, Ольджайту¹. В Персии джагатайские войска вследствие измены царевича Ясавура также не достигли никаких результатов².

Год смерти Эсэн-буки у историков не приводится; вероятно он умер около 1318 г., так как его брат Кебек, правивший 8 лет, умер по монетным данным в 726 (1326) г.; историки ошибочно относят его смерть к 721 г. Арабский путешественник Ибн-Батута, бывший в Средней Азии в 1333 г., слышал здесь некоторые рассказы о Кебеке; в этих рассказах Кебек является справедливым государем, который заботился о благе подданных и оказывал покровительство мусульманам, хотя сам оставался шаманистом³. Заботы Кебера о благосостоянии страны отмечают и историки; Мусеви противопоставляет его в этом отношении Эсэн-буке. Внимание Кебека однако было обращено почти исключительно на Мавераннахр и Афганистан; его столицей был город Нахшеб, получивший с того времени название Карши, т. е. „дворец“ (Кебек выстроил для себя дворец на расстоянии 2¹/₂ фарсахов, т. е. около 15 верст от этого города⁴).

По словам историков Кебек умер естественной смертью; по Ибн-Батуте⁵ он убит своим братом Тармаширином. После смерти Кебека, до воцарения Тармаширина, правили короткое время два других сына Тувы, Ильчигидай и Дурра-Тимур. При Ильчигидае началась успешная пропаганда католичества в Средней Азии, где действовал доминиканец Фома Мангазола⁶. В 1329 г. Фома возвратился в Авиньон; папа Иоанн XXII отправил его обратно в Среднюю Азию в качестве епископа самаркандского (и так при Ильчигидае,

¹ D'Ohsson IV, 574.

² D'Ohsson IV, 563 у след.

³ Voyages d'Ibn-Batoutah, III, 31—32.

⁴ Petis de la Croix, Histoire de Timour-vec, 1,95.

⁵ III 42.

⁶ Moshemil, Historia Tartarorum ecclesiastica, p p. 110-111, app. № LXIV.

как при Кебеке, главная роль в государстве принадлежала Мавераннахру) с письмом к Ильчигидаю, которого в то время, судя по монетным данным, уже не было в живых.

Дурра-Тимур до своего вступления на престол вероятно был удельным князем в одной из восточных областей; в китайских летописях сохранилось известие о денежной помощи, посланной ему из Китая в 1315 г. ввиду постигшей его область засухи¹.

Тармаширин, вступивший на престол вероятно в конце 1326 г., принял ислам и получил мусульманское прозвание Ала-ад-дин („величие веры“)². Принятие ислама и пренебрежение к народным обычаям восстановило против него монголов. Тармаширин не созывал царевичей на той, собиравшийся прежде каждый год; он воевал в Афганистане и ходил с войском в Индию; но совершенно пренебрегал восточной частью своего государства и в течение четырех последних лет своего царствования не посещал Алмалыка и восточных областей. Приведенные выше известия о Мубарекшахе и некоторых других ханах указывают на то, что неудовольствие монголов против ханов, обнаруживавших слишком большое пристрастие к мусульманской культуре, находилось также в связи с экономической борьбой между кочевым и оседлым населением. Против Тармаширина, как против нарушителя ясы, в 1334 г. было поднято восстание³, во главе которого стоял Бузан, сын хана Дурра-Тимура. Бузан по свидетельству Ибн Батуты (вопреки словам Шереф-ад-дина и Улугбека⁴, также был мусульманином, но в большей степени придерживался народных обычаев. Тармаширин должен был бежать на окраину своего государства, в Газну; по дороге он был схвачен правителем Балха Янги, сыном Кебека, выдан Бузану и убит.

О Бузана Ибн-Батута говорит, что он был несправедлив к подданным, обижал мусульман и позволил христианами евреям восстановить свои храмы. По словам Шереф-ал-дина⁵ и Мусеви он казнил множество царевичей и эмиров. Судя по монетам, его царствование не было продолжительным, и ему в том же 1334 г. наследовал внук Тувы Дженкши, сын

¹ Mediaeval researches, II, 14.

² Принятие ислама Тармаширином вызвало широкое развитие торговых сношений с западной Азией (Notices et extraits XIII part. I, p. 238)

³ О нем и о последующих событиях довольно подробно говорит Ибн-Батута (III, 39—43 и 47—51).

⁴ Miles, The Shajrat ul Atrak p. 371.

⁵ Пользуюсь рукописью Аз. Музея № 568 (листы 167—168).

Эбугэна. Дженкши также не был сторонником ислама; Мусеви называет его покровителем буддийских жрецов. Еще до своего вступления на престол, в 1332 г., Дженкши имел сношение с китайским правительством; в 1332 г. он отправил в Китай 172 русских пленных и получил за это денежное вознаграждение ¹. Хан повидимому жил преимущественно в Алмалыке; сюда в его царствование была перенесена католическая пропаганда ². Францисканец Николай, отправленный в качестве архиепископа в Китай, был хорошо принят при дворе Дженкши; вельможи Карасмон и Юханан (очевидно несториане) пожертвовали в пользу назначенного папой епископа большое имение около Алмалыка, где была выстроена прекрасная церковь. Скоро после этого мы видим в Алмалыке епископа Ричарда из Бургундии, монахов Франциска и Раймунда Руфа из Александрии, священника Пасхалиса из Испании, братьев-мирян Петра из Прованса и Лаврентия из Александрии. Им удалось вылечить хана, за что они получили позволение крестить его семилетнего сына, который был наречен Иоанном. Пасхалис в 1338 г. проехал в 5 месяцев из Куны-Ургенча в Алмалык; ему пришлось часто останавливаться, так как в стране происходили смуты, во время которых Дженкши был убит своим братом. По Мусеви Дженкши был убит ночью, и виновник убийства остался неизвестным; свидетельство Пасхалиса однако подтверждается рассказом Улугбека ³, по которому убийцей Дженкши был его брат Есун-Тимур. Есун-Тимур потом лишился рассудка от угрызений совести и вырезал обе груди у своей матери, которая уговорила его совершить братоубийство.

О чуме, которая, судя по несторианским надписям, в 1338 и 1339 г.г. свирепствовала в Семиречье ⁴, мы не находим известий ни у Пасхалиса, ни в исторических источниках.

Есун-Тимур был низложен угэдэйским царевичем Али-Султаном, мусульманином. При нем произошло кровавое гонение против христиан, в котором приняла участие мусульманская чернь; все упомянутые католические миссионеры погибли мученической смертью в 1339 г. Вероятно

¹ Mediaval researches, II 81.

² Hist. Tartar. eceles. p.p. 114—115, app. №№ LXXIX и LXXX, XCII

³ Miles, The Shajrat ul Atrak, p.p. 372—373

⁴ Зап. Вост. Отд. 1, 305 D. Chwolson, Syrisch-Nestorianische Grabinschriften aus Semirjetschie, Neue Folge. St. P.—1897, p. 33.

от этого гонения пострадали также семиреchenские несто-риане, из которых некоторые занимали важные государст-венные должности ¹. Али-Султан повидимому свирепствовал не только против христиан; мусульманские историки также называют его жестким тираном. Его сменил Мухаммед-Пулад, внук хана Куньджека; Мухаммеду наследовал сын Ясавура Казан.

Ибн-Батута не называет ни одного из этих ханов. По его рассказу против хана Бузана восстал сын Ясавура Ха-лиль, с помощью гератского царя Мелик-Хуссейна; его союзником и везирем был Ала-ал-мульк Худавенд-Задэ тар-мизский. Во время битвы Бузан собственными войсками был выдан врагам и казнен посредством задушения; Халиль овладел Мавераннахром и пошел на Алмалык. Татары вы-брали себе другого хана и выступили против Халиля, но были разбиты; Халиль занял Алмалык, дошел до границ Китая и взял города Каракорум и Бишбалык; китайский император выслал против него войско, но потом заключил с ним мир. Халиль оставил в Алмалыке Худавенд-Задэ с большим войском, а сам вернулся в Самарканд. Завистни-кам удалось возбудить в Халиле подозрение против Худа-венд-Задэ; Халиль отозвал своего везира и после его воз-вращения велел его убить. После этого произошла ссора между Халилем и Мелик-Хусейном; Халиль был разбит и приведен к гератскому царю, который даровал ему жизнь и назначил ему хорошее содержание. Халиль еще оставал-ся в Герате, когда Ибн-Батута весной 1347 г. проехал че-рез этот город на обратном пути из Индии.

Трудно решить, какая доля истины заключается в этом рассказе. Халиль, который, судя по изложенным здесь фактам, не тождествен с Казаном, не упоминается у исто-риков, но сохранились монеты 743 и 744 (1342—1344) г.г. с его именем. Ссору и примирение с Хусейном историки приписывают победителю Казана, тюркскому эмиру Каза-гану.

Казан сделал попытку восстановить авторитет ханской власти, ослабленный междоусобиями, и вступил в борьбу с тюркскими эмирами; борьба была для него неудачной; в 1347 г. он пал в битве с эмиром Казганом. Последующие джагатайские ханы в Мавераннахре были только подстав-ными лицами; фактическая власть всецело находилась в руках тюркских эмиров.

¹ Зап. Вост. Отд. 1, 307—Grabinschriften, Neue Folge, p. 53.

VII. МОГУЛИСТАН¹.

Полная победа тюркских эмиров, т. е. мусульманской партии на западе побудила монгольских эмиров в восточной части государства возвести на престол своего хана. Самым могущественным из этих эмиров был Пуладчи, область которого, непосредственно граничившая с владениями тюркских эмиров, получила теперь название Мангалай-Субе (букв. „авангардная область“); в состав ее входила часть Восточного Туркестана от Кашгара до Кучи и часть Семиречья к югу от озера Иссык-Куль. Эмир Пуладчи в 1348 г. привез из Кульджинского края в Аксу, через проход Музарт, восемнадцатилетнего царевича Туклук-Тимура, объявил его внуком Тувы и заставил всех признать его ханом. Раньше Туклук-Тимура считали сыном одного из монгольских эмиров; теперь было объявлено, что его мать была замужем за Эмиль-ходжей сыном Тувы, после смерти царевича осталась беременной и родила Туклук-Тимура уже в доме своего второго мужа; оттого его считали сыном последнего². Рассказывается еще другое предание³ о том, как Пуладчи нашел этот отпрыск ханского рода.

Таким образом подлинность возведенного монголами на престол царевича была более чем сомнительна; тем не менее выбор оказался очень удачным. Туклук-Тимур в 1360 г. даже подчинил себе тюркских эмиров; только после его смерти, последовавшей в 764 (1362—3) г. войска его сына

¹ Главным источником для этого периода является Тарихи-Рашиди, сочинение Мухаммеда-Хайдера Дуглгата, написанное в половине XVI в и недавно изданное в английском переводе (*The Tarikh-i-Rashidi of Mirza Muhammad Haidar, Dughlat, ed. by N. Elias, the translation by E. Denison Ross. Lond. 1895*); на русском языке можно найти обширные выписки из этого сочинения во второй части книги В. В. Вельяминова-Зернова „Исследование о Касимовских царях и царевичах“ (Спб. 1864). Много существенных дополнений и поправок к известиям Мухаммед-Хайдера дают Бабур (цитируем его „Записки“ по английскому переводу, *Memoirs of Zehir ed-din Muhammed Baber, trans. partly by W. Erskine, Lond. 1826*) и историки Тимура и тимуридов: Мусеви, Шереф-аддин Иезди, Хафиз-Абру (оксфордские рукописи Fraser 115 и Elliot—422) и Абд-ар-Реззак самаркандский (рукоп. Спб. Унив. № 157); некоторые отрывки из сочинения последнего сообщены во французском перев. (частью также в тексте) Катрмером. (*Notias et extraits, XIV part. I*); наконец китайские известия, приведенные в *Mediaeval researches* д-ра Бретшнейдера.

² Так по генеалогической истории [см. гл. V].

³ *Tarikh-i-Rashidi*, p. 6. Мух. Хайдер и Бабур (Erskine, p. 11) называют Т.-Тимура сыном хана Эсэнъ-буки, что, конечно, хронологически невозможно.

Ильяс-ходжи были вытеснены из Мавераннахра, Туклук-Тимур был похоронен в Алмалыке; его гробница, сохранявшаяся до настоящего времени, находится в 8-ми верстах от Алимту и в 1 версте от таранчинского Хорин-Мазар¹

В состав государства, основанного Пуладчи и Туклук-Тимуром, кроме искони культурного Восточного Туркестана, входила обширная страна, населенная кочевниками и простиравшаяся с севера на юг и с востока на запад на семь или на восемь месяцев пути², от Иртыша и Эмиля до Тянь-Шаня и от Баркуля до Ферганы и Балхаша; Балхаш носил название Кукча-Тенгиз и считался границей между между Могулистаном и Узбекистаном, т. е. владениями Джучидов. Трудно сказать, насколько эта страна в этнографическом отношении отличалась от западной половины бывших джагатайских владений, т. е. насколько монголы и здесь подчинились влиянию тюркских элементов; в бытовом отношении различие между кочевым востоком и оседлым мусульманским западом во всяком случае было очень велико, и восстановить единство джагатайского государства не мог даже Тимур. Антипатия к исламу и мусульманской культуре была гораздо сильнее у народа, чем у его правителей; уже Туклук-Тимур принял ислам, и его преемники носили мусульманские имена; между тем их подданные большею частью оставались неверными, и только во второй половине XV в. их западные соседи нашли возможным признать их мусульманами³. В государстве Тимура и тимуридов жителей Могулистана называли ругательным словом Джете⁴ („разбойники“); термин „страна Джете“ часто употребляется историками в том же значении, как термин „Могулистан“.

Пуладчи умер еще раньше, чем Туклук-Тимур; его наследником был его малолетний сын Худайдад. Брат Пуладчи Камар-ад-дин возмутился против преемника Туклук-Тимура, Ильяс-ходжи; Ильяс был убит; его царствование было настолько кратковременно, что в монгольских преданиях он совсем не упоминался⁵. Камар-ад-дин захватил в свои руки власть и старался истребить всех родственников Туклук-Тимура. Пользуясь этим смутным временем, эмир Тимур, подчинивший себе в это время западное государство Джагатаидов, предпринял несколько походов на Могулистан. По словам Мусеви Тимур еще в 772 (1370—71) г. дохо-

¹ См. Отчет. стр. 65.

² (писание ее см. Tarikh-i-Rashidi, p. 360 и след.

³ Ibid. p. 156.

⁴ Ibid introduction, p. 75.

⁵ Ibid. p. 23.

дид до Кочкара. В начале 1375 г.¹ он выступил из Сайрама и дошел до Чарына. Лагерь Камар-ад-дина находился в горах Кок-тепе; он отступил в трудно доступное урочище Берке-и-Гуриян², состоявшее из трех узких ущелий, через которые протекали три больших реки. Однако и здесь его настиг и разбил Тимур, который после этого пошел в Байтак; трое эмиров по его приказанию преследовали врагов вдоль берега Или. Тимур пробыл в Байтаке 53 дня; его сын Джахангир в это время преследовал Камар-ад-дина в горах и разбивал монгольские отряды в местности Уч-Ферман (в Восточном Туркестане); ему удалось взять в плен жену и дочь Камар-ад-дина. Из Байтака Тимур через перевал Кара-Касмак (Кастек) прошел в Атбаш, оттуда в долину Арпа, где отпраздновал свою свадьбу с дочерью Камар-ад-дина, а через перевал Ясы (Джасы) вернулся в Узгент.

В следующем 1376 г.³ Камар-ад-дин во время похода Тимура на Хорезм вторгся в Фергану, но отступил к Атбашу, как только узнал о приближении Тимура. Тимур последовал за ним; Камар-ад-дин на пути устроил ему засаду, но потерпел поражение и вторично был разбит при Секиз-Игаче⁴, где был ранен. Тимур через Ата-Кум вернулся к берегу Сыр-Дарьи и оттуда в Самарканд.

В 1377 г.⁵ Тимур снова отправил войско против Камар-ад-дина, которое настигло и разбило его в степи Курату. В том же году Тимур с другим войском сам произвел вторжение в Семиречье; авангард разбил Камар-ад-дина в Буамском ущелье; Тимур дошел до Кочкара и через местность Ойнагу вернулся в Узгент.

Новый поход Тимура произошел в 1383 г.⁶ Было отправлено в Семиречье несколько отрядов; когда другие отряды прибыли в Ата-Кум, авангард уже вернулся туда, разбив

¹ Об этом походе см. Petis de la Croix, 1, 252 и след. Чтение названий урочищ, упоминаемых в истории походов Тимура, далеко не везде могло быть установлено с достоверностью, хотя я, кроме перевода Пети де-ля-Круа, пользовался также подлинником в печатном (калькютском) издании и в трех рукописях Аз. Музея, тюркским переводом Зафер-намэ (по принадлежащей мне рукописи) и переводом Тарихи-Рашиди.

² В тюркской рукописи Берке-и-Кузган; в тюркском переводе Тарихи-Рашиди (р. 41) место это стоит Аршал-Атар. На карте Рената (о ней см. ниже, глава о калмыках) название Бангарбан-Бенке носят две речки, впадающие в Чарын около поворота реки на север.

³ Petis de le Croix, 1, 265 и след. Абдуррезак (л. 6.) относит этот поход к 1377 г.

⁴ Т. е. „8 деревьев“. Во всех персидских рукописях перед буквой к однако стоит еще и (также у Пети де-ля-Круа и в Тарихи—Рашиди).

⁵ Petis de le Croix, 1, 274 и след. По Абдуррезаку (л. 70) и 1378 г.

⁶ Ibid. le. 363.

врагов. Соединенные отряды прошли мимо Иссык-куля в горы Кок-тепе, но не нашли Камар-ад-дина и вернулись в Самарканд.

Все эти неудачи должны были ослабить Камар-ад-дина. Его племянник Худайдад, правивший в это время в Кашгаре, спас от Камар-ад-дина царевича Хызр-ходжу, сына Туклук-Тимура, который в год смерти отца был еще грудным младенцем; во время могущества Камар-ад-дина царевич был тайно воспитан в горах между Кашгаром и Бадахшаном и потом в течение 12-ти лет жил на крайнем юго-востоке государства, около озера Лоб-нор. Трудно сказать, насколько достоверны эти сведения¹ и не был ли царевич найден Худайдадом таким же образом, как его отец нашел Туклук-Тимура; но во всяком случае он около 1383 г. был признан ханом.

В том же 1389 г.² Тимур предпринял новый поход на Могулистан. Из Ал-Кошуна он через Бури баши и Тюпелик-Карак достиг горного прохода Орнак (или Ознак, Ортак); на дальнейшем пути его упоминаются местности Аткан-Сури³ (где несмотря на летнее время, еще был лед и снег), Тарга-отлаг, равнина Айгыр-Ялы („грива жеребца“) равнина Улан-Чарлыг, Чапар-Айгыр („скачущий жеребец“); здесь была разбита монгольская конница под начальством Анга-тюри одного из военачальников Хызр-ходжи. Анга-тюря находился в это время в Уренг-Яре; против него был отправлен авангард. На следующий день войско Тимура заметило, что заблудилось, но через Каян (или Кыян) Казы вернулось на дорогу, вечером прибыло в Кок-Сали, а на следующий день в Аягуз⁴. Так как Тимур вследствие искания дороги потерял три дня, то он решил, что враги уже узнали о его приближении и рассеялись; поэтому он разделил свое войско на два отряда. Сам он через Шире, Шиберту⁵, Кой-Мараг, Кураган и Буюрлагу отправился в Кара-Гучур (на карте Рената это название носит западная часть хребта Тарбагатай); Омар-шейх, сын Тимура, с другим отрядом настиг Анга-тюрю на берегу Кобука и раз-

¹ По Тарихи-Рашиди (р. 54) Хызр-ходжа родился в 770 г., т. е. через 6 лет после смерти Туклук-Тимура.

² Petis de la Croix, II, 35 и след.

³ В тюркском переводе Зафер-наме *А т ы н*.

⁴ Первое место на этом пути, местоположение которого можно определить с некоторой точностью. Исследование маршрута Тимура значительно затрудняется тем, что Шереф-ад-дин ничего не говорит о месте переправы его через большие реки, как Чу и Или.

⁵ Собств. „глинистое место“—географическое название, очень обыкновенное у монголов.

бил его; Анга-тюря бежал в Какмабурджи; Омар-шейх вернулся к Тимуру и встретился с ним в местности Ахта-диктур, после этого он еще прошел через равнину Ала-куля, носившего также название Ит-ичмес („собака не пьет“), и вернулся в Кара-Гучур. Тимур в Кара-Гучуре дал оправиться своему войску и послал один отряд на Иртыш; пленные были отправлены в Самарканд, а сам Тимур пошел в Эмиль-Гучур и остановился в ханской ставке Сарай-Ордам. Из Эмиля Тимур сделал распоряжение о выступлении из разных мест его государства отрядов для опустошения южной части Могулистана; все отряды должны были соединиться в Юлдузе, куда двинулся и сам Тимур. Между прочим эмиры, стоявшие в Туркестане, на границе между владениями монголов и узбеков, должны были пройти через Ур-дабан, реку Или, мимо озера Сют-куль (Сайрам) и через местности Чичеклик („цветник“) и Балай-Каз; по дороге оттуда в Юлдуз они встретили войско Хызр-ходжи; после двухдневной нерешительной битвы войска разошлись по договору. Тимур из Эмиля через Улуг-Кул („главное войско“, очевидно здесь была стоянка главных монгольских военных сил), проход Сычкан-дабан (собств. мышиные ворота) и реку Кунгез прибыл в Юлдуз, оттуда еще преследовал Хызр-ходжу на некоторое расстояние за Чалыш (Карашар), отправил Омар-шейха в Фергану через Восточный Туркестан, а сам 8-го августа 1389 г. быстро двинулся из Большого Юлдуза в обратный путь по ближайшей дороге, и 30-го августа уже был в Самарканде; караваны проходили этот путь в два месяца.

В 1390 г.¹ Тимур снова отправил войско для опустошения Могулистана и для преследования Камар-ад-дина, бежавшего на Иртыш. Войско прошло из Ташкента в Иссык-куль, оттуда в горы Кок-тепе, через горный проход Арджату² в Алмалык (вероятно имеется в виду город Алматы, нынешний Верный), через реки Или и Каратал и через равнины Ични-Бучни и Укер-Китчи; когда оно прибыло на Иртыш, Камар-ад-дин уже бежал оттуда на север, в страну Тюлес, где было много соборей и горностаев. На обратном пути войско прошло через урочище Алтун-Кюрго и мимо большого озера Атрак-куль (Балхаш).

Камар-ад-дин после этого вероятно уже не возвращался в Могулистан; по монгольскому преданию, рассказанному в

¹ Petis de la Croix, II, 66 и след.

² Т. е. Аршату (букв. „место тёплых ключей“); часто встречающееся географическое название.

Тарихи-Рашиди¹, он в конце своей жизни заболел водянкой и пропал без вести в лесах во время одного из нашествий Тимура. Занятый войнами на западе, Тимур не мешал Хызр-ходже утвердить свою власть в Могулистане. В 1397 г.² Хызр-ходжа отправил послом к Тимуру своего старшего сына Шама-джехана („светоч мира“); Тимур через него просил руки его сестры Тевекюль-ага, которая и была прислана к Тимуру и получила при его дворе титул „малой госпожи“³ (Кичик-ханым).

Хызр умер в 1399 г.; после его смерти наступили междоусобия между его четырьмя сыновьями (Шама-джехан, Мухаммед-оглан, Шир-Али и Шах-джехан); этим воспользовался правитель Ферганы Мирза-Искендер, сын Омар-шейха, чтобы разграбить Восточный Туркестан⁴. Между прочим он осадил Аксу; чтобы откупиться от него, жители выдали ему находившихся в их городе богатых китайских купцов со всем их имуществом. Из этого видно, что несмотря на смутное время, торговые сношения с востоком не прерывались.

Об отношении Тимура к сыновьям Хызр-ходжи мы ничего не знаем⁵. Часть Могулистана после смерти Хызра повидимому подчинилась самому Тимуру; увенчанное им из Малой Азии племя черных татар Тимур поселил на берегу Иссык-куля, откуда они впрочем бежали тотчас после его смерти; туда же он сослал одного из провинившихся вельмож. Готовясь к походу на Китай, Тимур в 1404 г. подчинил северную часть Могулистана ташкентскому наместничеству, во главе которого номинально стоял малолетний внук Тимура Улугбек, а Восточный Туркестан—ферганскому⁶.

После смерти Тимура Шама-джехан, старший сын Хызр-ходжи, некоторое время мечтал о завоевании Мавераннахра и в 1407 г. с этой целью просил помощи у китайцев⁷; но уже в 1408 г. он умер, и ему наследовал его брат Мухаммедхан. Он в начале своего царствования отправил посольство к сыну Тимура, Шахроху, с выражением покорности; тем не менее он вмешивался в происходившие в Мавераннахре смуты и оказывал поддержку мятежным эмирам; вследствие этого он в 1416 г. лишился Кашгара⁸. По Мухаммед-Хай-

¹ р. р. 50—51.

² Petis de la Croix, II, 421, 457.

³ Так по генеалогической истории.

⁴ Petis de la Croix, III, 215 и след. Мусеви и Абдуррезак относят этот поход к 1377 г. и приписывают его Омар-шейху.

⁵ По Тарихи-Рашиди (р. 54) Хызр-ходжа пережил Тимура.

⁶ Petis de la Croix, IV, 203—204.

⁷ Mediaval researches, II, 239.

⁸ Notices, et extraits, XIV, part. 1, p. 296.

деру¹ Мухаммед-хан усердно заботился о распространении ислама в своих владениях; все монголы должны были носить чалму; непослушным вбивали в голову гвозди. Ему приписывается также постройка знаменитого здания Ташрабат на северном берегу озера Чатыр-куль.

В 1416 г. как к Шахроху, так и в Китай прибыло посольство от нового монгольского хана Накш-джехана, сына² Шама-джехана. К тому же году китайцы относят смерть Мухаммед-хана; по Абд-ар-Реззаку³ он умер еще в 1415 г. Накш-джехан еще в начале 1418 г. был убит сыном Шир-Али⁴ Вейс-огланом. В 1420 г. в Могулистане происходила междоусобная борьба между Вейс-ханом и Шир-Мухаммед-огланом, которого генеалогическая история называет сыном Шах-джехана, Мухаммед-Хайдер—сыном Мухаммед-хана. Трудно определить, на чьей стороне находился Худайдад, глава монгольских эмиров; во всяком случае он имел сношения с Улугбеком, управляющим тогда Мавереннахром в качестве наместника своего отца; вероятно по его побуждению Углубек предпринял поход на Могулистан; но еще по дороге к нему прибыли монгольские эмиры с изъявлением покорности и поход был отменен⁵. Шахрох в том же году отправил свое знаменитое посольство в Китай; послы прибыли в Могулистан в начале мая. Вследствие происходившей в то время борьбы между Вейс-ханом и приверженцами Шир-Мухаммеда послы опасались за свою безопасность; их успокоил Худайдад, встретившийся с ними на пути к Вейсу. 4-го июня послы переправились через Кунгез, 5-го виделись с правителем местности Мухаммед-беком, 8-го были уже в Юлдузе; 20-го узнали, что сыновья Мухаммед-бека ограбили посла Вейс-хана; это заставило их ускорить путь⁶. Шир-Мухаммед наконец бежал в Самарканд, где находился в почетном плену; в октябре он сделал попытку спастись оттуда бегством, но неудачно; в декабре Улугбек однако сам отпустил его. Шир-Мухаммед вернулся в Могулистан; в 1421 г. ему удалось победить своих врагов и сделаться единодержавным правителем⁷. Так как он не подчинялся Улугбеку, последний в 1425 г. произвел нашествие

¹ Tarikh-i-Rashidi, p. 58.

² По Мух.-Хайдеру (p. 57) брата.

³ Notices, p. 277.

⁴ Генеалогическая истор. (как и Шериф-ад-дин) называет Шир-Али братом, Бабур и Мухаммед-Хайдер—сыном Мухаммед-хана.

⁵ Абд-ар-Реззак, л. 218.

⁶ Notices, pp. 388-389.

⁷ Абд-ар-Реззак, л. 223.

на Семиречье¹. Войска Улугбека 5-го марта разбили монгольское войско около Аксу (притока Чу); Улугбек переправился через Чу и через Чарын; здесь к нему с выражением покорности явился Худайдад. В той же местности в мае был разбит сам Шир-Мухаммед; отряды, отправленные Улугбеком, преследовали врагов до Или; сам Улугбек отправился в Юлдуз, главный яйлак Могулистана. На обратном пути оттуда, в местности Карши, был взят знаменитый „синий камень“ (кок - таш); по преданию еще Тимур хотел увезти его в Самарканд, но не мог.

Шир-Мухаммед умер по словам Мухаммед-Хайдера² естественной смертью; власть снова перешла в Вейс-хану, который однако уже в 1428 г. был убит на берегу Иссык-Куля в сражении с Сатук-ханом; последний носил титул хана в Самарканде, где фактически правил Улугбек, который наконец низложил хана и отправил его в Могулистан³.

В царствование Вейс-хана Могулистан начал подвергаться нашествиям восточных, языческих монголов, среди которых в конце XIV в. возвысился союз четырех поколений (Чорос, Хошот, Торгот и Хоит). В 1399 г. ойратский предводитель Угэчи-Хашага убил монгольского каана Элбэка; это событие новейший историк восточных монголов, г-н Покотиллов⁴, считает началом ойратской гегемонии. В 1403 г. новый каан Улчжэй-Тимур был возведен на престол в Бишбалыке⁵, обыкновенно принадлежавшем могулистанским ханам, а в то время очевидно захваченном восточными монголами. Еще Мухаммед-хан готовился к войне с ойратами или, как их называли мусульмане, калмыками; по просьбе ойратов китайское правительство отправило к нему посольство с целью отговорить его от этого намерения⁶. Вейс-хан по китайским известиям перенес свою главную ставку из Восточного Туркестана на запад, в Илибалык, т. е. на берега Или, в Семиречье. Описывая страну в этот период, китайцы уже не говорят, подобно путешественникам XIII в., о городах и цветущих селениях; Семиречье в XV в. было населено исключительно кочевниками, жившими в войлочных шатрах и питавшимися мясом и кумысом; по одежде они походили частью на ойратов,

¹ Абд-ар-Реззак л. 230 — 231.

² *Tarikh-i-Rashidi*, p. 65.

³ *Ibid.*, p. 72.

⁴ История восточных монголов в период династии Мин, Спб. 1893, стр. 15.

⁵ *Ibid.* p. 33.

⁶ *Tarikh-i-Rashidi*, introduction, p. 45.

частью на мусульман¹. На берегах Или Вейс-хан много раз сражался с военачальником Эсэнъ-тайчжи, сыном главного ойратского предводителя того времени, Тогона². Вейс дал калмыкам 61 битву, из которых только в одной одержал победу; два раза он был взят в плен калмыками и против своего желания должен был выдать за Эсэнъ-тайчжи свою сестру³.

Сатук-хан не мог утвердиться в Могулистане и скоро был убит в Кашгаре. После этого монгольские эмиры разделились на две партии; одна хотела возвести на престол старшего сына Вейс-хана, Юнуса, другая—второго сына, Эсэнъ-буку; оба царевича еще были малолетними. Партия Эсэнъ-буки одержала верх; Юнус был увезен своими сторонниками в Мавераннахр к Улугбеку, который отправил его в Персию; по Бабуру⁴ это произошло в 1434 г. Юный Эсэнъ-бука не пользовался большим авторитетом среди своих соплеменников, и в первую половину его царствования каждый из монгольских эмиров правил в своей области совершенно самостоятельно. Таков был Мир-Мухаммед-шах, сын Худай-дада, в Атбаше; другой эмир, Мир-Керим-Берди построил себе крепость на Алабуге и стал совершать оттуда набеги на Фергану; третий, Мир-Хакк-Берди-Бекичек, основал укрепление на месте Кой-суй, на острове среди Иссык-куля; здесь он поместил свое семейство, в виду опасности от набегов калмыков, а сам стал совершать набеги на Туркестан и Сайрам⁵. Внук Худайдада Сеид-Али отнял у Тимуридов Кашгар⁶.

Таким образом калмыки в своих набегах уже в то время доходили до Иссык-куля; через несколько лет после этого они проникли даже в Сыр-Дарьинскую область. После смерти Эсэня, последовавшей в 1455 г., могущество ойратов на востоке пало, и в китайских источниках они в течение двух столетий почти не упоминаются. Мусульманские источники называют еще сына Эсэня Амасанчжитайчжи⁷ и другого вождя Уз-Тимура-тайчжи; последний

¹ Mediaval researches, п. 241—242.

² Покотилов, стр. 53.

³ Tarikh-i-Rashidi, pp. 65—67.

⁴ Бабур (Memoirs, p. 11) говорит, что Юнус прибыл в Шираз за 5—6 месяцев до смерти сына Шахроха, Ибрагима; последнее событие по Аб-дар-Реззаку (л. 245) произошло в шаввале 838 (май 1435) г.

⁵ Tarikh-i-Rashidi, pp. 78—79; Отчет, стр. 42,49.

⁶ Tarikh-i-Rashidi, pp. 75—76.

⁷ Ibid., p. 79,91,

между 1452 и 1455 г.г.¹ по другому известию² в 1457 г. разбил узбеков на Сыр-Дарье. В конце 1459 г. султан Абу-Сеид принимал в Герате калмыцкое посольство³

Еще раньше, в конце 40-х годов XV в., Эсэнъ-бука восстановил свою власть и милостивым правлением старался приобрести популярность. Для тимуридов он оставался беспокойным соседом и часто совершал набеги на их области; наконец султан Абу-Сеид предпринял поход на Могулистан и разбил монголов при Ашпаре⁴ Кроме того он вызвал из Персии Юнуса и отправил его в Могулистан, заставив его предварительно отказаться от всяких притязаний на Мавераннахр⁵ (по Мухаммед-Хайдеру в 1456 г.⁵). Некоторые эмиры, как Мир-Керим-Берди и Мир-Ибрагим (преемник Хакк-Берди) присоединились к Юнусу, но вследствие привычки к независимости дурно служили ему; в сражении с ханом Юнус был разбит и поселился в городе Джитикенде, на границе между Ферганой и Семиречьем, который был пожалован ему Абу-Сеидом⁶. Эсэнъ-бука умер ханом в 1462 г.

Царствование Эсэнъ-буки замечательно еще тем, что при нем в Семиречье, именно на берегах Чу, поселились нынешние обитатели значительной части страны, казаки. По Мухаммед-Хайдеру их было до 200.000 человек; их предводители Гирей и Джанибек поссорились с узбекским ханом Абу-л-Хайром и были приняты Эсэнъ-букой⁷.

После смерти Эсэнъ-буки западная часть Могулистана перешла в руки Юнуса; в городе Аксу и в стране к востоку от него до 873 (1468—9) г. правил сын Эсэнъ-буки Дост-Мухаммед. После его смерти Юнус занял Аксу; сын Дост-Мухаммеда Кебек-Султан удалился в Турфан, где правил еще четыре года; наконец он был убит своими собственными подданными, и голова его отправлена к Юнусу.

Таким образом около 1472 г. все государство объеди-

¹ Howorth, History of the Mongols, II, 688.—Аристов, Заметки, стр. 40.

² Автор написанного в начале XVI в. сочинения Нусрет-намэ (рук. Аз. Муз. № 590, л. 66) говорит, что царевич Махмуд-Султан (род. в 858-1454 г.) трех лет от роду попал в плен к калмыкам и оставался у них 7 лет.

³ Абд-ар-Реззак, л. 322.

⁴ Так по Бабуру (pp. 11—12); по Мухаммед-Хайдеру (p. 78) битва произошла около Таласа.

⁵ Tarikh-i-Rashidi, pp. 83—84.

⁶ По Бабуру несколько раньше, так как Юнус провел в Персии 17—18 лет.

⁷ Tarikh-i-Rashidi, pp. 86—87.

⁸ В.—Зернов, II, 139.

нилось под властью Юнуса. Новый хан еще меньше, чем его предшественники, походил на своих подданных и пользовался у них еще меньшей популярностью. Он родился в 818¹ или 819² (1415—17) г.; в молодости он, как мы видели, был привезен в Персию; здесь он получил основательное мусульманское образование и между прочим учился у знаменитого историка Шереф-ал-дина Иезди. Когда один казий из Мавераннахра должен был представиться Юнусхану, он ожидал увидеть человека с наружностью и манерами „степного тюрка“ и очень удивился, когда хан оказался вполне культурным человеком³. Естественно, что он не мог примириться с кочевой жизнью; всю свою жизнь он старался поселиться в каком-нибудь городе и побудить к тому же по крайней мере часть своих подданных; по Мухаммед-Хайдеру им руководила также религиозная цель; он понимал, что без изменения образа жизни его подданные не сделаются настоящими мусульманами⁴. Все его усилия оказались тщетными; городская жизнь казалась монголам хуже тюрьмы; чтобы не быть покинутым своими подданными, хан не раз был вынужден менять город на степь.

В 1472 г. Семиречье подверглось нашествию упомянутого калмыцкого военачальника Амасанчжи-тайчжи, оставившего свою родину вследствие внутренних смут. Юнус был разбит на берегу Или и бежал на Сыр-Дарью, где провел зиму; здесь он разбил узбекского хана Буруч-оглана, но следующей весной был взят в плен ташкентским наместником. Через год наместник был убит; Юнус был освобожден и отправлен в Могулистан; калмыки к тому времени уже очистили страну⁵.

Еще до смерти Абу-Сеида, последовавшей в 1469 г., Юнус возобновил набеги на области тимуридов и старался овладеть Ферганой, но безуспешно⁶. Впоследствии он вмешивался в междоусобия, происходившие среди сыновей Абу-Сеида (Ахмед-мирзы и Омар-шейха), и благодаря этому в 1482 г. присоединил к своим владениям Сайрам, в 1485 г. Ташкент. Любовь к городской жизни окончательно одержала верх над ним; он остался жить в городах Мавераннахра, несмотря на то, что большая часть его под-

¹ Так по Т.-Рашиди р. 115.

² Ibid. p. 84.

³ Ibid. pp. 97—98.

⁴ Ibid. p. 156.

⁵ Tarikh-i-Raschidi, pp. 91—95. В.-Зернов II, 143.

⁶ Абд-ар-Реззак, л. 349.

данных отделилась от него и признала своим государем его второго сына Ахмеда, получившего степное воспитание. В Восточном Туркестане эмир Абу-Бекр образовал независимое владение и успешно отразил все нападения Юнуса¹.

Юнус умер в 1487 г. от паралича; в качестве государя западной части страны и номинального главы всего государства ему наследовал его старший сын Мухмуд, родившийся в 863 (1463—4) г. Подобно своему отцу он был культурным человеком и писал стихи, хотя и плохие²; Бабур³ признает в нем много достоинств, но совершенно отрицает в нем военные способности; столь же мало он, судя по рассказу Мухаммед-Хайдера⁴, умел управлять своими подданными.

Махмуд остался в Мавераннахре и всячески старался расширить здесь свои владения, сначала не без успеха; но с 1500 г. начались быстрые успехи узбекского хана Мухаммеда-Шейбани, внука Абу-л-Хайра. По словам Мухаммед-Хайдера⁵ хан первоначально поддерживал Шейбани; в 1488 г. он уступил ему Туркестан, вследствие чего поссорился с казаками, в 1500 г. помог ему овладеть Бухарой и Самаркандом; но скоро Шейбани обратил свое оружие против своего хана; последний не мог справиться с ним и должен был просить помощи у своего младшего брата.

Ахмед, родившийся в 870 (1465—6) г., несколько не походил на своего брата. По описанию его племянника Бабура⁶ это был настоящий сын степи: человек крепкого телосложения, суровый и храбрый воин, предпочитавший саблю всякому другому оружию. Он носил монгольскую одежду, его вооружение и вооружение его коня также вполне соответствовало монгольским обычаям. Ахмед в двух битвах разбил калмыцкого предводителя Тайчжи-Эсэня; его подвиги навели на калмыков такой страх, что они дали ему прозвание Алача или Алачи, т. е. „убийца“. Кроме того он сражался с мятежными эмирами и с казаками, возмущившимися против его брата и разбившими его в двух сражениях; Ахмед три раза разбил казахов. Только его попытка снова овладеть Кашгаром и Яркендом кончилась неудачно.

Призванный своим братом на помощь, Ахмед оставил

¹ Tarikh-i Rashidi pp. 104—114.

² Memoirs of Baber, p. 102.

³ pp. 59, 97

⁴ p. 181.

⁵ pp. 113—120.

⁶ Baber, pp. 106—112.

в Могулистане своего девятнадцатилетнего сына Мансура, а сам с двумя другими сыновьями отправился в Ташкент. Шейбани в 1503 г. при Ахсикете напал врасплох на монгольское войско и взял в плен обоих братьев, которых он однако отпустил в Могулистан, отняв у Махмуда Ташкент и Сайрам. Братья провели следующую зиму вместе в Аксу, где Ахмед умер от паралича¹. Предоставив Аксу и восточную часть Могулистана своим племянникам, Махмуд поселился в Джитикенде. В Аксу остался Мансур-хан; его брат Халиль-Султан удалился в Семиречье к киргизам, и стал во главе этого племени².

Насколько нам известно, это—первое упоминание о киргизах (т. е. о наших кара-киргизах) на их теперешней родине, хотя часть их, как мы видели, вероятно поселилась здесь еще в X в. Мухаммед-Хайдер³ не признает этнографического различия между киргизами и монголами и считает киргизов отделившейся частью монгольского народа; главную причину бывшей между ними вражды он видит в том, что монголы приняли ислам, а киргизы оставались язычниками.

К Халилю скоро присоединился его брат Сеид, бывший с отцом в Мавераннахре (ему в то время было 13 или 14 лет⁴, следовательно он родился около 1490 г.) и бежавший из узбекского плена. Некоторое время он провел у дяди в Джитикенде, но не мог смотреть равнодушно на его дурное управление и бежал к брату. Братья провели вместе четыре года и в это время находились в открытой вражде со своим дядей. Для примирения их прибыл в Могулистан Мансур; он устроил свидание между дядей и племянниками, но скоро междоусобия возобновились. Махмуд был до такой степени стеснен своими врагами, что вернулся в Мавераннахр и передался Шейбани, по приказанию которого он в 1508 г. был убит вместе со всеми своими сыновьями на берегу Сыр-Дарьи. После этого при Алма-Ате, т. е. около Верного (в другом месте сказано, что битва произошла при Чарын-Чалаке, т. е. около Чарына), Мансур сразился с братьями и разбил их. Халиль бежал в Фергану, где был убит по приказанию узбекского правителя области, Джанибека; Сеид провел несколько месяцев в лесах около Нарына; по понятиям монголов в этом не было ничего не-

¹ Tarikh-i-Rashidi, pp. 121—123. Ср. Memoirs of Baber, pp. 124—125. В.—Зернов II, 223.

² Tarikh-i-Rashidi, pp. 181—182.

³ Ibid. p. 48.

⁴ Ibid. p. 148: Memoirs of Baber, p. 106.

обыкновенного; считалось похвальным, чтобы храбрые воины в своей молодости провели некоторое время в уединении, в пустынях, горах или лесах, на расстоянии одного или двух месяцев пути от обитаемых мест, питаясь мясом дичи и одеваясь в шкуры убитых зверей. Местность в то время много страдала от набегов отрядов Абу-Бекра кашгарского; Сеид против желания, по требованию своих спутников, отправился в Фергану и прибыл туда двумя месяцами после смерти Махмуда и за месяц до смерти Халиля. Его также взяли в плен, но потом он бежал и благополучно достиг Кабула, где в конце того же 1508 г. поступил на службу к Бабуру¹.

Действия отрядов Абу-Бекра в Семиречье, под начальством эмира Вели, были настолько успешны, что Мансурхан не мог удержаться в стране и отступил, причем увел с собой в Чалыш (Карашар) киргизов; значительная часть их была истреблена; некоторым удалось вернуться в Могулистан; Абу-Бекр позволил им кочевать на южной стороне Иссык-Куля². В северной части Семиречья господствовал казахский хан Касим, умерший в 924 (1518) г. Его зимняя ставка находилась на Каратале. Около 1510 г. он разбил Шейбани; в 1512 г. взял Талас и Сайрам и разграбил окрестности Ташкента. По мнению Мухаммед-Хайдера казахский народ заключал в себе в то время около миллиона человек; по Бабуру у Касима было до 300000 войска. Осенью 1513 г. на берегу Чу произошло свидание между Касим-ханом и Сеидом, находившимся в то время на службе у Бабура; Касиму в то время было уже более 65-ти лет. Сеид был принят им с большим почетом и до конца жизни не мог забыть этого приема в ставке степного вождя³.

В 1514 г. Сеид, покинув Бабура, решил завоевать Кашгарию; с горстью людей (4.700 человек) он вторгся в страну из Семиречья (повидимому через перевал Туругарт) и начал войну с могущественным Абу-Бекром. Несмотря на безумную смелость предприятия, оно увенчалось полным успехом⁴. Завоевание Кашгара и Яркенда Сеидом имело следствием восстановление полного мира в Восточном Туркестане; в 1516 г. в Арбате, между Аксу и Кучей, состоялось свидание и полное примирение между Мансуром и Сеидом. Мансур остался непосредственным владельцем Тур-

¹ Tarikh-i-Rasihdi, pp. 125, 181—191, 222.

² Ibid., pp. 125, 319—320.

³ Ibid., pp. 273—277. В.—Зернов II, 150—167, 230—260.

⁴ Tarikh-i-Rasihdi, pp.304 и след.

фана и Карашара и верховным владыкой всего Восточного Туркестана; другой брат, Эмиль-ходжа¹, получил Уч-Турфан и Аксу; третий, Бабачак-Султан-Бай и Кучу. Таким образом торговые сношения опять сделались безопасными; на пространстве между городами Хами (в Китае) и Андижаном (в Фергане) с купцов не взымали никаких пошлин².

Владея Кашгаром, Сеид подчинил своему влиянию также южную часть Семиречья. Киргиз Мухаммед, оказавший хану большие услуги во время войны с Абу-Бекром, был поставлен во главе своего народа. Еще до свидания с Мансуром Сеид, расстроивший свое здоровье неумеренными пиршествами, по требованию врачей провел одно лето в Могулистане. Осенью 1516 г. он пошел в Семиречье для возобновления войны с узбеками в Фергане; на берегу Чатыр-Куля он имел свидание со своим братом Бабачаком; в долине Арпа все братья, кроме Мансура, устроили общую охоту и провели зиму в непрерывных пиршествах, причем Сеид повидимому совершенно забыл о первоначальной цели своего похода.

Между тем киргизы под начальством Мухаммеда производили постоянные набеги на Туркестан, Ташкент и Сайрам. Взяв в плен двоюродного брата Шейбани Абдуллу, правителя Туркестана, Мухаммед потом отпустил его с подарками; это привело к войне между ним и Сеидом, хотя в другом месте³ Мухаммед-Хайдер говорит, что Сеид выступил в качестве защитника мусульман против Мухаммеда, опустошившего мусульманские земли. Осенью 1517 г. Сеид двинулся из Кашгара, Эмиль-ходжа через перевал Сарыга-Ат-Ахури (собств. „ясли желтой лошади“) из Аксу; оба отряда сошлись в местности Кафир-Яры, откуда Сеид отправился через долину Барскауна, Эмиль-ходжа — через долину Джууки; лагерь Мухаммеда находился около устья Барскауна. Мухаммед был выдан собственными людьми и уведен в Восточный Туркестан; его табуны и стада баранов и верблюдов сделались добычей воинов; всем пленным киргизам была возвращена свобода. К началу зимы хан вернулся в Кашгар⁴.

Новый поход был предпринят в 1522 г. И на этот раз Мухаммед-Хайдер приписывает хану намерение прекратить

¹ Так по всей вероятности надо читать вм. *Aiman Khwaja* английского перевода (конечное *л* и *н* в мусульманских рукописях часто смешиваются)

² *Tar kh-i-Rashidi*, pp. 126 - 127, 134, 343.

³ *Ibid* p. 134.

⁴ *Ibid*. pp. 341—351.

набеги киргизов на мусульманские области, хотя тут же приводит истинную причину похода: пастбища Восточного Туркестана не могли прокормить табуны и стада монголов. Во главе войска номинально был поставлен тринадцатилетний сын хана, Рашид (собств. Абд-ар Рашид); с ним был послан также Мухаммед, освобожденный из плена и вновь назначенный начальником киргизов. Для упрочения своей власти монголы освоили постоянный лагерь в долине Кочкара; киргизы большею частью подчинились Мухаммеду, хотя некоторые из них бежали в самые отдаленные части страны. Зимой на Кочкар прибыл сам хан; Рашид и Мухаммед по его приказанию прошли до „самых отдаленных пределов Могулистана“; им удалось собрать рассеянные орды киргизов. После этого хан каждый год на короткое время появлялся на Кочкаре, чтобы поддержать авторитет своего сына. В 1524 г. к хану на Кочкар прибыл правитель северной части Семиречья, казахский хан Тахир, племянник и второй преемник Касима (первым был сын Касима Мумашхан). Тахир искал сближения с монголами против своих собственных подданных, ненавидевших его за его жестокость, и против узбеков и ногайцев (мангытов); прием, оказанный ему в монгольской ставке, превзошел его ожидания; его сестра была выдана за Рашида.

Вслед за тем Мухаммед снова был обвинен в сношениях с узбеками и отправлен в Кашгар, где остался до смерти Сеида. Дело поддержания порядка в стране было поручено историку Мухаммед-Хайдеру, который сам признается, что его усилия были тщетны и что киргизы большею частью присоединились к Тахиру. В 1525 г. хан в конце лета был на берегу Иссык-куля; здесь он получил известие о приближении к границам Могулистана калмыков. Еще раньше, зимой 1522—24 г.г. Рашид совершил успешный поход против калмыков и за это получил прозвание *гази* (т. е. воителя против неверных). Теперь хан, оставив свое семейство на Иссык-Куле (вероятно на упомянутом выше острове), пошел на калмыков и дошел до места Кабикалар (или Кабилкакла), на расстоянии 10—ти дней пути от Иссык-куля. Здесь он получил известие о смерти ташкентского хана Суюнчука, дававшей возможность возобновить войну с узбеками. Хан быстро вернулся на Иссык-Куль, оттуда через Конур-Улен вторгся в Фергану, но без большого успеха должен был вернуться в Могулистан, именно в место Утлук, где находилось его семейство. Скоро после этого он возвратился в Кашгар.

Во время следующей зимы Тахир расположился лагерем

далеко от Кочкара; половина киргизов тотчас присоединилась к нему; Рашид должен был отступить к Атбашу. В начале 1526 г. к нему присоединился сам хан; тем не менее казахи беспрепятственно прошли через все Семиречье до Каша и Кунгеза. Остатки киргизов, кочевавшие около Кочкара и Джумгала и еще не успевшие присоединиться к Тахиру, были уведены монголами на Атбаш. Для переговоров Тахиром была отправлена его мачеха, дочь Юнус-хана, жившая в Кашгаре; о результатах этих переговоров нам ничего неизвестно. Сеид-хан находился на Аксае; узнав о ссоре между казахами и киргизами, он отправился против них, прибыл в Ак-Куяш и оттуда в Арышляр; на дальнейшем пути монголы натолкнулись на трупы воинов разбитого киргизами Бабачака кучинского. Вероятно под влиянием этого события монголы решили очистить Семиречье, ограничившись тем, что угнали 100.000 киргизских баранов, вследствие чего поход получил у народа прозвание „бараньего“ (кой-черики). Ранней весной 1527 г. на Атбаше появился Тахир и увел оттуда киргизов вместе с оставленными там монгольскими табунами¹.

После отступления монголов Семиречье осталось в руках казахов и киргизов. Согласие между обоими народами продолжалось недолго; еще в 1526 г. Тахир за то, что убил своего брата Абд-ал-Касима, был покинут всеми казахами, тогда как киргизы остались ему верны. В 1529 г. Тахир уже снова стоял во главе 20.000 или 30.000 казахов. Время смерти Тахира неизвестно; по Мухаммед-Хайдеру он умер в бедственном положении. Едва ли после него был хан, под властью которого находился весь казахский народ, хотя Мухаммед-Хайдер в качестве преемника Тахира называет его брата Буйдаша².

Власть монголов в Семиречье на короткое время была восстановлена при преемнике, Сеида Рашиде (1538—1565⁵/₆ г.г.). Для борьбы с общим врагом Рашид заключил союз с узбеками Мавераннахра, также враждовавшими с казахами из-за набегов последних на Ташкент; кроме того на казахов с северо-запада нападали мангыты (ногайцы). В 944 (1537 или 1538) г. Рашид нанес казахам страшное поражение, при котором пали их хан Тугум, брат Тахира, и с ним 37 султанов; вследствие этой битвы в более отдаленных странах распространился слух о совершенном уничтожении казахского народа. По примеру Сеида Рашид оставил в Семи-

¹ Tarikh-i-Raschidi, pp. 367—379. В.-Зернов II. 192—202.

² Tarikh-i-Raschidi, pp. 273, 379, 338.—В.-Зернов II, 201, 219.

речь своего сына Абд-ал-Лятифа. Монголы продолжали действовать в тесном союзе с узбеками; в 951 (1544—5) г. на берегу Иссык-куля произошло свидание между Рашидом и ташкентским ханом Ноуруз-Ахмедом (Бараком). Несмотря на это, казахам скоро удалось вернуть себе господство в Семиречье. Абд-ал-Лятиф еще при жизни отца пал в битве с сыном Касима Хакк-Назаром, ханом казахским и киргизским¹, около 1558 г. казахи, по свидетельству Дженкинсона, снова угрожали Ташкенту, киргизы—Кашгару; оба народа совершенно прекратили сухопутные торговые сношения между Китаем и Западной Азией².

VIII. КАЛМЫКИ³.

О положении Семиречья во второй половине XVI в., после окончательного падения монгольского владычества, мы почти ничего не знаем. Некоторые интересные сведения дает нам до сих пор никем не исследованное анонимное турецкое сочинение, написанное в 990 (1582) г. и сохранившееся, насколько нам известно, только в одной рукописи; последняя хранится в библиотеке Лейденского университета⁴. По словам этого автора калмыки в то время продолжали одерживать успехи в Средней Азии; главу калмыков он называет Алтан-ханом; вероятно имеется в виду могущественный государь племени тумэтов, образовавший в то время обширную империю в восточной части Средней Азии и в 1552 г. покоривший ойратов⁵. Казахский хан Тевеккуль, сын Шигая и племянник Тахира⁶, произвел набег на страну калмыков; вследствие этого страна казахов подверглась опустошительному нашествию неверных. Тевеккуль бежал

¹ По Тарихи-Хайдери Рашид умер в 978 (1570—1 году); ему наследовал его сын Абд-ал-Лятиф, который 29-ти лет от роду пал в битве с Хакк-Назаром (год его смерти не приводится).

² *Tarikh-i-Rashidi* pp. 146, 273. В.—Зернов II, 229, 274, 330—333. *Notices et extraits XIII part 1, p. 228 и XIV part. 1, p. 487.*

³ Главные источники: Иакинф, Историческое обозрение ойратов или калмыков. Спб. 1854—*Carte de la Dzungarie dressée par le swédois Renat, St. P. 1881* (издание Импер. Русск. Географ. Общ.).—Зап. Импер. Русск. Географ. Общ. по отделению этнографии, т. X. Спб. 1882—88 гг. (путевой журнал Унковского, с предисловием и примечаниями проф. Н. И. Веселовского, и статья проф. А. М. Позднеева, „К истории зюнгарских калмыков“.—Howorth, *History of the Mongols*, part. London, 1876.

⁴ Рукоп. № 917, л. 12, 14—16, 21—23. Автор упомянутого здесь турецкого сочинения—Сейфи; отрывки из его труда были изданы во французском переводе Шефером, в качестве приложения к переводу сочинения Абд-ал-Керима Бухари (*Histoire de l'Asie Centrale par Abdul-Kerim Boukhary, trad. par Ch. Schefer, Paris, 1876, p. 292*).

⁵ Howorth,—p. 418.

⁶ В.—Зернов II, 367.

в Ташкент, где еще был ханом Ноуруз-Ахмед (умерший в 1556 г.); Тевеккуль предложил ему союз против врагов, но Ноуруз-Ахмед ответил, что даже десять таких царей, как они оба, не справились бы с калмыками.

Дальше автор дает краткое описание киргизов и казахов. Киргизы, по его словам, „родственны монголам; царя у них нет, а есть только беки, которых называют *кашка*. Они не кафиры и не мусульмане; живут на крутых горах, в которых есть проходы. Если какой-нибудь царь поведет на них войско, то они отправляют свои семьи вглубь гор, а сами занимают те проходы, чтобы никто не прошел. Действуя камнем *яда*¹, они заставляют снег падать на идущее против них войско и производят такой холод, что войны не могут действовать ни руками, ни ногами. Вслед за тем они производят нападение и разбивают врагов. Умерших они не зарывают в землю, но кладут в гробах на высокие деревья; кости их остаются там, пока не сгниют и не рассеются². Соседи киргизов—казахи; их 200.000 семейств; они мусульмане, придерживаются толка Имама-Азама (Абу-Ханифы); у них много баранов и верблюдов; их жилища помещаются на арбах. Их кафтаны сделаны из овечьей шерсти; они окрашиваются в разные цвета и становятся похожими на атласные кафтаны; их отправляют в Бухару и там покупают по той же цене как атласные, до того они красивы и тонки. Из той же шерсти делаются у них плащи от дождя; шерсть совершенно непромокаема; это происходит от свойства некоторых растущих там трав, которыми питаются бараны³.

В 1594 г. Тевеккуль отправил посла в Москву, предлагая свое подданство царю Феодору; в деле об этом посольстве хан назван „царем казацким и калмыцким“, из чего можно заключить, что ему подчинились некоторые калмыцкие роды³. В 1598 г., в год своей смерти, Тевеккуль овладел Туркестаном и Ташкентом⁴; эти города оставались во власти казахов до 1723 г.; в связи с этим фактом, по мнению В. В. Вельяминова-Зернова, находится распадение казахского народа на три орды⁵. Туркестан и Ташкент в XVII в. были центром могущества казахов, тогда как из

¹ Этим камнем по обще-тюркскому поверию можно было вызывать снег, дождь и бурю.

² Это сведение вероятно заимствовано автором из книжных источников (ср. Отчет, стр. 111) и едва ли относится к современным ему киргизам.

³ В.-Зернов II, 104.

⁴ Ibid. II, 345 и след.

⁵ Ibid. II, 382 и след.

Семиречья их постепенно вытеснили калмыки. Последние в начале XVII в. произвели нашествие на Хорезм¹ и дошли уже до берега Волги². Около того же времени чоросский хан Хара-Хула старался объединить под своей властью весь ойратский союз и, несмотря на упорное сопротивление удельных князей (тайчжи), в конце своей жизни достиг цели. В 1634 г. ему наследовал его сын Батур, принявший титул хун-тайчжи. При нем государство ойратов или зюнгаров (собств. „левого крыла“) получило определенное устройство; в 1640 г. в его орде был создан курултай, на который явились даже владельцы удалившихся в Россию калмыков³; здесь было обнаружено знаменитое калмыцкое „степное уложение“. Кочевья самого хун-тайчжи первоначально находились около Верхнего Иртыша, несколько выше озера Зайсан⁴. Батур вел упорную войну (с переменным счастьем) против казахского хана Ишима, брата и преемника Тевекуля⁵.

Батур умер в 1653 г., и его смерть вызвала ослабление единства власти в ойратском союзе. Русские источники называют его преемником его сына Сэнгэ, который, однако, по исследованию проф. Позднеева⁶, „никогда не был, подобно своему отцу, владыкою ойратского союза; можно думать, что спустя шесть-семь лет после смерти Батур-хун-тайчжия он сделался правителем зюнгарских родов, но выше этого его значение никогда не поднималось“. Титул хун-тайчжи одновременно с Сэнгэ носили несколько князей; у верховьев Иртыша кочевал старший сын Батура Цэцэн-хан.

В 1671 г.⁷ Сэнгэ был убит; из Тибета прибыл его брат Галдан-Бошокту-хан и скоро вступил в борьбу со своим братом Сэцэнханом; в 1676 г. Сэцэн-хан был побежден около перевала Талки и озера Сайрам и должен был подчиниться Галдану. Подобно своим предшественникам, Галдан воевал с казахами и киргизами. В 1681 и 1683 гг. он ходил на Сайрам; в 1683, 1684 и 1685 гг. против киргизов и ферганцев; в 1684 г. Сайрам был взят и разрушен его полководцем Рабтаном⁸. С тех пор власть калмыков в Семиречье, насколько известно, никем не оспаривалась, и многочислен-

¹ Aboul-Ghazi trad. Desmairons, p. 296.

² Зап. Вост. Оид. III, 369.

³ Иакинф, стр. 50, 62.

⁴ Зап. Геогр. Общ. этногр. X, вып. 1 стр. 19.

⁵ В.-Зернов II, 378—379.

⁶ Зап. Г. О. этногр. X, вып. II, стр. 245.

⁷ Так по проф. Позднееву (стр. 247)

⁸ Зап. Геогр. Общ., вып. II, стр. 248—250.

ные войны их с казаками, монголами и китайцами не имели отношения к этой области. Насколько известно, Галдан первый из калмыкских хун-тайчжи кочевал главным образом в долине Или, хотя иногда проводил зиму на берегу Иртыша. Вероятно с этого времени нынешние округа Или и Кур-кара-усу стали считаться личной собственностью хун-тайчжи¹. Из тюркских народов только буруты (киргизы) по свидетельству Унковского² еще в XVIII в. кочевали около Иссык-Куля.

Желая утвердить единодержавие в своем государстве, Галдан преследовал своих родственников; одному из них, племяннику Галдана Цэван-Рабтану, в 1678 г. удалось бежать в Турфан. Когда Галдан в 1688 г. предпринял поход в Монголию, Цэван-Рабтан в том же или в следующем году вернулся на родину и поселился в долине Боротала, откуда постепенно подчинил себе всю страну³. Галдан уже не вернулся в свое государство; его военные действия в Монголии были очень неудачны, и в 1697 г. он кончил жизнь самоубийством⁴.

После смерти Галдана Цэван-Рабтан сделался единственным правителем государства и скоро стал для китайцев таким же опасным врагом, каким был раньше его дядя. Внешний мир с Китаем впрочем был сохранен до 1714 г., когда Цэван-Рабтан открыл военные действия разграблением Хами⁵. В том же 1714 г. император Канси издал указ, в котором он, перечисляя проступки Цэван-Рабтана, требовал, чтобы хун-тайчжи возвратил зюнгарским князьям отнятые у них права и земли и с этой целью созвал князей на сейм, с участием делегатов от китайского правительства. Между прочим „кочевья у гор Алак“ (Алатау) должны были быть предоставлены хойтам; что касается самого хун-тайчжи, то ему предоставлялся „лишь один уголок по течению Иртыша“. Само собой разумеется, что Цэван-Рабтан не мог согласиться на такие требования и должен был начать войну. Китайцы хорошо знали слабые стороны калмыцкого государства и постоянную опасность, угрожавшую им от казахов и бурутов, вследствие чего на границе с владениями этих народов приходилось содержать значительную военную силу. В своих донесениях китайские

¹ Иакинф стр. 135.

² Стр. 193.

³ Зап. Г. О. вып. III стр. 251—253.

⁴ Иакинф стр. 87.

⁵ Ibid. стр. 90.

послы уверяли, что калмыки, ожидая нашествия китайцев, массами откочевывают вниз по Или¹.

Этими трудными обстоятельствами калмыков хотело воспользоваться русское правительство, чтобы уговорить их принять русское подданство. С таким предложением в 1719 г. приезжал к калмыкам казацкий голова Иван Чередов². Еще раньше, в 1717 г., Цэван-Рабтану на берегу речки Харкир, около Музарта, представлялся тобольский дворянин Велянов, который в следующем году простился с хун-тайчжи в его обычной зимней ставке около Хоргоса, у подошвы горы Талки³. Гораздо более подробные известия мы имеем о посольстве капитана Унковского: Унковский в ноябре 1722 г. прибыл в ставку хун-тайчжи, находившуюся на южной стороне Или, в нескольких верстах к востоку от Чарына, и пробыл при дворе калмыцкого государя до сентября 1723 г., перекочевывая вместе с ордой с места на место, до рек Тюп и Джаргалан. Политических результатов это посольство не имело, тем более, что после смерти императора Канси (1722 г.) опасность со стороны Китая уменьшилась. К тому же в 1723 г. калмыки одержали крупную победу над казаками и овладели Сайрамом, Ташкентом и Туркестаном⁴.

По Унковскому калмыки могли выставить до 100.000 войска. Хун-Тайчжи, пользовавшийся среди своих подданных большой популярностью, ничего не предпринимал без совета зайсанов, т. е. начальников отдельных родов; главный из них Цэрэн-Дундук, двоюродный брат хун-тайчжи, кочевал на берегу Лепсы и Каратала. Прежде, лет тридцать перед этим, у калмыков совсем не было пашен; теперь не только пленные бухарцы (сарты), но и многие калмыки занимались земледелием, и число пашен постоянно увеличивалось. Сарты имели небольшой городок близ устья Хоргоса. Калмыки вели торговлю с русскими, с китайцами (в мирное время), с тангутами, с Индией и Мавераннахром⁵.

Военным и культурным успехом калмыков много содействовал шведский унтер-офицер Ренат, захваченный калмыками зимой 1715—16 гг. вместе с конвоем, предназначенным для отправленной в 1715 г. вверх по Иртышу экспедиции Бухгольца. Ренат пробыл в стране калмыков до

¹ Зап. Г. О. вып. III стр. 260—263.

² Ibid. стр. 111.

³ Renat, Carte de la Dzoungarie, p. 11.

⁴ Зап. Г. О. вып. III стр. 193.—Левшин, Описание киргиз-кайсацкиих орд и степей, Спб. 1832, II, 69.

⁵ З. Г. О. вып. III, стр. 30, 194—196.

1733 г., научил их искусству лить пушки и некоторым ремеслам, даже устроил у них типографию¹. На карте Зюнга-ни, составленной им после возвращения на родину, подробно обозначены ставки кочевников, которые, как и следовало ожидать, располагались главным образом у подошвы гор, по верхнему течению рек. В Семиречье такие ставки находились: 1) вдоль семиреченского Алатау и верховьев рек, текущих к Балхашу; 2) между Алтын-эмелем и Койбыном; к северу от Или между Кок-талом и Кок-тереком; 3) по северному берегу Кегена и от Чарына к востоку вдоль северного склона гор Кетмень; 4) у верховьев Чилика и его притоков; 5) по берегу Тюпа, на южном берегу Иссык-Куля, у западной оконечности озера и на северном берегу между реками Койсу и Аксу; 6) в долине Большого Кебина и на верховьях рек, впадающих в Чу, до Карагаты. Главную ставку хун-тайчжи Ренат помещает к юго-востоку от перевала Талки, около нынешней Кульджи.

Цэван-Рабтану наследовал его сын Галдан-Цэрэн (1727—1745 гг.). Он также вел войну на востоке с китайцами и по миру, заключенному в 1739 г., лишился почти половины своих владений²; зато на западе ему после этого удалось фактически подчинить себе казахов, хотя последние номинально считались русскими подданными³. Из-за дел казахов к нему было отправлено несколько русских посланцев. Один из них, плац-майор Угрюмов (1732—33 гг.) кочевал вместе с Галдан-Цэрэном в апреле и мае от урочища Коджигер вниз по реке Или, в конце мая и в летние месяцы по Темирлику, Кегену, Каркаре и Текесу, в сентябре и всю зиму до последних чисел марта по реке Или: „сперва вниз, а потом паки вверх, где обычай имеет при урочище Кочигир (Коджигер) продлиться до мая“⁴.

После Галдан-Цэрэна правил его сын Цэван-Дорчжи (1745—1750 гг.); он был убит своим братом Лама-Дорчжи. После этого в государстве калмыков наступили смуты, во время которых возвысился племянник Галдан-Цэрэна Амурсана. С помощью казахов он овладел берегами Эмиля и Верхнего Иртыша и в 1754 г. поддался китайцам, прося у них помощи против своих врагов. В 1755 г. на запад были отправлены два многочисленных китайских войска, которым в три месяца, почти без пролития крови, удалось подчинить все государство калмыков. В том же году произошло вос-

¹ Carte de Renat, p. 5.

² Иакинф, стр. 101.

³ Левшин, II, 145—157.

⁴ З. Г. О. вып. II, стр. 234.

стане Амурсаны, которое в следующем году было усмирено китайцами; Амурсана бежал к казахам. В 1757 г. Амурсана снова на короткое время появился на Или, но должен был бежать, так как казахский хан Аблай хотел выдать его китайцам. Амурсана спасся в русские владения, где в том же 1757 г. умер от оспы. Так кончилось существование последней кочевой империи в Средней Азии. В 1758 г. китайцы снова отправили в страну войско, которое произвело страшное избиение калмыков¹.

Как известно, казахи и киргизы после падения зюнгарского государства вернулись в Семиречье, где номинально некоторое время считались китайскими подданными; линия китайских укреплений приблизительно совпадала с нынешней границей между русскими и китайскими владениями. До утверждения в стране русской власти, казахи и киргизы фактически были совершенно независимы.

В. Бартольд.

¹ Иакинф стр. 109—125

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- II в. до н. э. Занятие Семиречья усунями; народ Сэ удаляется на юг.
Ок. 105 г. Посольство китайцев к усуням.
Ок. 51 г. Разделение усуньских владений на два государства.
11 г. Удаление части усуней на северо-запад.
1 г. Прибытие усуньского царя Ичими в столицу Китая.
Начало V века н. э. Вытеснение усуней жужанями из равнинной части Семиречья.
425 г. Посольство усуней в Китай.
436 г. Китайское посольство к усуням.
VI в. Завоевание Семиречья тюрками.
581 г. Распадение тюркской империи на два государства.
VII в. Путешествие Сюань-цана; древнейшие известия о земледельческой культуре в Семиречье.
657 г. Подчинение Семиречья китайцам.
Ок. 740 г. Падение западно-тюркского государства.
748 г. Разрушение Суяба китайцами.
751 г. Поражение китайцев при Таласе.
766 г. Занятие Суяба карлуками.
Ок. 940 г. Завоевание Чуйской долины караханами.
960 г. Принятие ислама семиреченскими тюрками.
992 г. Смерть Богра-хана Харуна.
1017—18 гг. Нашествие восточных кочевников на Семиречье.
1025 г. Вытеснение Туган-хана из Семиречья.
1031—32 гг. Смерть Кадыр-хана Юсуфа, Арслан-хан Сулейман.
1043. Принятие ислама кочевниками киргизских степей.
1056. Низложение Арслан-хана.
1057—58. Смерть Богра-хана Мухаммеда.
1059—1074-5. Тогрул-Кара-хан Юсуф.
1069. Появление поэмы Кудатку-билик, первой на тюркском языке, 1074-5—1102-3. Богра-хан Харун.
1090. Разграбление Атбаша кашгарцами.
1102. Поражение и смерть Кадыр-хана Джибраила.
1125. Переселение кара-китаев на запад.
Ок. 1130. Поражение их в Восточном Туркестане.
1137. Победа их при Ходженте.
1141. Победа в Катванской степи.
1142. Смерть первого гурхана.
1176—90. Патриарх Илья III; несторианская митрополия в Кашгаре и Семиречье.
1208—9. Прибытие Кучлука в Семиречье.
1210. Поражение кара-китаев при Узгенте и при Таласе.
1211. Подчинение северной части Семиречья монголам.
1212. Низложение гурхана; воцарение Кучлука.
1218. Покорение Семиречья монголами.
1219. Путешествие Е-люй-чу-цая.

1220. Путешествие Ву-гу-суня.
 1221—23. Путешествие Чан-чуня.
 1227. Смерть Чингиз-хана,
 1229—41. Угэдэй.
 1229. Убиение Абу-Якуба Юсуфа Секаки.
 1242. Смерть Джагатая.
 1242—46. Хара-Хулагу.
 1246—48. Гуюк.
 1246—51. Есу-Мункэ.
 1246. Путешествие Плано-Карпини.
 1248. Батый в Семиречье.
 1251—59. Мункэ.
 1251. Разгром джагатайского улуса.
 1251—60. Правление Эргэнэ.
 1253. Путешествие Рубруквиса.
 1254—5. Поход Хулагу.
 1255. Путешествие Гайтона.
 1259. Посольство Чан-дэ.
 1260. Избрание Хубилая и Арик-буки.
 1260—65-б. Алгуй.
 1260. Смерть министра Хабаш-Амида.
 1262. Победа Алгуя около озера Сайрам.
 1263. Поражение его в Илийской долине.
 1264. Отступление Арик-буки.
 1266. Избрание Мубарек-шаха. Прибытие Борака; поражение и низложение Мубарек-шаха.
 1268. Победа Хайду над Бораком при Сыр-Дарье.
 1269. Курултай на Таласе.
 1271. Смерть Борака.
 1282. Восстановление спокойствия в джагатайских владениях.
 1301. Смерть Хайду.
 1303. Провоз лашение ханом Чапара. Посол Баяна в Багдаде.
 1304. План федерации монгольских государств.
 1305. Война между Чапаром и Тувой.
 1306—7. Смерть Тувы.
 1308. Смерть Куньджека.
 1308—9. Талику.
 1310—1318. Эсэн-бука.
 1315. Сближение между Эсэн-букой и Узбеком.
 1318—1326. Кебек.
 1326. Ильчигидай: успехи католической пропаганды в Средней Азии.
 Дурра-Тимур.
 1326—34. Тармаширин.
 1333. Путешествие Ибн-Батуты.
 1334. Бузан.
 1334—38. Дженкши. Католические миссионеры в Алмалыке.
 1338—39. Чума в Семиречье.
 1339. Гонение на христиан.
 1347. Уничтожение власти джагатайских ханов в Мавераннахре.
 1348—62-3. Туклук-Тимур.
 1360. Подчинение им Мавераннахра.
 1370—71. Тимур доходит до Кочкара.
 1375. Поход Тимура на Семиречье.
 1376. Новый поход Тимура; поражение Камар-ад-дина.
 1377. Новый поход Тимура; Камар-ад-дин разбит в Буамском ущелье.
 1383. Нашествие тюркских эмиров.

- 1389—99. Хызр-ходжа.
 1389. Поход Тимура до Иртыша и Юлдуза.
 1390. Поход тюркских эмиров до Иртыша.
 1397. Брак Тимура с дочерью Хызр-ходжи.
 1399. Междоусобие в Могулистане.
 1399—1408. Шама-Джехан.
 1404. Подчинение части Семиречья Тимуру.
 1405. Смерть Тимура.
 1407. Посольство Шама-джехана в Китай.
 1408—16. Мухаммед-хан.
 1416—18. Накш-джехан.
 1418—21. Вейс-хан.
 1420. Междоусобие в Могулистане. Проезд послов в Шахроха через Семиречье.
 1421. Воцарение Шир-Мухаммед-хана.
 1425. Нашествие Улугбека.
 1428. Смерть Вейс-хана в битве с Сатук-ханом.
 1428—34. Междоусобия в Могулистане.
 1434—62. Эсэн-Бука.
 1434—56. Пребывание Юнус-хана в Персии.
 1456—62. Юнус-хан в Джитикенде.
 1462. Воцарение Юнус-хана в западной части Могулистана.
 1469. Смерть султана Абу-Сеида.
 Ок. 1472. Объединение Могулистана под властью Юнуса.
 1472. Нашествие калмыков на Семиречье.
 1482. Отпадение большинства монголов от Юнуса.
 1487—1508. Махмуд-хан.
 1503. Поражение Махмуд-хана и его брата Ахмед-хана в битве с Шейбани. Смерть Ахмеда.
 1504—8. Халиль во главе киргизов.
 1508. Битва при Алма-Ата между Мансуром и его братьями Халилем и Сеидом.
 1513. Свидание между Сеид-ханом и Касим-ханом казахским на берегу Чу.
 1514. Завоевание Кашгарии Сеид-ханом.
 1516. Восстановление спокойствия в Восточном Туркестане. Первый поход Сеид-хана в Семиречье.
 1517. Поход Сеид-хана и его брата Эмиль-ходжи против Мухаммеда киргизского.
 1522. Подчинение Семиречья монголам. Лагерь на Кочкаре.
 1524. Свидание между Сеид-ханом и Тахир-ханом казахским.
 1525. Нашествие калмыков на Семиречье; поход против них Сеид-хана. Отступление монголов к Атбашу.
 1526. Отступление монголов из Семиречья.—Тахир-хан покинут казахами.
 1527. Тахир-хан на Атбаше.
 1529. Примирение части казахов с Тахир-ханом.
 1533—1565-6 Рашид-хан монгольский.
 1537—38. Победа его над казахами. Восстановление монгольского владычества в Семиречье.
 1544—45. Свидание между Рашид-ханом и Ноуруз-Ахмедом ташкентским на берегу Иссык-Куля.
 1552. Покорение ойратов Алтан-ханом.
 1552—56. Победа калмыков над Тевеккуль-ханом казахским.
 1594. Посольство Тевеккуль-хана в Москву.
 1598. Завоевание им Туркестана и Ташкента. Смерть его.
 1634—53. Батур-хун-тайчжи.
 1640. Издание калмыцкого уложения.

1671. Убиение Сэнгэ.
 1676. Победа Галдан-Бошокту-хана над Сэцэн-ханом.
 1681. Поход Галдан-Бошокту-хана на Сайрам.
 1683, Поход его на Сайрам; поход против киргизов и ферганцев.
 1684—85. Разрушение Сайрама; походы против киргизов и ферганцев.
 1688. Поход в Монголию; Цэван-Рабтан в Зюнгарию.
 1697. Смерть Галдана.
 1697—1727. Цэван-Рабтан.
 1714. Война калмыков с китайцами; указ императора Канси.
 1716—33. Пребывание Рената в Зюнгарию.
 1717—18. Дворянин Велянов при дворе хун-тайчжи.
 1719. Посольство Чередова.
 1722. Смерть императора Канси.
 1722—23. Посольство капитана Унковского.
 1723. Завоевание калмыками Сайрама, Туркестана и Ташкента.
 1727—45. Галдан-Цэрэн.
 1732—33. Плац-майор Угрюмов при дворе хун-тайчжи.
 1739. Мир между калмыками и китайцами.
 1745—50. Цэван-Дорчжи.
 1754. Подчинение Амурсаны китайцам.
 1755. Поход китайцев в Зюнгарию.
 1756. Восстание Амурсаны; бегство его в Китай.
 1757. Смерть Амурсаны в Тобольске.
 1758. Опустошение Зюнгарию китайцами; истребление калмыков.

ПОПРАВКИ И ДОПОЛНЕНИЯ

(Опубликованы В. В. в Памятной книжке за 1900 год)

1) К стр. 76¹ (3). Владения Гибинь, Хюсюнь и Гуаньду находились не между Семиречьем и Вост. Туркестаном, а в горах Гиндукуш и в долине Кабула; греческие писатели называют эти владения индоскифскими, так что тожество народа Сэ со скифами или саками можно признать несомненными.

2) К стр. 103 (30). Компиляция XVI в., о которой здесь идет речь и которую не мог определить Шефер, есть Тарихи-Хайдери, сочинение Эмин-Ахмеда Рази, жившего в Персии в конце XVI в. Это сочинение до сих пор было известно только в одной рукописи, находящейся в Берлине (по каталогу Перча № 418); ср. о нем Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, II, 271. Изданный Шефером текст буквально совпадает с соответствующими главами берлинской рукописи.

К стр. 162 (89). По Тарихи-Хайдери Рашид умер в 978 (1570—1) г., ему наследовал его сын Абд-ал-Лятиф, который 29-ти лет от роду пал в битве с Хакк-Назаром (год его смерти не приводится).

К стр. 163 (90). Автор упомянутого здесь турецкого сочинения—Шейфи; отрывки из его труда были изданы во французском переводе Шефером, в качестве приложения к переводу сочинения Абд-ал-Керима Бухари (Histoire de l'Asie Centrale par Abdul-Kerim Boukhary, trad., par Ch. Schefer, Paris, 1876, p. 292).

В. Бартольд.

¹ В скобках обозначены страницы отдельных оттисков.

У К А З А Т Е Л И
СОБСТВЕННЫХ ИМЕН
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ
НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН *

- Абд-ал-Касим 81
 Абд-ал-Керим Бухари 82, 92
 Абд-ал-Лятиф 82, 92
 Абд-ар-Рашид 80, 81, 82
 Абд-ар-Реззак Самаркандский 65,
 67, 70, 71, 72, 73, 74, 75
 Абдулла 79
 Абель-Ремюза 12
 Абишка 51
 Аблай 88
 Абу-Бекр Кашгарский 76, 78, 79
 Абу-Долеф 22
 Абу-л-Хайр 74, 76
 Абуль-Гази-Бохадур-хан [Aboul
 Ghazi Behadour Khan] 21, 84
 Абу-Музахим 19
 Абу-Сеид 74, 75, 91
 Абу-Ханифа [Имам-Азам] 83
 Абу-Якуб-Юсуф-Секаки 46, 90
 Акимова М. С. 8
 Ала-ад-дин [Тармаширин]
 Ала-ал-мульк Худавенд Задэ Тар-
 мизский 64
 Алгуй 52, 53, 54, 90
 Али, отец Илека Насра 26
 Али-Султан 63, 64
 Али-тегин 27, 28
 Алтан-хан 82, 91
 Амасанджи-тайчжи 73, 75
 Амурсана 87, 88, 92
 Анга-Тюря 68, 69
 Аньлими 15
 Арик-Бука 51, 52, 53, 58, 90
 Аристов Н. А. 12, 25, 74
 Арслан-хан карлукский [отец]
 37, 38
 Арслан-хан карлукский (сын)
 39, 51
 Арслан-хан Ахмед Кашгарский 32
 Арслан-хан Мухаммед б. Али 27
 Арслан-хан Сулейман 32, 33, 89
 Ахмед, преемник Юнуса 76, 77, 91
 Ахмед Мирза 75
 Ашина-Синь 19
 Ашина-Хуайдао 18
 Ашина-Хэлу 18
 Ауфи 30
 Бабачак-Султан 79, 81
 Бабур [Baber ed-Din Muhammed]
 65, 73, 74, 76, 78
 Бадан-Сангу [Янал-Тегин] 23
 Байдар 52
 Байкечер 56, 57, 58, 59, 60
 Бань-Чао 15
 Барсхан 23
 Бартольд В. В. 3, 4, 5, 6, 8, 82, 92
 Батур-хун-тайчжи 84, 91
 Батый 49, 50, 90
 Баян 55, 56, 57, 58, 90
 Бейхаки 25, 26, 27, 28, 29
 Березин 39, 53
 Беркай 52, 53
 Бернштам А. Н. 7, 9
 Беха-ад-дин Маргинани 48, 49
 Бихуаньчжи 15
 Бичурин, Иакинф 10, 11, 12, 13,
 14, 15, 16, 18, 19, 20, 24, 43,
 82, 84, 85, 87, 88
 Богра-тегин Сулейман [Арслан-
 хан] 28
 Богра-хан Мухаммед 30, 89
 Богра-хан Харун 29, 30
 Борак 54, 55, 90
 Бретшнейдер [Bretschneider] 41,
 51, 65
 Бузэн 62, 64, 90
 Бузар [Тогрул-хан] 39, 40
 Буйдаш 81
 Бури, джагатайский царевич 41,
 49, 52, 59
 Буруч-оглан 75
 Бу-со-хуань 35, 36
 Бухгольц 86
 Бэй-Вэй [Юань-Вэй] 16

* Указатели составлены научным сотрудником Института Языка, Литературы и Истории Валитовой А. А.

- Вамбери 29
 Вань-Чжень Сянь 19
 Васильев В. П. 32
 Вассаф [Wassaf] 46, 50, 53, 54, 55,
 56, 57, 58, 59, 60
 Везир 47, 48
 Вейс-хан 71, 72, 73, 91
 Вели, эмир 78
 Велянов 86, 92
 Веляминов-Зернов В. В. 65, 74,
 75, 78, 82, 83, 84, 92
 Веселовский Н. И. 3, 82
 Воеводский М. В. 6
 Ву-гу-сунь 41, 42, 90

 Газан-хан 56
 Гайтон 51, 90
 Галдан-Бошоку-хан 84, 85, 92
 Галдан-Цэрэн 87
 Гардизи 4, 20, 25, 26, 27
 Гирей 74
 de Goeje 20
 Григорьев В. В. 22, 25, 34
 Грязнов М. Г. 6
 Гуюк 48, 49, 59, 90
 Гюньцюйми [Сэньцзу] 13

 Denisson Ross 65
 Desmason 21
 Дефремери [Defremeri] 41, 48,
 59
 Джагатай 41, 43, 44, 45, 46, 47,
 48, 52, 58, 59, 90
 Джанибек 74
 Джаухари 25
 Джейхани 20
 Джемал-аль-Карши 25, 26, 28, 32,
 39, 40, 41, 46, 47, 49, 50, 52, 53,
 54, 55, 56, 57
 Дженкинсон 82
 Дженкши 63, 90
 Джахангир 67
 Джувейни 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39,
 40, 41, 43, 48, 49, 51
 Джузджани 46
 Джучи 42, 44, 49, 55
 Джэбэ-нойон 40
 Дост-Мухаммед 74
 Дудин С. М. 3
 Дурра-Тимур 61, 62, 90

 Elias, N. 65
 Elliot 46, 65
 Елюй-Даши 32
 Елюй-иле [Мухаммед] 35, 36
 Елюй-чу-цай 41, 89
 Erskine, W. 65
 Есулун 48
 Есу-Мункэ 48, 49, 90
 Есун-Тимур 63
 Julie 46
 Julien, Stanislas 16

 Залеман К. Г. 25
 Зияд ибн Салих 21

 Иакинф [Бичурин] 10, 11, 12, 13,
 14, 15, 16, 18, 19, 20, 24, 43, 82,
 84, 85, 87, 88
 Ибн-ал-Асир 26 27, 28, 29, 30, 31,
 33, 34 35, 36
 Ибн-Батута [Ibn Batouth a] 59, 61,
 62, 64, 90
 Ibn-Wadhah 24
 Ибн-Хордадбех 20
 Ибрагим 29
 Ибрагим, сын Шахроха 73
 Иемин-ад-Дауля [см. Махмуда
 Газневи] 27
 Йиган-тегин Мухаммед Бограхан
 28
 Иловайский Д. И. 16
 Ильчигидай 61, 62 90,
 Илья III, несторианский патри-
 арх 36, 89
 Ильяс-Ходжа 66
 Имам-Азам [Абу-Ханифа] 83
 Иоанн, священник средневековых
 легенд 36
 Иоанн XXII 61
 Johannes, presbyter 32
 Исфазари 46
 Ичими 15, 89
 Ишим 84

 Кадыр-хан Джibraйл 30, 80
 Кадыр-хан Юсуф 27, 28, 29, 80
 Казан 64
 Казаган 64
 Каллаур В. А. 19
 Камар-ад-дин 66, 67, 68, 69, 90
 Канси 92
 Карасмон 63
 Кара-хан Омар 30
 Касим 78, 80, 82
 Катрмер 65
 Кебек-Султан 74
 Кичик-Ханым 70

Клапрот 12
Kremer 34
Куан-Ван [Ними] 13, 14
Куб-ад-дин Керманский 46
Кудам 23
Куйлюк 56, 57, 58
Куман [Мани] 36
Куньджек 59, 64, 90
Куркуз 48
Курсебе 59
Курсуль 20
Кутегин-Лабан 22
Кучлук 37, 38, 39, 40, 89

Лаврентий из Александрии 63
Лама-Дорчжи 87
Левшин 86
Leiden J. 65
Лецзяо-ми 11, 13
Лешкер-хан 28
Людовик XIV 40
Лыкошин Н. 15, 30

Макдиси 25
Майльс [Miles] 41, 62, 63
Мамду-хан Карлукский 38
Мангазола Фома, домниншканец 61
Mani 24
Мани [Куман] 36
Мансур 77, 79
Мария Стюарт 36
Марко Поло [Marco Polo] 46
Марков, А. К. 27
Массон, М. Е. 7, 8
Масуд 28
Матфей, апостол 45
Махди 24
Махмуд, сын Юнуса 77, 78, 91
Махмуд-Бай 38
Махмуд Газневи 26, 28
Махмуд Кашгарский 6
Махмуд-Султан 74
Махмуд-хан 33
Меджд-ад-дин 48
Мелик-Тимур 58, 59
Мелик-Хусейн 64
Меликшах 29
Менгу-Тимур 54
Мин, китайская династия 72, 73
Мирза Искандер 70
Мир-Ибрагим 74
Мир-Керим-Берди 73, 74
Мир-Мухамед-шах 73
Мир-Хакк-берди Бекичек 73, 74

Мирхонд 32, 54
Morley 25
Moshemii, 61
Мохэ-дагань 19
Мубарек-шах 54, 62, 90
Мумаш-хан 80
Мункэ 43, 49, 50, 51, 58, 90
Мусеви 41, 61, 62, 63, 65, 66, 70
Мухаммед [Елюй-иле], гурхан 35
Мухаммед, предводитель киргиз 79
80
Мухаммед-Хайдер Дуглат [Mirza
Muhammad Haidar Dughlat] 65,
71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79,
80, 81
Мухаммед-бек 71
Мухаммед ибн Махмуд 28
Мухаммед-оглан 70
Мухаммед-Пулад 64
Мухаммед-хан 71, 72, 91
Мухаммед, хорезмшах 38, 39, 46

Наливкин В. П. 25
Накш-Джехан 71, 90
Наршахи, Мухаммед [Muhammad
Nerchakhy] 15, 30, 33
Насир-ад-дин 50
Наср, арабский наместник 20
Наср, илек 26, 27, 29
Несеви 38, 39,
Николай, францисканец 63
Ними [Куан-Ван] 13, 14
Ногай 56
Ноуруз-Ахмед 82, 83, 91
Озар 39
Ольджайту 61
Омари 60
Омар-шейх 68, 69, 70 75
Опперт [Oppert] 32, 35, 36
Орда, старший сын Джучи 44
50, 56, 58
Осман, самаркандский хан 38
д'Оссон 32, 41, 44, 49, 55, 56, 57,
58, 61

Пантусов 5
Пасхалис, священник из Испа-
нии 63
Пети-де-ля-Круза [Petis de la Cruz]
41, 59, 61, 67, 68, 69, 70
Петр из Прованса, миссионер 63
Плано Карпини 44, 90
Позднеев А. М. 82, 84
Покотилов 72, 73

- Поярков 5
 Пуладчи, эмир 65, 66
 Рабтан, полководец Галдан-Бошукту-хана 84
 Раллов В. В. 3, 12, 27, 29, 31, 45
 Раймунд Руф, миссионер из Александрии 63
 Raverty 46
 Рашид, премирник Сеида 80
 Рашид-ад-Дин 39, 43, 47, 48, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60
 Ренат [Renat] 67, 68, 82, 86, 87
 Ритте, К. 34
 Ричард, миссионер из Бургундии 63
 Рубруквис [Rubruk] 43, 45, 50, 51, 90
 de Saint-Martin, Vivien 12
 Sanguinetti 59
 Сарбан 56
 Сатук-Бограхан Абдулкерим 26
 Сатук-хан, хан Самарканда 72, 90
 Сеид-Али 79
 Сеид 77, 78, 79, 81
 Сейф-ад-дин Бахарзи 46
 Сейфи 82
 Синджар 30, 34
 Сисеньсзу 14
 Соловьев С. 35, 47
 Сукнак-тегин 40
 Сулейман-бек 52
 Сулу 19
 Сэнгэ 84, 91
 Сэньцзу [Гюньцюйми] 13
 Сэцен-хан 84
 Сюань-Цань 16, 17, 89
 Tabari 19
 Табгач хан Хасан 32
 Тайчжи-Эсень [„Алача“] 76
 Талику [Хызр] 59, 60, 90
 Тан, китайская династия 17
 Танику-Тараз 38
 Таньшихай 15
 Тахир 80, 81, 82, 91
 Тармаширин [Ала-ад-дин] 62, 90
 Тевеккуль, казахский хан 82, 83, 84
 Тевеккюль-Ага, дочь Хызр-Ходжи 70, 91
 Тереножкин А. И. 6
 Тимур 24, 41, 56, 59, 61, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 72, 90, 91
 Тобо 16,
- Тогон 73
 Tornberg 26
 Тогурул 30
 Тогурул-Кара-хан Юсуф 29, 89
 Тогурул-тегин 29
 Тогурул-хан [Бузар] 39
 Томсен В. [Thomsen] 3, 21
 Тохта 56, 57
 Тува [Дува] 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 90
 Туган-хан кашгарский 26, 27, 28, 89
 Тугаши 48, 49
 Тугум 81
 Туда-Тимур 58
 Туклук-Тимур 65, 66, 68, 90
 Тулуй 43, 49
 Туманский А. Г. 21, 22, 23, 24
 Тумынь, Или-хан 16
 Тюкме 59, 60
 Тюрк, мифический сын Яфета 21
- Угрюмов 87, 92
 Угэдей 43, 44, 47, 48, 49, 50, 52, 53, 58, 59, 90
 Угэчжи-Хашага 72
 Узбек 61, 90
 Уз-Тимур Тайчжи 73
 Улугбек 41, 62, 63, 71, 72, 73, 90
 Улчжэй-Тимур 72
 Умняков И. И. 5
 Унгуйми 13, 14
 Унковский 82, 86, 92
 Урус 56, 57, 60
 Урюк 59, 60
 Утби 25, 26, 27
 Уцзюту 14
- Феодор, московский царь 83
 Франциск, монах из Александрии 63
 Fraser 65
- Хабаш-Амид [Кутб-ад-дин 46, 48, 49, 50, 52, 90
 Хайду 52, 53, 54, 55, 56, 57, 59, 60, 90
 Хакк-Назар 82, 92
 Халиль 64
 Халиль-Султан 77, 78
 Hammer-Purgstall 50, 53, 54
 Хара-Хулагу 48, 49, 50, 54, 90
 Хара-Хула, чоросский хан 84
 Харун, правитель Кашгара 30

Харун Богра-Кара-хан 26, 27, 89
Хаши 53
Хафизи Абру 65
Chwolson, D. 63
Houdas 38
Houtsma 24
Howorth 74, 82
Хошук-нойон 47
Хубилай-нойон, полководец Чингиз-хана 39
Хубилай, внук Чингиз-хана 51, 52, 53, 54, 55, 90
Худайдад 66, 68, 72, 73
Хулагу 50, 51, 52, 90
Хункирин [Хункуран] 50
Хутулун-чага 56, 57
Hügel, G. 9, 24
Хызр [Талику] 59, 60, 90
Хызр-Ходжа 68, 69, 70, 90

Царнке 32, 36
Цэван-Дорчжи 87, 92
Цэван-Рабтан 85, 86, 87, 92
Цэрэн-Дундук 86
Цылими 14

Чагры-тегин Хусейн 29
Чан-дэ 51, 90
Чан-чунь 42, 45, 90
Чапар 56, 57, 58, 59, 60, 90
Чередов, Иван 86
Чжан-цянъ 13
Чже-лу-гу 36
Чингиз-хан 37, 39, 41, 42, 43, 44, 47, 53, 56, 90

Шаболо-Хилиши 18
Шабук [или Сатук] Кара-хан 26
Shavannes Ed. 5
Шама-Джехан 70, 71, 91
Шамур-Табангу 37

Шах, сын Хайду 57, 58, 59, 60
Шах-джехан 70, 71
Шахрох 71, 91
Шейбан, второй сын Джучи 44
Шейбани, Мухаммед 76, 77, 78, 91,
Шемсульмульк Наср 29
Шериф-ад-дин Иезди 41, 62, 65, 71, 75
Шефер, Шарль (Schefer) 33, 35, 82, 92
Шир-Али 70, 71
Шир-Мухаммед-Оглан 71, 72, 91
Schmidt, 36, 43
Шы-гу 11

Эбугэн 63
Элбэк 72
Эмиль-Ходжа 65, 79, 91
Эмин-Ахмед-Рази 33, 92
Эргенэ 49, 50, 52, 54, 90
Эсень-бука, правитель Джагатай-ского государства (ум. в 1318 г.) 60, 91, 65, 90
Эсень-бука, правитель Могулистана (ум. в 1455 г.) 73, 74, 91
Эсень-тайчжи 73

Юань-Вэй (Бэй-Вэй), китайская династия 16
Юань-гуйми 14
Юйлюй 15
Юнус 73, 74, 75, 76, 81, 91
Юханан 63
al-Jaqubi 24

Языков, Д. 44
Якубовский А. Ю. 6
Якуб-тегин 29
Янал-тегин 29
Янги, правитель Балха 62
Ясавур 61, 64
Яфет 21

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авиньон 61
Айгыр-Ялы 6с
Аксай 81
Аксу, приток р. Чу 72, 87
Аксу, город 12, 17, 24, 65, 70, 74,
77, 78, 79
Ак-Куяш 81
Алабуга 73
Алак [Алатау] 85
Ала-Камак 49
Ала-Куль [Ит-Ичмес] 44, 69
Аламедин, селение 22
Алатау 14, 49, 87
Александрия 63
Александровский хребет 42
Алимту 66
Ал-Кошун 68
Алма-Ата 77
Алмалык 40, 41, 42, 44, 45, 50, 62,
63, 64, 66, 90
Алматы [Алмалык] 69
Алтай 21, 58
Алгун-Кюрге 69
Алтын-Эмель 87
Аму-Дарья 17, 20, 21, 26, 30, 43
Ангрен 54
Андижан 79
Арбат 78
Арджату 69
Арпа 23, 58, 67, 79
Аршал-Атар [Берке-и-Гуриян,
Берке-и-Кузган] 67
Аршату 69
Арышляр 81
Асхабад 21
Ата-кум 67
Атбаш, река 23, 29, 52
Атбаш, город 23, 30, 67, 73, 81,
89, 91
Аткан [или Атын]-Сури 68
Атрак-Куль [Балхаш] 69
Аулиеатинский уезд 23
Аулие-Ата 3, 16, 22, 28
Афганистан 52, 56, 61, 62
Ахенгеран 54
Ахсикет 22, 77
Ахта-Диктур 69
Ашпара 74
Аягуз 68
Багдад 57
Бадахшан 68
Бай 79
Байкал 32, 44
Байтак 67
Балай-Каз 69
Баласагун 7, 25, 26, 27, 28, 29, 31,
31, 33, 34, 39, 40
Балх 20, 26, 62
Балхаш 51, 66, 87
Бангарбан-Бенке 67
Баркуль [Барс-Куль] 66
Барскаун, река 23, 79
Барсхан, город 23, 24, 30
Бедель 12, 27
Беклиг [Беклилиг, Семекна] 21,
23, 28
Берке-и-Гуриян [Берке-и-Кузган,
Аршал-Атар], перевал, 67
Берлин 8, 32, 34, 92
Бишбалык 50, 64, 72
Богуты, горы 42
Большой Кебин 80
Большой Юлдуз 66
Боротал 43, 85
Буамское ущелье 67, 90
Булуңцир 10
Бургундия 63

- Бури-баши 59, 68
 Бухара 27, 33, 43, 55, 76
 Буюрлагу 68
 Великий океан 32
 Вена [Wien] 29, 50
 Верный [Алматы] 5, 24, 77
 Верхний Иртыш 84
 Волга 84
 Восточный Туркестан 6, 11, 13,
 14, 15, 18, 19, 20, 21, 23, 7, 28,
 31, 33, 34, 35, 38, 40, 41, 52, 54,
 65, 66, 67, 69, 70, 72, 76, 79, 80,
 89, 91, 92
 Газна 62
 Гао-Чан [Уйгурия] 18
 Герат 64, 74
 Гибинь 11, 92
 Гиндукуш 11, 92
 Гобалык [Баласагун] 40
 Гуаньду 11, 92
 Джаргалан 86
 Джиль-арык [Джилъ] 22
 Джитикенд 74, 77
 Джуль 22
 Джумгал 81
 Джууки 79
 Дмитриевское 4
 Енисей 24, 33, 52
 Equicus 51
 Есун-мурэн 60
 Заилский Алатау 24
 Зайсан 84
 Западная Азия 16, 22, 41, 42, 50,
 62, 82
 Западный Туркестан 21
 Зюнгария [Dzoungarie] 86, 87, 92
 И-ду 51
 Иламыш 38
 Илан-балык 51
 Или, река, 4, 18, 19, 31, 35, 41,
 42, 44, 51, 55, 57, 60, 67, 68, 69,
 72, 75, 85, 86, 87, 88
 Или-балык [Илан-балык] 51, 72, 73
 Илийская долина 52, 90
 Иль-Аларгу [Иль-Аларгеви] 45
 Индия 26, 28, 43, 62, 64, 86
 Иртыш 43, 58, 60, 66, 69, 85, 86,
 87, 91
 Испания 63
 Иссык-Куль, озеро 4, 6, 12, 17, 21,
 22, 24, 45, 61, 65, 68, 69, 70, 72,
 73, 78, 80, 82, 85, 87, 91
 Иссык-Куль [Сикуль], город 24, 45
 Исфиджаб [Сайрам] 28
 Ит-Ичмес 69
 Ични-Бучни 69
 Кабикалар [Кабилкакла] 80
 Кабул 11, 78, 92
 Казахстан 4, 6
 Каир 29
 Кайлак [Каялык] 51
 Какмабурджи 69
 Каменный мост 34
 Карабулак 22, 23
 Карагаты 86
 Кара-Гучур 68, 69
 Кара-Касмак [Кастек] 67
 Кара-Коин, 23
 Каракол, город 24
 Каракол, перевал 22
 Каракорум 49, 50, 51, 64
 Каратал 69, 78, 86
 Карашар 69, 79
 Каргалинка 7
 Каркара 87
 Карши 61, 72
 Каспийское море 15
 Кастек 17, 21, 24, 42, 67
 Катванская степь 33
 Кафир-Яры 79
 Каш 81
 Кашгар 16, 23, 27, 28, 29, 30, 36,
 65, 68, 70, 73, 76, 78, 79, 80,
 81, 82
 Кашгария 40, 78
 Каялык 35, 39, 45, 49, 50
 Каян [или Кыян]-Казы 68
 Кебин 87,
 Кеген 87
 Керминкет [Кумберкет] 22
 Кетмень 87
 Киргизия 7
 Киргизская ССР 3
 Киргизстан 3, 4, 5, 6, 7, 8
 Китай 13, 14, 15, 16, 18, 22, 31,
 32, 33, 34, 39, 41, 42, 51, 52, 56,
 62, 63, 64, 70, 71, 79, 82, 85, 89,
 91, 92
 Китайская Империя 13
 Китайский Туркестан [Восточный
 Туркестан] 34

- Кобук 43, 60, 68
 Коджигер [Кочигир] 87
 Койбын 87
 Кой-Мараг 68
 Койсу 87
 Кой-суй 73
 Кок 44
 Кокандское ханство 17
 Кок-Сали 68
 Кок-тепе 67, 68, 69
 Кок-тал 87
 Кок-терек 87
 Конур-Улен 80
 Копал 35
 Кочигир [Коджигер] 87
 Кочкар 67, 80, 81, 90, 91
 Кошой-Курган 23
 Кукча-Тенгиз [Балхаш] 66
 Кулан 19
 Кульджа 87
 Кульджинский край 34, 38, 39, 42,
 45, 52, 65,
 Кумберкет 22
 Кунгез 69, 71, 81
 Куня-Ургенч 63
 Кураган 68
 Курату 67
 Кур-кара-усу 85
 Кутлуг 44
 Куча 14, 24, 65, 78, 79
 Куяш 44
 Кызыл-кия, перевал 24
 Кызыл-су 12
- Leipzig 24, 29, 32, 61
 Ленинград 3
 Лепса 86
 Лоб-нор 68
 Лондон [London] 41, 46, 65
 Луговое [Тарты] 19
- Мавераннахр 6, 17, 19, 21, 22, 25,
 26, 27, 28, 29, 31, 33, 35, 41, 58,
 61, 62, 64, 66, 70, 73, 74, 75, 76,
 77, 81, 86, 90
 Мазендеран 43
 Малая Азия 70
 Мангалай-Субэ 65
 Мераурик [или Мераузик]-Ил 44
 Могулистан 65, 66, 68, 69, 70, 71,
 72, 73, 74, 75, 77, 78, 79, 80, 91
 Монголия 15, 37, 52, 55, 85, 92
 Москва 16, 83, 91
 Музарт 65, 86
- Наманганский уезд 22
 Нань-Шань 10
 Нарын 4, 23, 67, 77
 Нахшеб [Карши] 61
 Невакет [Невикет] 19, 22, 23, 36
- Ойнагу 67
 Оксфорд 25, 41
 Орхон [Orkhon] 3, 21
 Орнак [Ознак, Ортак] 68
 Отрар 50
 Оххум, урочище 4
- Paris 12, 16, 33, 35, 38, 50, 59
 Пекин 41
 Пенджикет 23
 Пенчуйль 24
 Персия 26, 41, 48, 52, 56, 58, 59,
 61, 73, 74, 75, 91, 92
 Петербург 3
 Пишпек 4, 5, 9, 22
 Прованс 63
- Россия 35
 Русь 16
- Сайрам, город 67, 73, 75, 78, 79,
 84, 86, 90, 92
 Сайрам, озеро 52, 69, 90
 Самарканд 27, 29, 33, 35, 43, 50,
 64, 67, 69, 71, 76
 Сан-таш 24
 Сарай-Ордам 69
 Сарыг-ат-Ахури 79
 Сарыкол 40
 Себкунь-Бала 59
 Северная Киргизия 5, 7
 Северный Китай 15, 27, 32
 Секиз-Игач 67
 Селенга 43
 Семекна [Беклиг, Беклиг] 21, 28
 Семиреченская обл. 40
 Семиречье [Semirjetschie] 3, 4, 5,
 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 14, 15, 16,
 17, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27,
 28, 30, 31, 33, 34, 35, 37, 38, 41,
 43, 44, 45, 49, 50, 51, 52, 54, 55,
 58, 59, 63, 65, 67, 71, 72, 74, 75,
 77, 78, 79, 80, 81, 82, 84, 87, 88,
 89, 90, 91, 92
- Сикуйль 24
 Средняя Азия 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9,
 10, 11, 15, 16, 20, 25, 27, 30, 31,

32, 37, 45, 52, 53, 54, 55, 58, 61,
82, 88, 90
Суй-е [р. Чу] 17
Сурхан 54
Суяб 17, 21, 22, 23, 24, 89
Сыр-Дарьинская область 11, 19, 27,
28, 34, 50, 54, 59; 73
Сыр-Дарья 10, 17, 20, 29, 39, 54,
58, 67, 74, 75, 77, 90
Сычкан-дабан, проход 69
Сют-Куль [Оз. Сайрам] 69

Талас, река 4, 9, 33, 38, 50, 54,
58, 61, 74
Талас [Тараз], город 19, 21, 22,
24, 28, 30, 41, 42, 43, 78, 89
Таласская долина 7
Талка, перевал, 84, 86, 87
Тарбагатай 43, 68
Тарты [Луговое] 19
Тогра-Отлаг 68
Ташкент 15, 16, 58, 69, 75, 77, 78,
79, 81, 82, 83, 84, 86, 91
Таш-рабат 71
Текес 46, 87
Темерлик 87
Тибет 19, 33
Тобольск 92
Токмак 4, 5, 9, 19, 24
Тон, город 22, 23
Тохаристан 20
Туркестан, город 54, 69, 73, 76,
79, 83, 86, 91
Туркестан, край 4, 6, 9, 22, 23,
33, 34, 52, 60
Туругарт 23
Турфан 18, 31, 74, 78, 85
Тюлес 69
Тюп 85, 87
Тюпелик-Карак 68
Тянь-Шань 10, 15, 32, 61

Узбекистан 66
Узгент 23, 29, 30, 38, 51, 54,
67, 89
Уйгурия 42, 43
Уркер-Китчи 69
Улан-Чарлыг 68
Улуг-Кул 69
Улуг-Иф [или Ик] 45
Ур-дабан 69

Уренг-Яр 68
Урумчи 18, 31
Уч-Турфан 79
Уч-Ферман 67

Фергана 6, 11, 12, 13, 16, 21, 23,
66, 67, 69, 73, 74, 77, 78, 79, 80
Фрунзе 5, 6, 7, 8

Хами 18, 31, 79, 85
Харкир, река 86
Helsingfors 21
Ходжент 29, 33, 89
Хорезм 34, 52, 67
Хорин-Мазар 66
Хоргос 86
Хосун—Орду 34, 41
Хотан 29
Хото 35
Хюсюнь 11, 92

Чалыш (Карашар) 69, 78
Чан-ань (Си-ань-Фу) 18
Чапар-Айгыр 68
Чарын 42, 72, 77, 86, 87
Чарын Чалак 77
Чатыр-Куль 71, 79
Чигу 12, 14
Чилик 87
Чимкент 4
Чимкентский уезд 28
Чичеклик 69
Чок-балык 58
Чу, река 17, 18, 19, 22, 23, 34, 42, 51
55, 56, 57, 68, 72, 74, 78, 87, 91
Чугучак 33
Чуйская долина 4, 6, 9, 22, 25,
45, 89

Шиберту 68
Шивлык 57
Шираз 73
Шире 68

Эмиль 33, 43, 49, 66
Эмиль-Гучур 69
Юлдуз 59, 69, 72, 91
Южная Киргизия 4, 5, 7
Южный Алтай 43

Яны-Курган 34
Ясы [Джасы], перевал 23, 67
Яр, город 22
Яркенд 14, 27, 76, 78

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ.

- Аз 21
Азийцы 21
Арабы 19, 20, 24
- Бекрины [или мекрины] 53
Болгары 31
Большая киргиз-казахская орда [уйсуны] 16
Буруты [киргизы] 85
Византийцы 16
- Джикили 22, 29
Дулу 18
- Жужане 15, 89
- Западные тюрки 17, 18, 19
Зюнгары 82, 84
- Казахи 76, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 91
Калмыки [ойраты] 72, 73, 75, 80, 82, 83, 84, 86, 87, 88, 88, 91, 92
Кангюй (канглы) 11, 12
Кара-китаи (китаи) 6, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 38, 39, 4, 44, 89
Карлуки 21, 22, 23, 24, 25, 38, 89
Кашгарцы 36, 89
Киргизы (кара-киргизы) 6, 24, 25, 77, 78, 79, 81, 82, 83, 88, 91
Китаи (кара-китаи) 27, 31, 32, 33, 34, 36, 39, 41, 44
Китайцы 10, 11, 12, 13, 14, 15, 18, 21, 47, 51, 72, 85, 86, 87, 88, 89, 92
- Лабан 22
- Мангыты (ногайцы) 80
Монголы 31, 39, 40, 41, 47, 48, 51, 53, 54, 65, 66, 72, 77, 80, 81, 83, 84, 86, 89, 91
- Найманы 39
Ногайцы (мангыты) 80
Нушиби 18
- Огузы 20
Ойраты (калмыки) 72, 73, 75, 80, 82, 83, 84, 86, 87, 88
- Русские 83, 88
- Саки 11, 92
Сельджуки 34
Скифы 11, 92
Согдийцы 21
Сэ 11, 89, 91
Сяньбийцы 15
- Тангуты 86
Татары 44
Тахсийцы 21
Тибетцы 24
Токуз-огузы (тугузгузы) 20, 23, 24, 25
Торгот 72
Тумэты 82
Тюргеши 19
Тюрки 12, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 26, 31, 33, 41, 75, 89
- Узбеки 80, 82
Уйгуры 31, 41, 48, 53
Уйсуны 16
Усуни 3, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 89
- Ферганцы 92
- Хоит 72
Хошот 72
Хунны 10, 11, 13, 14, 15
- Черные татары 70
Чорос 72
- Чжурчженн 41
Шато 20
- Эфталиты 12
Юечжийцы 11
Ягма 23 25